This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

BOOK 6

a39015 00034102 7b

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Veselovskii, Nikolai Ovanovich.

СВѢДѢНІЯ

ОБЪ ОФФИЦІАЛЬНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ

ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

ВЪ

РОССІИ

Н. И. Весловскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул. д. № 33.
1879

Digitized by Google

PJ
68
.R9
V58

Digitized by Google

Stock
Exchange
Leningrad V.
6-14-52
921702-293

Въ Западной Европѣ изученіе восточныхъ языковъ началось со времени крестовыхъ походовъ, когда Европейцы впервые ознакомились лично съ мусульманскимъ міромъ. На первое время изучались только семитическіе языки: арабскій и еврейскій; первый—ради медицинскихъ сочиненій арабскихъ ученыхъ; второй—для потребностей богословія. Въ періодъ Реформаціи изученіе этихъ языковъ усилилось (преимущественно въ Германіи и Англіи), но цѣли изученія оставались тѣже [1]). Ни историческая литература Востока, ни его изящная словесность, не обращали еще на себя вниманія ученыхъ Западной Европы. Только завоеваніе Англичанами Индіи и открытія сдѣланныя тамъ Анкетилемъ дали, съ конца XVIII столѣтія, другое направленіе изученію восточныхъ языковъ: на нихъ стали смотрѣть какъ на необходимое пособіе въ дѣлѣ ознакомленія съ жизнью и литературою азіатскихъ народовъ; а затѣмъ, съ возникновеніемъ Сравнительной Лингвистики, начали изучать ихъ для нихъ самихъ.

Въ Россіи за изученіе восточныхъ языковъ стали приниматься лишь съ начала прошлаго столѣтія, благодаря почину и заботамъ Петра Великаго. Такое, по-видимому, позднее введеніе у насъ оффиціальнаго обученія восточнымъ языкамъ, сравнительно съ Западной Европой, покажется еще болѣе позднимъ, если принять во вниманіе наши искони существовавшія политическія и торговыя отношенія къ народамъ Востока, требовавшія людей свѣдущихъ въ нѣкоторыхъ языкахъ Азіи [2]). Но не позднимъ, а скорѣе раннимъ, пока-

---

[1]) Тогда (XV стол.) были переведены сочиненія арабскихъ медиковъ-натуралистовъ: Эр-Рази, Ибнъ-Сины (Авицены), Ибнъ-Рушда (Аверроеса), и другихъ.

[2]) И были у насъ знатоки восточныхъ языковъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что иностранные путешественники находили въ Золотой Ордѣ толмачей изъ Русскихъ (*Плано Карпини*, въ русскомъ переводѣ Языкова, стр 20, 214); Ярлыки, данные татарскими ханами нашему духовенству, сохранились только въ переводахъ, на русскомъ языкѣ; царю Борису Ѳеодоровичу посвящено было сочиненіе на татарскомъ языкѣ (*Рычковъ*, «Оренбургская Исторія», въ

Digitized by Google

жется введеніе у насъ обученія восточнымъ языкамъ со времени Петра Великаго, если мѣры относительно введенія ихъ поставить въ связи съ общимъ состояніемъ образованности Россіи въ то время. Только въ началѣ XVIII столѣтія обратило правительство серьозное вниманіе на водвореніе научныхъ знаній въ Россіи, и при этомъ восточные языки не только не были забыты, но даже заняли мѣсто впереди предметовъ, по-видимому, болѣе нужныхъ и важныхъ. Произошло это, конечно, потому, что изученіе у насъ восточныхъ языковъ являлось не излишнею роскошью, а насущной потребностью: необходимо было имѣть русскихъ людей знакомыхъ съ восточными языками, какъ для сношеній пограничныхъ и заграничныхъ, такъ и для администраціи въ мѣстностяхъ населенныхъ инородцами. Вслѣдствіе этого и оффиціальное преподаваніе у насъ восточныхъ языковъ долгое время отличалось чисто-практическимъ характеромъ, а въ научномъ отношеніи проходило безъ всякаго слѣда. О требованіяхъ науки въ дѣлѣ востоковѣдѣнія первый заговорилъ у насъ иностранецъ, состоявшій на русской службѣ, Керъ. Въ 1733 г. составилъ онъ проектъ Азіатской въ Россіи Академіи, въ которомъ заявлялъ о необходимости изученія литературъ Востока, о собираніи восточныхъ древностей, и т. д. [3]). Но прошло семдесятъ лѣтъ послѣ этого замѣчательнаго проекта, прежде чѣмъ изученіе восточныхъ языковъ было поставлено на научную почву, да и то не совсѣмъ въ такой полнотѣ, о какой мечталъ Керъ.

Первый кто сознялъ необходимость изученія у насъ восточныхъ языковъ былъ, какъ сказано, Петръ Великій. Знаніе языковъ этихъ находилъ онъ нужнымъ для нашихъ сношеній съ народами Азіи. Петръ Великій хотѣлъ подготовить свѣдущихъ людей въ китайскомъ языкѣ изъ Русскихъ, когда предполагалъ завести связи съ Китаемъ (1700 годъ); онъ ввелъ преподаваніе японскаго языка въ Петербургѣ (годы 1702—1705), разсчитывая завести торговыя сношенія съ Японіей. Въ 1716 г. отправлены были въ Персію, при посланникѣ Волынскомъ, пять учениковъ изъ Московской Духовной

ежемѣсяч. сочин. 1759, II, 105); сохранилась древняя сабля съ вычеканеннымъ въ Москвѣ царскимъ титуломъ арабскими письменами (см. статью *Савельева* объ учрежд. восточн. академіи). Ясно, что были у насъ знатоки восточныхъ языковъ; но это были знатоки, такъ сказать, случайные, которые не обезпечивали насъ на будущее время, что и оказалось, когда преподаваніе восточныхъ языковъ введено было въ университетахъ. Своихъ преподавателей не нашлось: за ними нужно было обратиться за границу.

[3]) *Савельевъ* «Предположеніе объ учрежденіи Восточной Академіи въ С.-Петербургѣ» (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1855 г. ч. 89, отд. III).

Digitized by Google

Академіи для изученія языковъ турецкаго, арабскаго и персидскаго; при этомъ ученики зачислены были въ Посольскій Приказъ [4]). Имена и дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстны. Такая же мѣра принята была въ 1724 г., когда отправленъ былъ въ Турцію Румянцевъ. По указу Сената съ нимъ посланы четыре ученика Московской Академіи, въ возрастѣ отъ 13 до 14-ти лѣтъ, для изученія турецкаго языка, съ назначеніемъ имъ на первый годъ по 200 рублей (считая въ томъ же числѣ проѣздъ и плату учителямъ), а потомъ по 100 р. въ годъ [5]). Около того же времени положено было начало преподаванію монгольскаго языка въ Иркутскѣ, и предполагалось ввести обученіе китайскому [6]).

Начало преподаванію у насъ восточныхъ языковъ, положенное Петромъ Великимъ, приняло, съ прибытіемъ въ Россію иностранцевъ-оріенталистовъ, болѣе широкіе размѣры.

Въ 1732 г. пять учениковъ Московской Академіи, умѣвшіе говорить по-латыни, поступили въ Иностранную Коллегію для изученія языковъ арабскаго, турецкаго и персидскаго, которые преподавалъ Керъ. Въ 1738 г. туда же поступили два ученика для изученія маньчжурскаго языка. Для занятій восточными языками брали главнымъ образомъ учениковъ Московской Академіи, вслѣдствіе чего академическое начальство стало этимъ тяготиться. Такъ, въ 1735 г. ректоръ Софроній жаловался въ Синодъ, что не многіе ученики доходятъ до богословскаго класса, «ибо иніи посылаемы бываютъ въ Санктпетербургъ для обученія оріентальныхъ діалектовъ и для камчадальской экспедиціи, иніи въ Астрахань для наставленія Калмыковъ и ихъ языка познанія, иніи въ Сибирскую губернію съ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Василіемъ Татищевымъ" и т. д. [7]).

При Академіи же Наукъ сталъ преподаваться съ 1741 года и китайскій языкъ.

Вообще, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ проживало значительное число лицъ свѣдущихъ въ восточныхъ языкахъ. Кромѣ помянутаго уже Кера, находились: *Байеръ*, профессоръ древностей при Академіи Наукъ; докторъ *Мессершмидтъ*, *Бухартъ*, около того времени вернувшійся изъ Китая; *Бакунинъ*, секретарь посольства; секретарь *Суда*; переводчикъ *Петръ Смир-*

---

[4]) Полное Собр. Закон. Рос. Имп., т. V, № 2978; *Смирновъ*, Исторія Москов. Духов. Акад., стр. 243.

[5]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1853, ч. 80, отд. VII, 28-9.

[6]) См. ниже.

[7]) *Смирновъ* «Исторія Моск. Акад.», стр. 242-243.

Digitized by Google

новъ (для калмыцкаго языка); переводчикъ *Синевичъ* (для турецкаго языка); инородцы: *Мустафа Ахмедъ* и *Муртаза Тевкелевъ*, знавшіе языки турецко-татарскіе; *Бикри Христофоръ*—турецкій и персидскій [8]).

Въ первое время своего существованія Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ не рѣдко пользовалась услугами оріенталистовъ-иностранцевъ (Флоріо Беневени, Керъ и др.); но затѣмъ и она стала заботиться о пріобрѣтеніи своихъ переводчиковъ. Въ 1762 г. коллегія эта представила Сенату предположеніе завести у себя учениковъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ, выбравъ таковыхъ изъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи, „чтобы современемъ можно было имѣть изъ нихъ исправныхъ переводчиковъ". Представленіе Коллегіи было Сенатомъ утверждено, и тогда же поступили въ оную, по собственному желанію, два ученика семинаріи: *Яковъ Коркинъ* (отправившійся въ 1767 г. въ Пекинъ съ духовной миссіей) изъ піитическаго класса, и *Яковъ Полянскій*—изъ грамматическаго. Въ 1770 г. Коллегія сдѣлала новый вызовъ, и на этотъ разъ изъявили желаніе обучаться восточнымъ языкамъ два ученика С.-Петербургской семинаріи: *Яковъ Соколовъ* (изъ піитическаго класса) и *Василій Полянскій* (изъ грамматическаго [9]).

---

[8]) См. проектъ Кера въ статьѣ Савельева: «Предположеніе объ учрежденіи Восточной Академіи въ С.-Петербургѣ» (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1856 г., т. 89).

О Керѣ и Байерѣ см. у насъ въ отдѣлѣ «Академія Наукъ». *Мессершмидтъ* (Даніилъ-Готлибъ) родился въ Данцигѣ въ 1685 г., воспитывался въ Галлѣ; въ 1707 г. получилъ степень доктора. При Петрѣ В. отправился въ Сибирь. Изъ Сибири, имъ изслѣдованной, вывезъ Абульгазіеву «*Китаби Шеджере-и-Тюрки*». Въ 1731 г. уѣхалъ за границу; но вскорѣ вернулся въ Россію, и умеръ въ Петербургѣ въ 1735 году (Пекарскій, «Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», I, 350-362). *Бухартъ*, вѣроятно, одно изъ лицъ свиты сопровождавшей въ Китай Савву Владиславича Рагузинскаго, остался въ Пекинѣ съ русской духовной миссіей, въ Петербургъ-же прибылъ обратно съ Лангомъ, бывшимъ россійскимъ резидентомъ при китайскомъ дворѣ.

Тевкелевъ (Алексѣй Ивановичъ), изъ извѣстнаго рода Тевкелевыхъ, неизвѣстно когда принявшихъ русское подданство. Въ первый разъ выдвинулся онъ во время персидскаго похода 1722 г., когда назначенъ былъ старшимъ переводчикомъ въ секретныхъ дѣлахъ. Въ 1732 г. отличился онъ усмиреніемъ возмущенія въ Малой Киргизской Ордѣ (тогда принявшей русское подданство) и, по возвращеніи, произведенъ изъ переводчиковъ въ полковники съ армейскимъ жалованьемъ. Въ 1742 г. состоялъ онъ при персидскомъ полномочномъ послѣ, за что и пожалованъ чиномъ бригадира. Въ 1755 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры (см. Временникъ И. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1852, кн. XII).

[9]) *Чистовичъ* «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи», стр. 58 (ссылка на дѣла архива св. Синода 1762 г., № 245).

Digitized by Google

Въ свою очередь и духовное вѣдомство нуждалось въ людяхъ основательно изучившихъ восточные языки (преимущественно еврейскій). Такъ, въ 1765 году, оберъ-прокуроръ св. Синода, Мелиссино, предложилъ Синоду Высочайшую волю, состоявшую въ томъ, чтобы изъ обучающихся въ семинаріяхъ учениковъ, которые дошли уже до реторики, „избрать десять человѣкъ для отправленія ихъ въ Англію, дабы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ. въ пользу государства, высшихъ обучатися могли наукъ и восточныхъ языковъ, не выключая богословія". И были отправлены въ Оксфордъ нѣсколько учениковъ семинаріи съ инспекторомъ Никитинымъ; съ нимъ же посланъ, назначенный по Высочайшему повелѣнію, для изученія восточныхъ языковъ, состоявшій при статсъ-секретарѣ Г. Н. Тепловѣ, чиновникъ Александръ *Буховецкій*. Относительно вернувшихся изъ-за границы мы знаемъ только, что *Иванъ Наумовъ* былъ въ 1772 году опредѣленъ въ Московскую Академію учителемъ еврейскаго и греческаго языка (скончался іеродіакономъ при Академіи Художествъ въ 1776 году); о Буховецкомъ-же не нашлось свѣдѣній [10]).

Въ царствованіе же Екатерины Великой, когда на восточные языки вновь было обращено особенное вниманіе, принята была новая мѣра къ обученію онымъ значительнаго числа молодыхъ людей. Обученіе это возложено было на находившихся на службѣ переводчиковъ, которымъ и были даны ученики въ положенномъ числѣ. Когда мѣра эта приведена была въ исполненіе, не знаемъ; но только до штатовъ присутственныхъ мѣстъ 1763 г. Такія школы находились при Оренбургской губернской канцеляріи, у переводчика татарскаго языка на 10 человѣкъ, при Ставропольской губернской канцеляріи у переводчика калмыцкаго языка — на 50 учениковъ. Такъ какъ въ штатахъ 1763 года объ ученикахъ ничего не говорится, то Сенатъ вошелъ къ Императрицѣ съ докладомъ (отъ 29 іюля 1770), въ которомъ представлялъ, что всѣ эти ученики, какъ при прежнихъ губернаторахъ находились, такъ и теперь при нихъ содержатся; но такъ какъ подтвержденія такимъ школамъ нѣтъ, то оренбургскій губернаторъ обратился въ Сенатъ съ запросомъ: содержать-ли ихъ на будущее время. При этомъ губернаторъ указывалъ, что для тамошняго края необходимы татарскіе ученики изъ Русскихъ, а не изъ иновѣрцевъ, и что изъ преждеобучившихся нѣкоторые поступили въ переводчики, толмачи и подъячіе, и съ пользою теперь служатъ. Императрица утвердила

---

[10]) Тамъ же, стр. 62—63.

Digitized by Google

докладъ Сената, при чемъ увеличено было жалованье, какъ переводчиковъ и толмачей, такъ и учениковъ. Въ Ставропольскую школу ученики набирались изъ старшинскихъ и калмыцкихъ дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторые поступили въ духовное званіе (въ священство), другіе — въ переводчики и толмачи [11]).

Въ 1773 году Иркутская Губернская Канцелярія обратилась въ Сенатъ съ просьбою назначить ей переводчика китайскаго и монгольскаго языковъ, а для бурятскаго и тунгусскаго (маньчжурскаго) — двухъ толмачей, на основаніи штатовъ 1763 года, чѣмъ иркутская канцелярія еще не пользовалась. Сенатъ не только нашелъ справедливымъ просьбу эту исполнить, но и призналъ необходимымъ содержать при переводчикахъ нѣсколько учениковъ для обученія тѣмъ языкамъ, съ цѣлію опредѣленія ихъ потомъ на переводческія должности. И тогда же переводчику назначено 150 руб. жалованья въ годъ, толмачамъ — по 30 руб., а ученикамъ при нихъ, въ числѣ 10 человѣкъ—по 15 р. каждому [12]).

Принесла-ли эта мѣра какую пользу, и равнымъ образомъ, какъ занимались преподаваніемъ переводчики, обращенные въ педагоговъ—свѣдѣній я не имѣю.

Затѣмъ получила ходъ еще другая система для распространенія преподаванія восточныхъ языковъ: введеніе ихъ въ такія учебныя заведенія, которыя не предназначались исключительно для нихъ, а имѣли своею задачею давать общее образованіе.

Въ 1782 г. (27 сентября) послѣдовалъ указъ объ учрежденіи народныхъ училищъ, при чемъ предписывалось въ училищахъ тѣхъ губерній которыя лежатъ къ сторонѣ татарской, персидской и бухарской ввести изученіе языка арабскаго, „какъ таковаго, отъ коего всѣ въ той сторонѣ употребляемые діалекты имѣютъ свое происхожденіе и посредствомъ котораго можно будетъ завести лучшихъ переводчиковъ во всѣхъ сихъ языкахъ, нежели до сего времени мы ихъ имѣемъ"; въ Иркутской-же губерніи и Колыванской области ввести обученіе китайскому языку [13]). Въ этомъ указѣ прежде всего бросается въ глаза недовольство нашего правительства тогдашними переводчиками и, затѣмъ, необходимость арабскаго языка при изученіи татарскаго, турецкаго и персидскаго.

Такимъ образомъ мы видимъ, что правительство, постоянно заботясь о расширеніи и упроченіи у насъ преподаванія восточныхъ языковъ, имѣло первоначально въ виду двѣ цѣли: во-первыхъ —

---

[11]) Полное Собр. Законовъ, т. XIX, № 13489.
[12]) Тамъ же, № 14000.
[13]) Тамъ же, № 15523.

Digitized by Google

пріобрѣтеніе свѣдущихъ переводчиковъ изъ Русскихъ; во-вторыхъ—распространеніе христіанскаго ученія среди инородцевъ людьми посвятившими себя миссіонерской дѣятельности и изучившими тѣ или другіе восточные языки. Наука не имѣлась еще въ виду; ея требованіямъ удовлетворено было только введеніемъ преподаванія восточныхъ языковъ въ наши университеты и другія высшія учебныя заведенія, послѣдовавшимъ уже въ текущемъ столѣтіи.

А. Учрежденія въ которыхъ преподавались восточные языки.

I. Гражданскаго Вѣдомства.

1. Академія Наукъ.

По плану Петра Великаго, задумавшаго основать въ С.-Петербургѣ Академію Наукъ, заведеніе это, какъ извѣстно, должно было имѣть двоякое назначеніе: дѣлать открытія и усовершенствованія въ наукахъ и, въ тоже время, обучать юношество. Этотъ характеръ и сохранялся за Академій до начала текущаго столѣтія. Въ число предметовъ занятій академиковъ при возникновеніи Академіи вошли и восточные языки. Водворить и упрочить у насъ науку возложено было на ученыхъ Западной Европы, которые, за хорошіе по тогдашнему времени деньги, и приглашены были въ Петербургъ для занятія каѳедръ въ Академіи. Въ числѣ прочихъ ученыхъ, прибылъ къ намъ на каѳедру восточныхъ языковъ и оріенталистъ *Байеръ* (Готлибъ-Зигфридъ). Родился онъ въ Кенигсбергѣ въ 1694 году, слушалъ курсъ наукъ въ Берлинѣ и Лейпцигѣ; въ 1717 году получилъ степень магистра, и въ слѣдующемъ поступилъ библіотекаремъ въ Кенигсбергскую библіотеку. Здѣсь получилъ онъ приглашеніе отъ нашего правительства переселиться въ Россію. Ему предлагали занять каѳедру древностей, или восточныхъ языковъ, или исторіи, или-же, наконецъ, сдѣлаться исторіографомъ Ея Императорскаго Величества. Байеръ выбралъ древности и восточные языки, согласно чему и состоялся съ нимъ контрактъ 3 декабря 1725 г., въ силу котораго получилъ онъ 600 р. въ годъ и готовую квартиру. До прибытія въ Россію Байеръ изучалъ семитическіе языки и китайскій, а въ Россіи принялся, насколько это было ему возможно, за маньчжурскій, монгольскій и санскритскій. Умеръ въ февралѣ 1738 года [14]), оставивъ много со-

[14]) *Пекарскій* «Исторія Академіи Наукъ», I, 188, 192; Энциклоп. Лексиконъ изд. Плюшара, т. IV, 103—105.

Digitized by Google

чиненій, но не по восточнымъ языкамъ, а по древностямъ и русской исторіи.

Керъ (Георгій-Яковъ) приглашенъ былъ изъ Лейпцига въ Россію, въ 1731 году, для приведенія въ порядокъ накопившагося въ Академіи Наукъ большаго собранія восточныхъ монетъ, такъ какъ это былъ единственный въ то время оріенталистъ въ Европѣ, зарекомендовавшій себя трудами по восточной нумизматикѣ. Въ Петербургѣ онъ поступилъ переводчикомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, а потомъ утвержденъ академикомъ. Этотъ Керъ и есть составитель извѣстнаго проекта объ учрежденіи въ Петербургѣ Восточной Академіи. Въ своемъ проектѣ онъ вызывается преподавать кромѣ семитическихъ языковъ еще персидскій и турецкій [15]).

Занимался-ли Байеръ преподаваніемъ восточныхъ языковъ, свѣдѣній я не нашелъ; о Керѣ-же имѣются указанія, что его ученая дѣятельность связана была съ преподавательскою. По всей вѣроятности, были ученики и у Байера, такъ какъ въ то время Академія Наукъ постоянно надзирала за преподаваніемъ и принимала въ немъ участіе.

По регламенту Академіи 1747 г. Исторія и Филологія были исключены изъ области ея занятій, но восточные языки не сдѣлались оттого для Академіи совершенно чуждыми [16]). Такъ Бакмейстеръ говоритъ, что „съ нѣкотораго времени Академія Наукъ содержитъ студента для изученія языковъ монгольскаго и тангутскаго (тибетскаго?), который и живетъ среди тѣхъ народовъ“ [17]). Да и самъ Бакмейстеръ, состоявшій при Академіи суббиблiотекаремъ, какъ знавшій арабскій языкъ, получалъ порученія разбирать и приводить въ порядокъ поступавшія въ Академію восточныя рукописи [18]).

Это поступленіе рукописей и другихъ памятниковъ Востока, достигшее къ началу XIX столѣтія громадныхъ размѣровъ, постоянно приковывало участіе Академіи къ оріентализму. И не смотря на то, что эта отрасль знанія не имѣла мѣста въ Академіи, она пригласила и приняла въ свои члены замѣчательнаго лингви-

---

[15]) См. о немъ у *Bohlen'a* въ статьѣ: Ueber den wissenschaftlichen Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen, а также у *Савельева* въ его «Мухаммеданской нумизматикѣ», стр. XII, XXX, XXXV.

[16]) Извѣстно, что миссіонеръ Антоній Гобиль (пробывшій въ Пекинѣ 36 лѣтъ) избранъ былъ нашею Академею Наукъ въ свои члены, въ 1747 г.

[17]) См. его «Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной Академіи Наукъ» (въ переводѣ В. Костыгова, Спб. 1779).

[18]) См. о немъ въ Энцикл. Лекс. изд. Плюшара, т. IV, стр. 142.

Digitized by Google

ста *Юлія Клапрота*, который и пробылъ въ Россіи съ 1805 по 1812 годъ. Его пребываніе въ Россіи (говоритъ Савельевъ) принесло больше пользы ему самому, чѣмъ изслѣдованію Востока [19]).

Вскорѣ послѣ того, именно въ 1817 году, разборъ восточныхъ коллекцій порученъ былъ *Френу*, въ теченіе десяти лѣтъ передъ тѣмъ прослужившему профессоромъ въ Казанскомъ Университетѣ; тогда же временно былъ онъ утвержденъ и въ званіи ординарнаго академика восточныхъ языковъ; но уже не разставался съ Академіей до самой своей смерти, послѣдовавшей въ августѣ 1851 года [20]).

По штатамъ Академіи Наукъ 1830 года, учреждена въ ней каѳедра восточной литературы и древностей, и съ того времени восточные языки получили въ Академіи право гражданства. Такъ какъ въ Академіи языки эти не преподавались, а лишь разслѣдовались, то дальнѣйшія судьбы ихъ въ Академіи и не должны бы входить въ настоящее обозрѣніе; но въ виду того вліянія которое имѣла Академія на преподаваніе у насъ восточныхъ языковъ, не излишне сообщить хотя краткія свѣдѣнія о ея дѣятеляхъ по части Востоковѣдѣнія. Дѣло въ томъ, что академиками-оріенталистами не рѣдко выработывались программы преподаванія восточныхъ языковъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, и производились экзамены лицамъ ищущимъ профессуры по отдѣлу восточной словесности (Сенковскій, Ковалевскій, Поповъ и др.); они же являлись судьями при конкурсѣ нѣсколькихъ ученыхъ на одну каѳедру (состязаніе на каѳедру армянскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ); и плохо было тѣмъ, которые дерзали не подчиняться авторитету Академіи.

Еще до устава 1830 года принятъ былъ въ Академію *Шмидтъ* (Яковъ Ивановичъ). Родился онъ въ Амстердамѣ 14 октября 1779, а въ слѣдующемъ году былъ привезенъ въ Россію, въ нѣмецкую колонію на Волгѣ. Молодыхъ лѣтъ поступилъ онъ въ контору и, вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ Калмыками, выучился калмыцкому языку. Въ 1811 г. поселился онъ въ Москвѣ, а послѣ нашествія Французовъ перебрался въ Петербургъ. Въ Петербургѣ получилъ мѣсто бухгалтера при Россійскомъ Библейскомъ Обществѣ, и дѣятельно занялся изученіемъ монгольскаго языка; въ 1818 году возсталъ противъ Клапротовыхъ выводовъ о письменахъ Уйгуровъ,

---

[19]) *Савельевъ* «Восточныя литературы и русскіе оріенталисты» (въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1856 г., кн. мартовская, стр. 129 - 130).

[20]) *Савельевъ* «О жизни и ученыхъ трудахъ Френа» (въ Труд. вост. отд. Археол. Общ., ч. II).

Digitized by Google

чѣмъ обратилъ на себя вниманіе ученаго міра. Съ того времени окончательно бросилъ торговлю и посвятилъ себя ученымъ занятіямъ. Въ 1829 г. Академія избрала его своимъ адъюнктомъ по части литературы и древностей Востока. Въ іюлѣ 1834 г. сдѣланъ былъ онъ ординарнымъ академикомъ. Умеръ въ августѣ 1847 года [21]).

До 1832 г. Френъ не имѣлъ адъюнкта, въ этомъ-же году, въ помощь Френу, принятъ Академіею *Шармуа* (Францъ), профессоръ персидскаго языка въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ Академіи Шармуа оставался не долго: 1 сентября 1835 г. онъ вышелъ въ отставку [22]).

Тогда Френъ и Шмидтъ предложили избрать на мѣсто уволившагося Шармуа адъюнктомъ по каѳедрѣ персидскаго языка одного изъ учениковъ Сильвестра де-Саси, *Флейшера*, находившагося въ то время въ Дрезденѣ. Флейшеръ заключилъ было обязательство съ Академіей Наукъ; но вслѣдствіе другаго предложенія — занять каѳедру В. Я. при Лейпцигскомъ Университетѣ вмѣсто умершаго Розенмюллера — отказался отъ поѣздки въ Россію [23]). Послѣ этого званіе адъюнкта В. Я. въ Академіи предложено было воспитаннику Дерптскаго Университета *Роберту Ленцу*, за границей изучившему санскритскій языкъ. Но и на этотъ разъ не посчастливилось Академіи: въ 1836 г. Ленцъ скончался [24]).

Въ томъ же году, по предложенію Френа, избранъ адъюнктомъ по части грузинской и армянской литературъ *Броссе* (Марій Ивановичъ); въ 1838 г. утвержденъ онъ экстраординарнымъ, а въ 1848 г. ординарнымъ академикомъ [25]), и занимаетъ туже каѳедру и въ настоящее время.

Въ 1839 г. избранъ былъ адъюнктомъ *Дорнъ* (Борисъ Андреевичъ); въ экстраординарные повышенъ онъ въ 1842 г., а съ 1852 г. состоитъ ординарнымъ академикомъ [26]).

Одно время состоялъ въ Академіи адъюнктомъ *Ярцевъ* (Январій Осиповичъ), первый драгоманъ при Азіатскомъ Департаментѣ и замѣчательный знатокъ татарскихъ нарѣчій [27]).

---

[21]) *Савельевъ* «Восточныя Литературы»; Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. ч. I, стр. XLV. «Некрологъ» (въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. ч. 57; III, 41—56).

[22]) Жур. Мин. Нар. Просвѣщ. 1835 г., ч. VII, отд. I.

[23]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. ч. 8, I, 537; ч. 10, стр. 57 («Отчетъ Академіи»).

[24]) См. дальше.

[25]) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 13, стр. 96; ч 58, I, 128.

[26]) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 22, I, 160; ч. 38, I, 97; ч. 75, I, 25.

[27]) *Савельевъ* «Восточныя литературы и русскіе оріенталисты».

Digitized by Google

Въ 1842 г. адъюнктомъ въ Академію по каѳедрѣ санскритскаго языка принятъ былъ *Бётлингъ* (Оттонъ); въ 1856 г. утвержденъ онъ ординарнымъ академикомъ [28]).

Мѣсто-же Шмидта въ Академіи занялъ воспитанникъ С.-Петербургскаго Университета *Шифнеръ* (Антонъ Антоновичъ). Сперва онъ состоялъ хранителемъ 2-го отдѣленія библіотеки Академіи, а въ 1852 г. избранъ адъюнктомъ. Шифнеръ, спеціальный знатокъ языковъ монгольскаго, тибетскаго и санскритскаго, сдѣлалъ много для изученія нарѣчій какъ сибирскихъ, такъ и кавказскихъ инородцевъ. Въ 1854 г. утвержденъ онъ въ званіи экстраординарнаго академика, а вскорѣ послѣ того и ординарнаго [29]).

24-го апрѣля 1856 года Высочайше утверждено было представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи въ Академіи, при историко-филологическомъ отдѣленіи, третьяго ординарнато академика по части восточной словесности [30]), и вакансія эта занята была *Вельяминовымъ-Зерновымъ* (Владиміръ Владимировичемъ), воспитанникомъ Императорскаго Александровскаго Лицея. Еще въ Лицеѣ развилась у В. В. страсть къ восточнымъ языкамъ, и началъ онъ брать уроки еврейскаго языка у Павскаго, а арабскаго и персидскаго—у профессоровъ университета и института восточныхъ языковъ. Въ 1851 году В. В. отправился на службу въ Оренбургскій Край, гдѣ занялся практическимъ изученіемъ тюркскихъ нарѣчій. Вернувшись черезъ пять лѣтъ на берега Невы, поступилъ онъ на службу въ Азіатскій Департаментъ, а 30 августа 1858 года утвержденъ адъюнктомъ Академіи Наукъ. Въ 1861 году повышенъ онъ былъ въ экстраординарные академики, но затѣмъ, разстроивъ здоровье усиленными учеными работами, долженъ былъ, въ 1877 году, выйти въ отставку.

2. Университеты.

Уже цѣлое столѣтіе преподавались у насъ въ разныхъ школахъ восточные языки; но дѣло это все какъ-то не клеилось; не клеилось оно главнымъ образомъ потому, что важнѣйшая забота состояла тогда въ томъ, чтобы дать обучающимся восточнымъ языкамъ только *практическія* въ нихъ свѣдѣнія. Оттого ученики съ

---

[28]) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 37, III, 55; ч. 91, I, 5.
[29]) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 75, I, 25; ч. 77, I, 27; ч. 84, I, 15.
[30]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1856 г., ч. 91, I, 4.
[31]) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 130, II, 66 - 6669.

Digitized by Google

такими знаніями не могли быть впослѣдствіи хорошими учителями. Чтобы положить у насъ прочное основаніе преподаванію восточныхъ языковъ, съ обезпеченіемъ отъ всякихъ случайностей относительно недостатка въ преподавателяхъ, требовалось ввести изученіе этихъ языковъ въ университеты, гдѣ къ нимъ были бы примѣнены требованія науки. Удовлетвореніе этой потребности послѣдовало въ началѣ настоящаго столѣтія. 5-го ноября 1804 года Высочайше утвержденъ былъ уставъ университетовъ: Московскаго (преобразовывавшагося), Казанскаго и Харьковскаго (вновь открывавшихся), по которому въ число предметовъ университетскаго преподаванія введены и восточные языки. Подъ восточными языками тогда разумѣлись языки арабскій и персидскій, которые, по примѣру Западной Европы, были соединены въ одну каѳедру. Впослѣдствіи, уставомъ 1835 года, введено въ университетахъ и преподаваніе турецкаго языка.

На первыхъ порахъ новоучрежденные университеты почувствовали недостатокъ въ профессорахъ; а для восточныхъ языковъ ихъ и совсѣмъ не имѣлось. Пришлось обратиться за таковыми въ Западную Европу; до поры до времени каѳедры восточныхъ языковъ оставались не открытыми, и только по мѣрѣ прибытія оріенталистовъ изъ-за границы начиналось преподаваніе сихъ языковъ.

Эта мѣра (вызовъ оріенталистовъ изъ Западной Европы) принесла намъ мало пользы, чтобы не сказать болѣе. Всякая наука тогда только прививается и пускаетъ корни, когда преподается на родномъ языкѣ; оттого тѣ предметы, которые преподавали иностранцы, туго проникали въ общество. Тоже самое было и съ восточными языками. Знаменитый Френъ послѣ 10-лѣтняго преподаванія этихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ не оставилъ по себѣ преемника изъ Русскихъ, такъ же какъ и смѣнившій его Эрдманъ. За выходомъ Дорна изъ Харьковскаго университета некому было и тамъ занять каѳедру восточныхъ языковъ. Не иностранцы привили у насъ изученіе Востока, и, если изученіе это пустило наконецъ глубокіе корни, то тѣмъ обязаны мы прежде всего Сенковскому въ Петербургѣ, и Казембеку въ Казани, которые дали цѣлый рядъ замѣчательныхъ оріенталистовъ изъ своихъ учениковъ.

Казанскій Университетъ. Раньше другихъ университетовъ, а именно въ 1807 году, каѳедра восточныхъ языковъ замѣщена была въ Казанскомъ, гдѣ она признавалась нужнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ Первые опыты преподаванія языковъ арабскаго и персидскаго не увѣнчались успѣхомъ, потому что студенты плохо знали по-латыни, а еще плоше по-нѣмецки, какъ

Digitized by Google

только и могли объясняться съ ними Френъ и Эрдманъ. Оттого, какъ сказано, и не пришлось имъ блеснуть своими учениками. Кромѣ того, не могъ заохочивать тамъ студентовъ къ изученію восточныхъ языковъ и самый характеръ ихъ преподаванія. Въ инструкціи ректору Казанскаго университета, отъ 17-го января 1820 года, относительно преподаванія университетскихъ предметовъ, говорится, что «профессоръ обязанъ показать, какъ поэзія мусульманскихъ народовъ поверхностна и отличается однимъ лишь блескомъ мыслей и смѣлостію выраженій; что краснорѣчіе несвойственно правленіямъ магометанскимъ и никогда у Арабовъ не процвѣтало. Представить это профессоръ долженъ съ цѣлію показать, что въ арабской мудрости нѣтъ ничего особеннаго; что почерпнута она отъ Грековъ и есть ни что иное, какъ философія Аристотеля, пламеннымъ воображеніемъ Арабовъ искаженная". Религіи мусульманъ и ихъ преданій профессоръ долженъ коснуться только слегка; а также о Коранѣ и отношеніи его къ судопроизводству; пуще-же всего налечь на стихотворенія, „которыя нужны для того, чтобы въ исторіи ихъ показать тѣ баснословныя преданія, на коихъ она основана", и вообще ограничиться преподаваніемъ языковъ арабскаго и персидскаго въ томъ *единственно* отношеніи, въ какомъ они могутъ быть полезны Россіи по ея торговымъ и политическимъ сношеніямъ [32]). Понятно, что такая программа никакого отношенія къ наукѣ не имѣла, и преподаваніе восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ было лишено жизни.

Обученіе татарскому языку введено было въ Казанскомъ университетѣ еще съ 1812 года, а въ 1828 г. учреждена въ немъ и каѳедра турецко-татарскаго языка. Вслѣдъ затѣмъ кругъ восточныхъ языковъ преподававшихся въ Университетѣ началъ быстро расширяться, благодаря особенной о нихъ заботливости попечителя Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина. Одна за другой возникли каѳедры: монгольскаго языка — въ 1833 году, китайскаго — въ 1837, армянскаго — въ 1839, санскритскаго — въ 1842, и маньчжурскаго — въ 1844. Они раздѣлялись сперва на три разряда: арабско-персидскій, арабско-турецкій, монголо-санскритскій (куда входилъ первоначально и татарскій языкъ); затѣмъ прибавился китайскій разрядъ, куда отнесенъ и маньчжурскій языкъ, и, наконецъ, армянскій разрядъ.

Первые десять-пятнадцать лѣтъ желающихъ заниматься восточными языками оказывалось очень немного. При вступленіи въ

---

[32]) Журналъ Департамента Народн. Просвѣщ. 1821 г. ч. II, стр. 56-58.

Digitized by Google

Университетъ Эрдмана (1818 г.) обучались имъ только три студента; но и тѣ черезъ годъ перестали посѣщать его лекціи. Ихъ замѣнилъ единственный слушатель, нѣмецъ, который занимался означенными языками, какъ дополнительнымъ предметомъ при изученіи богословія. Но вскорѣ затѣмъ дѣла поправились. Обнаружившійся въ Западной Сибири недостатокъ въ ученыхъ переводчикахъ обратилъ на это обстоятельство вниманіе тамошняго генералъ-губернатора, который вслѣдствіе того и сталъ присылать въ Казанскій университетъ молодыхъ людей для изученія восточныхъ языковъ. Въ 1824 г. съ тою же цѣлію поступили въ Университетъ кандидаты Виленскаго университета; а въ 1837 году Высочайше было разрѣшено имѣть въ Казани 14 казеннокоштныхъ студентовъ исключительно для Восточной Сибири [33]). Въ 1835 г. на I-мъ отдѣленіи (арабско-персидско-татарскомъ) находилось уже 20 слушателей, на II-мъ (монголо-татарскомъ) — 8; въ 1837 году на всемъ восточномъ отдѣленіи находилось 14 студентовъ; затѣмъ въ 1842 — 23 студента, въ 1843 — 24, 1844 — 31, 1845 — 41, 1846 — 38, 1847 — 36, 1848 — 42, 1849 — 35, 1850 — 33, 1851 — 29, 1852 — 16. Кончили-же курсъ въ это десятилѣтіе всего 75 человѣкъ [34]).

Изучавшіе восточные языки освобождались отъ занятій греческимъ. По окончаніи 3-хъ лѣтняго курса студенты оставлялись при Университетѣ еще на два года для практическихъ занятій; по истеченіи этихъ дополнительныхъ годовъ ихъ вновь подвергали испытанію [35]). Этотъ двухъ годичный курсъ составлялъ при Университетѣ особое учрежденіе — *Восточный Институтъ*. Цѣлью его было дать возможность молодымъ оріенталистамъ усовершенствоваться въ своихъ познаніяхъ и пріобрѣсти въ языкахъ практическій навыкъ еще до опредѣленія къ мѣстамъ. Въ видахъ такого усовершенствованія, кончившіе курсъ по восточному отдѣленію съ 1835 года стали поручаться особенному попеченію профессоровъ, подъ руководствомъ которыхъ и упражнялись они въ сочиненіяхъ, читали лучшія по предмету сочиненія, и дѣлали изъ нихъ извлеченія; а для практики въ разговорахъ и чтеніи рукописей ихъ

---

[33]) *Ковалевскій* «Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ», Казань, 1842. См. также рѣчь *Попова* «О развитіи преподаванія восточн. языковъ въ русскихъ университетахъ» (Журналъ Мин. Народ. Просвѣщ. ч. 88, отд. II, 7).

[34]) *Фойгтъ* «Обозрѣніе успѣховъ преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ» (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. ч. 8, стр. 562).

[35]) Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1834, ч. I, отд. I, стр. LII—LIII; ч. II, стр. CVIII.

Digitized by Google

помѣщали въ 1-ю Казанскую гимназію, гдѣ и занимались они съ природными Азіатцами, находясь подъ надзоромъ директора гимназіи [36]). Въ Институтѣ было 4 разряда: 1) арабско-персидскій, 2) арабско-турецкій, 3) монголо-татарскій и 4) китайско-санскритскій [37]).

Съ удаленіемъ изъ Казани Мусина-Пушкина, оріентализмъ въ тамошнемъ университетѣ сталъ мало по малу приходить въ упадокъ. Главною тому причиною былъ недостатокъ мѣстъ, на которыя-бы требовались оріенталисты. Большинство ихъ опредѣлялось по учебной части, учителями восточныхъ языковъ въ гимназіи; остальные поступали на службу въ другія вѣдомства: *Викторъ Ильинъ*, кандидатъ арабско-персидской словесности, въ 1843 г. опредѣленъ былъ переводчикомъ персидскаго языка въ Астраханское губернское правленіе; кандидатъ монгольской словесности *Дорджи Банзаровъ*—чиновникомъ по особымъ порученіямъ при генералъ губернаторѣ Восточной Сибири; кандидатъ арабско-персидско-турецкой словесности *Махмудъ Измаиловъ*—чиновникомъ въ Тифлисское губернское правленіе; кандидатъ арабско-персидской словесности *Валеріанъ Еремеевъ* поступилъ въ Институтъ восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ; туда же поступилъ кандидатъ арабско-персидской словесности *Николай Мокѣевъ;* кандидатъ арабско-турецкой словесности *Степанъ Филоновъ* опредѣлился учителемъ въ Тифлисскую мусульманскую школу. Но большинство поступало на службу въ мѣста не имѣвшія ничего общаго съ ихъ спеціальностію. Тогда Министерство Народнаго Просвѣщенія вошло въ сношенія съ министерствами Иностранныхъ и Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ для размѣщенія на службу, какъ казеннокоштныхъ, такъ и своекоштныхъ студентовъ по роду ихъ занятій [38]). Эта мѣра Высочайше была утверждена 30 ноября 1851 года. Вскорѣ въ С.-Петербургѣ открытъ былъ особый факультетъ восточныхъ языковъ, и восточное отдѣленіе въ Казанскомъ университетѣ упразднено: преподаваніе прекратилось во второй половинѣ 1855 года. Но вскорѣ обнаружилось, что не всѣ восточные языки, преподававшіеся въ Казани, были излишнею роскошью; изученіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно мусульманскихъ, являлось насущною потребностію въ виду значительнаго числа мусульманъ, обитающихъ въ Восточной Россіи. И вотъ, 8 апрѣля 1861 года. было

---

[36]) *Фойгтъ*, Отчеты Казан. унив. 1841, 249-250.

[37]) *Фойгтъ*, Отчеты Казан. унив. 1842-3.

[38]) *Фойгтъ*, Обозрѣніе успѣх. препод. вост. языковъ, стр. 28-33.

Digitized by Google

разрѣшено ввести въ Казанскомъ университетѣ, съ 1861-2 учебнаго года, *для желающихъ*, преподаваніе языковъ арабскаго и турецко-татарскаго, какъ наиболѣе необходимыхъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. По штату положено было имѣть для этого двухъ преподавателей, съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора. Съ осени 1863 г. сталъ опять преподаваться въ Университетѣ и персидскій языкъ. Такой порядокъ, впрочемъ, продолжался не долго: осенью 1868 г. прекратилось преподаваніе по арабско-персидской каѳедрѣ, а лѣтомъ 1872 года упразднилась и каѳедра турецко-татарскаго языка [39]). Преподаваніе восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ прекратилось не потому, чтобы языки эти стали уже для Казанскаго округа не нужны, а потому что въ округѣ этомъ явились особыя учрежденія: учительская семинарія и первоначальныя школы для инородцевъ.

Московскій Университетъ. Немного позднѣе, чѣмъ въ Казанскомъ университетѣ, началось преподаваніе восточныхъ языковъ и въ Московскомъ, а именно съ 1811 года. Преподавались тамъ языки арабскій и персидскій [40]). Съ 1837 года преподаваніе это прекратилось, и нѣсколько лѣтъ каѳедра восточныхъ языковъ оставалась вакантною, „за неимѣніемъ преподавателей", какъ значится въ отчетахъ Университета за то время; но въ январѣ 1852 года каѳедра эта, по ходатайству попечителя Московскаго учебнаго округа, вновь была замѣщена профессоромъ *Петровымъ*, на котораго было возложено преподаваніе языковъ арабскаго, персидскаго, еврейскаго и санскритскаго. Эта каѳедра входила въ составъ историко-филологическаго факультета и существовала необязательно для желающихъ изучать восточные языки [41]). Съ 1854 г. въ Московскомъ университетѣ положено преподавать только одинъ санскритскій языкъ; но въ 1858 г. профессору санскрита, Петрову, по личной его просьбѣ, разрѣшено было заниматься съ желающими персидскимъ, арабскимъ и еврейскимъ. За выходомъ этого профессора въ отставку въ маѣ 1875, преподаваніе восточныхъ языковъ въ Московскомъ университетѣ прекратилось само собою.

Харьковскій Университетъ. Съ перерывами шло преподаваніе восточныхъ языковъ и въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ каѳедра ихъ замѣщена была еще при самомъ открытіи университета въ

---

[39]) Сборн. постан. по Мин. Нар. Просв. III, 616-8; Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. ч. 120, I, 20.

[40]) Профессоръ восточныхъ языковъ Болдыревъ, по своему усердію, преподавалъ и еврейскій языкъ; но онъ не былъ еще введенъ оффиціально.

[41]) Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. ч. 74, I, 21.

Digitized by Google

1805 году; но въ слѣдующемъ же году она упразднилась за выходомъ профессора восточныхъ языковъ, такъ что преподаваніе это не могло имѣть никакихъ послѣдствій, все равно, какъ бы его и вовсе не было; да и преподавалось совсѣмъ не то, что положено было уставомъ 1804 года, т. е. не арабскій съ персидскимъ, а еврейскій. Лишь въ 1830 г. удалось замѣстить каѳедру восточныхъ языковъ въ Харьковскомъ университетѣ; но опять не надолго. Преподавались языки арабскій, персидскій и турецкій. Въ 1836 году, за выходомъ профессора означенныхъ языковъ изъ Университета, преподаваніе ихъ прекратилось тамъ и, на этотъ разъ, уже окончательно, хотя каѳедра ихъ числилась въ Университетѣ до 1854 года.

Дерптскій Университетъ. Университетъ этотъ, открытый въ 1803 году [42]), предназначался, между прочимъ, быть разсадникомъ духовныхъ лицъ евангелическаго исповѣданія, какъ для прибалтійскихъ губерній, такъ и для евангелическихъ приходовъ внутри Имперіи. Съ этою цѣлію въ немъ, не въ примѣръ другимъ русскимъ университетамъ, учрежденъ богословскій факультетъ съ четырьмя каѳедрами. Первая изъ нихъ — каѳедра Экзегетическаго Богословія вмѣстѣ съ преподаваніемъ восточныхъ языковъ [43]). Такимъ образомъ профессоръ Экзегетики былъ въ тоже время и профессоромъ языковъ еврейскаго, сирійскаго и халдейскаго. Такимъ образомъ языки эти не составляли самостоятельнаго предмета, а преподавались, какъ дополненіе, при изученіи Богословія. При всемъ томъ еврейскій языкъ очутился въ Дерптскомъ университетѣ въ весьма благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ на каѳедру Экзегетики вызывались изъ-за границы замѣчательные ученые, которые, кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ оказывались лучшими оріенталистами, чѣмъ богословами.

Вскорѣ въ кругъ восточныхъ языковъ введенъ былъ и арабскій, какъ важный членъ въ семьѣ семитическихъ. Постоянное развитіе богословскихъ наукъ затрудняло профессора Экзегетики относительно преподаванія восточныхъ языковъ; а потому богословскій факультетъ въ 1861 г. обратился съ ходатайствомъ объ учрежденіи отдѣльной каѳедры Семитическаго Языкознанія. Тогда же

---

[42]) Университетъ въ Дерптѣ возникъ еще въ 1630 г. (открытъ въ 1632); но въ 1656 г. онъ покончилъ свое существованіе. Прежній университетъ не имѣлъ ничего общаго съ нынѣшнимъ.

[43]) Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народн. просвѣщ. кн. III, стр. 296 и кн. IV; Обзоръ дѣятельности И. Дерптскаго универ. Дерптъ, 1866, стр. 141.

Digitized by Google

сталъ преподаваться, вмѣстѣ съ семитическими языками, и санскритскій [44]). По уставу 1865 г. въ богословскомъ факультетѣ стало пять каѳедръ; пятая—семитическихъ языковъ; но кромѣ семитическихъ (еврейскаго и арабскаго) въ Дерптскомъ университетѣ стали преподаватися еще языки персидскій и санскритскій [45]).

Александровскій Университетъ въ Гельсингфорсѣ. Университетъ въ Финляндіи существуетъ уже третье столѣтіе; онъ основанъ въ Або, въ 1640 г. Тогда положено было имѣть въ немъ 6 каѳедръ, въ числѣ которыхъ находилась каѳедра языковъ греческаго и еврейскаго. Въ 1827 году, когда Або выгорѣлъ почти до-тла, погибъ и Университетъ. Вновь возникъ онъ уже въ Гельсингфорсѣ. По уставу 1828 г. въ немъ полагается каѳедра восточныхъ языковъ (главн. обр. еврейскаго съ его отраслями), которые, такимъ образомъ, съ самаго возникновенія Университета въ XVII ст. преподаются въ немъ безперерывно [46]). Сверхъ-того, лица занимавшія эту каѳедру, преподавали и арійскіе языки: санскритскій и новоперсидскій.

С.-Петербургскій Университетъ. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ явилось преподаваніе языковъ и литературъ Азіи въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Скорѣе чѣмъ гдѣ либо, разсадникъ у насъ оріентализма могъ возникнуть въ С.-Петербургѣ, и мысль о такомъ разсадникѣ подана была очень давно. Академикъ Керъ, въ своемъ проектѣ объ учрежденіи училища восточныхъ языковъ въ Россіи, составленномъ въ 1733 году, не только заявляетъ о необходимости у насъ такого училища, но и указываетъ на преподавательскія силы, имѣвшіяся въ то время въ Петербургѣ. Проектъ Кера бралъ дѣло очень широко, что̀, можетъ быть, и послужило главнымъ препятствіемъ къ его осуществленію [47]). Вопросъ о спеціальномъ училищѣ для изученія восточныхъ языковъ вновь поднятъ былъ графомъ С. С. Уваровымъ въ 1810 году. Но и его „Projet d'une Académie Asiatique" не получилъ осуществленія [48]). Только въ 1816 году приняты были мѣры къ водворенію преподаванія восточныхъ языковъ въ Петербургѣ въ высшемъ общеобра-

---

[44]) Обзоръ дѣят. Дерпт. Унив. стр. 141-2, 166.

[45]) Сборн. постан. по Мин. Нар. Пр. IV; Ж. Мин. Нар. Пр. 1865, кн. декабрьская.

[46]) „Альманахъ" въ память двухсотлѣтняго юбилея И. Александровскаго Университета, изданный Я. Гротомъ. Гельсингфорсъ, 1812 г.

[47]) О проектѣ Кера см. статью Савельева „Предположенія объ учрежденіи Восточной Академіи въ С.-Петербургѣ" (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, ч. 89, III).

[48]) Etudes de Philologie et de Critique par M. Ouvaroff. Paris, 1845, 2-ed

Digitized by Google

зовательномъ заведеніи въ немъ въ то время, Педагогическомъ Институтѣ; съ преобразованіемъ Института въ Университетъ, въ 1819 году, перешло это преподаваніе и въ послѣдній. Въ Петербургскомъ Университетѣ, также какъ и въ другихъ, стали преподаваться на первый разъ языки арабскій и персидскій; но съ тою разницею, что здѣсь не были они соединены въ лицѣ одного преподавателя, а представляли двѣ отдѣльныя каѳедры. Съ 1822 г. въ число предметовъ преподаванія вошелъ и турецкій языкъ. Восточные языки входили въ составъ предметовъ филологическаго факультета, и обучались имъ только желающіе. Между тѣмъ мысль основать разсадникъ оріентализма въ С.-Петербургѣ не была оставлена. Въ 1829 г. профессоръ Сенковскій подалъ по начальству проектъ объ „устройствѣ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ особаго отдѣленія восточныхъ языковъ и словесностей", который едва не осуществился въ 1834 году. Но пока дѣло открытія „отдѣленія" затягивалось, кругъ преподававшихся въ Университетѣ восточныхъ языковъ расширялся. По уставу 1835 г. учреждены каѳедры языковъ монгольскаго и татарскаго, хотя ни та, ни другая, и не были своевременно замѣщены [49]); въ 1845 г. прибавились языки армянскій и грузинскій и начато преподаваніе (самостоятельно) татарскаго. Три послѣдніе языка не были присоединены къ разряду Восточной Словесности, потому что вводились на этотъ разъ лишь для образованія ученыхъ переводчиковъ изъ уроженцевъ Закавказья. Съ этою цѣлію положено было имѣть ихъ въ Университетѣ въ числѣ пяти. Впослѣдствіи-же число это было увеличено до 20 человѣкъ.

Наконецъ, 22 октября 1854 г. Высочайше утверждено положеніе объ образованіи при С.-Петербургскомъ университетѣ особаго Факультета Восточныхъ Языковъ съ девятью въ немъ каѳедрами: арабскаго, персидскаго, турецко-татарскаго, монголо-калмыцкаго, китайскаго, еврейскаго, армянскаго, грузинскаго и маньчжурскаго языковъ [50]), которые и раздѣлены на 5 разрядовъ: 1) арабско-персидско-турецко-татарскій, 2) монголо-калмыцко-татарскій 3) китайско-маньчжурскій, 4) еврейско-арабскій, 5) армяно-грузино-татарскій. Къ 4-хъ лѣтнему курсу прибавленъ еще одинъ курсъ, V-й, для бо̀льшаго усовершенствованія въ языкахъ (курсъ этотъ не обязателенъ). Кромѣ студентовъ-стипендіатовъ допущены и своекоштные; при открытіи Факультета (27 августа 1855 года) на

---

[49]) Татарскій языкъ соединенъ былъ съ турецкимъ, а потому, хотя и мимоходомъ, но все-таки преподавался: „Современникъ" 1843 г. т. 30, стр. 182.

[50]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 84, I, 20.

Digitized by Google

него зачислилось 44 студента. Затѣмъ, 16 января 1859 года, министръ народн. просв. разрѣшилъ учредить при Факультетѣ 6-е отдѣленіе, санскритско-персидское, назначивъ въ немъ главными предметами санскритскій и персидскій языки съ ихъ литературами [51]). Уставомъ 1863 года введено преподаваніе языковъ: халдейскаго, сирійскаго и зендскаго и, въ довершеніе всего, основана каѳедра Исторіи Востока съ раздѣленіемъ ея на три отдѣла (сѣверо-восточной Азіи, арійскихъ и семитическихъ народовъ).

Изъ дальнѣйшихъ преобразованій слѣдуетъ упомянуть: о соединеніи въ 1864 г. монгольскаго разряда съ китайскимъ, при отмѣнѣ въ первомъ преподаванія татарскаго языка (стало, слѣдовательно, 5 разрядовъ); объ обязательномъ изученіи армянскаго языка студентами 3 и 4 курсовъ санскритско-персидскаго разряда; о введеніи съ 1870-71 учебнаго года преподаванія японскаго языка, и объ учрежденіи въ 1872 г. каѳедры Мусульманскаго Законовѣдѣнія, взамѣнъ вакантной доцентуры татарскихъ нарѣчій [52]). Кромѣ того, съ 23 декабря 1867, открытъ при Университетѣ спеціальный двухгодичный курсъ татарскаго и монгольскаго языковъ для лицъ изъявившихъ желаніе поступить на миссіонерское служеніе [53]).

Такимъ образомъ мысль объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ разсадника оріенталистовъ, какъ ученыхъ, такъ и нужныхъ для службы, осуществилась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такой полноты нѣтъ не только ни въ одномъ изъ нашихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлію изученіе литературъ Востока, но даже ни въ одномъ подобномъ учрежденіи въ Западной Европѣ. Изъ предположеній лицъ заботившихся о преуспѣяніи оріентализма въ Россіи, остаются неоткрытыми еще въ факультетѣ только каѳедры тибетскаго языка, о которой хлопоталъ Мусинъ-Пушкинъ [54]), да каѳедры Египтологіи, объ учрежденіи которой одно время думалъ графъ Уваровъ [55]).

Кромѣ восточныхъ языковъ, студенты Восточнаго Факультета обязаны слушать, вмѣстѣ съ филологами, русскую исторію и русскую словесность или, взамѣнъ того, нѣкоторые юридическіе предметы, въ виду поступленія на службу по судебной и администра-

---

[51]) Тамъ же, ч. 101, I, 53; Акт. 8 февраля 1859 г.

[52]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 124, II, 202-3; ч. 153, 30; Протоколы засѣданій совѣта Спб. унив. № 3, № 6, № 15, стр. 35.

[53]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 137, I, 82.

[54]) *Фойгтъ*, Обозрѣніе успѣховъ преподаванія восточн. языковъ въ Казан. Университетѣ.

[55]) См. о заботахъ графа Уварова объ египтологѣ *Гульяновѣ* въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г. кн. 4, стр. 479.

Digitized by Google

тивной частямъ въ Сибири или въ Туркестанскомъ и Амурскомъ краяхъ.

Восточное отдѣленіе въ Казанскомъ Университетѣ имѣло то преимущество предъ факультетомъ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, что въ отдѣленіе поступали люди уже подготовленные въ языкахъ Востока въ Казанской гимназіи, слѣдовательно сберегали время на предварительное ознакомленіе съ этими языками въ Университетѣ. Что-же касается до Института, находившагося при Казанскомъ Университетѣ для кончившихъ курсъ оріенталистовъ, то въ здѣшнемъ университетѣ его замѣняетъ особый, V-й курсъ, назначенный для практическихъ упражненій. Впрочемъ, изъ студентовъ оканчивающихъ курсъ въ Факультетѣ остаются на пятый годъ преимущественно имѣющіе въ виду профессуру.

3. Гимназіи.

Первая Казанская Гимназія. Указомъ Сената отъ 21 іюля 1758 года, предписывалось основать въ Казани гимназію для обученія дворянъ и разночинцевъ. Открытіе гимназіи совершилось 21 января 1759 года; а уже въ сентябрѣ того же года „командиръ“ гимназіи, Веревкинъ, писалъ въ Московскій Университетъ: „Разсуждая, что здѣшній городъ есть главный цѣлаго царства, имѣвшаго національный діалектъ, не повелѣно-ли будетъ завести при гимназіи классъ татарскаго языка? Со временемъ могутъ на оном отыскиваемы быть многіе манускрипты; правдѣ подобно, что оные подадутъ нѣкоторый, можетъ быть и не малый, свѣтъ въ русской исторіи“ [56]). Но мысль эта не встрѣтила тогда сочувствія. А между тѣмъ вся Восточная Россія — прежнія Золотая Орда и Казанское Царство — съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начали вводить у насъ новые административные порядки, стала чувствовать ощутительный недостатокъ въ искусныхъ переводчикахъ татарскаго языка. И вотъ, спустя десять лѣтъ по открытіи гимназіи въ Казани, Екатерина Великая, указомъ отъ 12 мая 1769, на имя казанскаго губернатора Квашнина-Самарина, повелѣла „учредить единожды на всегда при Казанской гимназіи, для охотниковъ, классъ того (татарскаго) языка“ [57]). Для обученія этому языку

---

[56]) *В. Владиміровъ* „Историческая записка о 1-й Казанской гимназіи“. Казань, 1867, стр. 39.

[57]) Тамъ же, стр. 47; *Ковалевскій* „Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ“, стр. 3.

Digitized by Google

поступили всѣ ученики изъявившіе на то желаніе. Они должны были находиться въ этомъ классѣ до тѣхъ поръ, пока приготовятся въ переводчики. Только отличное знаніе латинскаго языка освобождало учениковъ отъ этого класса, потому что таковые отправляемы были въ Московскій Университетъ Такъ какъ число учениковъ, обучавшихся въ татарскомъ классѣ не было ограничено, то ихъ оказывалось болѣе, чѣмъ нужно; такъ, въ 1785 г. такихъ учениковъ числилось 16 [58]).

Въ 1788 г. Казанская гимназія закрылась по недостатку средствъ, и была возобновлена лишь въ 1798, когда получила уставъ и штаты. По этому уставу не былъ забытъ и татарскій языкъ, введенный для приготовленія переводчиковъ; но число учениковъ ему обучавшихся ограничено было шестью - восемью воспитанниками: „дабы излишнее число не занимать безполезнымъ предметомъ, и не тратить времени, нужнаго для другихъ наукъ“ [59]).

Въ 1822 г. совѣтъ Казанскаго университета нашелъ нужнымъ ввести въ гимназіи преподаваніе языковъ арабскаго и персидскаго, чтобы поднять дѣло изученія ихъ въ Университетѣ, которое начало падать вслѣдствіе занятія каѳедръ этихъ языковъ иностранцами. Затѣмъ, по мѣрѣ расширенія круга преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ, расширялся онъ и въ гимназіи. Вслѣдъ за монгольскимъ, введеннымъ въ 1833 году, появился языкъ китайскій, за нимъ армянскій [60]), а наконецъ и маньчжурскій [61]).

Для преподаванія восточныхъ языковъ въ Гимназіи положено было имѣть учителей, въ качествѣ которыхъ поступали очень часто профессоры Университета, и надзирателей изъ иновѣрцевъ для практическихъ занятій съ учениками: для чтенія съ ними книгъ и рукописей, для упражненій въ разговорахъ и восточной каллиграфіи. Учители языковъ арабскаго, персидскаго, монгольскаго и татарскаго считались старшими; учитель китайскаго — младшимъ.

По уставу 1836 г. восточные языки раздѣлены были на 3 разряда: 1) арабско-персидскій, 2) турецко-татарско-персидскій и 3) монголо-турецко-татарскій. Ученики изучавшіе эти языки освобождались отъ греческаго, славянскаго и нѣмецкаго языковъ, высшей математики, физики, черченія и рисованія; но французскій языкъ сдѣланъ для нихъ обязательнымъ. Преподаваніе восточныхъ язы-

---

[58]) *Владимірова* „Истор. Записка“, стр. 46 - 50.
[59]) Тамъ же, стр. 6, 49.
[60]) *Ковалевскій* „Обозрѣніе“, стр. 17.
[61]) Ж. М. Н. Пр. 1855 г. ч. 86, I, 64.

Digitized by Google

ковъ начиналось съ 4 класса. Для арабскаго назначено было 9 уроковъ (по 3 въ классѣ), для прочихъ — 12 (по 4 въ классѣ) [62]). Этимъ уставомъ имѣлось въ виду доставлять переводчиковъ въ обширномъ смыслѣ, преподавателей, приставовъ, чиновниковъ при таможняхъ.

Въ 1824 г. постановленіемъ высшаго начальства допущены въ Казанскую гимназію 4 воспитанника изъ Тобольской семинаріи для изученія сперва въ гимназіи, а потомъ и въ университетѣ, татарскаго языка. Затѣмъ изъ Омской Азіатской Школы стали посылать въ Казанскую гимназію для обученія восточнымъ языкамъ по 6 человѣкъ изъ дѣтей чиновниковъ, казаковъ и магометанъ. Кромѣ того, съ самаго начала введенія въ гимназіи восточныхъ языковъ, имъ обучались до 1857 года 12 человѣкъ кантонистовъ для приготовленія учителей, и 12 кантонистовъ военносиротскаго отдѣленія для приготовленія переводчиковъ [63]). Хорошо налаженное дѣло обратило на себя вниманіе даже инородцевъ. Главный тайша селенгинскихъ монголо-бурятскихъ родовъ просилъ разрѣшенія отправить въ Гимназію нѣсколько мальчиковъ для полученія гимназическаго образованія. Просьба тайши была удовлетворена, и 4 мальчика, подъ надзоромъ надежнаго ламы, были приняты (1836 г.) въ Гимназію на казенное содержаніе [64]).

Отличнѣйшимъ ученикамъ предоставлено было право поступать въ университетъ, при чемъ на казенное содержаніе могли поступать не только Русскіе, но и инородцы — Татаре, Буряты, и другіе — не иначе, впрочемъ, какъ съ разрѣшенія попечителя. Всѣ казеннокоштные воспитанники обязаны были прослужить 6 лѣтъ по назначенію начальства. Наравнѣ съ казеннокоштными дозволено изученіе восточныхъ языковъ въ Гимназіи и своекоштнымъ, по желанію, а также и инородцамъ. Въ 1853, по представленію попечителя каз. уч. округа, преподаванія армянскаго языка въ Гимназіи было прекращено [65]).

---

[62]) *Владимірова* „Ист. Зап.“; Сборн. постановл. по Мин. Нар. Пр. т. II, 801 - 804.

[63]) Тамъ же. Въ теченіе времени съ 1823 по 1852 г. кантонистовъ обучилось 102 человѣка. Тамъ же, II, 73. См. также Записки Департамента Народн. Просвѣщ. за 1824 г. стр. 11 - 12.

[64]) *Ковалевскій* „Обозрѣніе“, стр. 26. На ламу возложено было практическое упражненіе въ разговорахъ воспитанниковъ, обучавшихся монгольскому языку; а съ однимъ занимался онъ и тибетскимъ (*Владимірова* „Ист. Зап.“ 58). Одинъ изъ Бурятъ поступилъ въ 1842 г. въ Университетъ — это былъ Дорджи Банзаровъ (*Савельевъ* „О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова“, въ Труд. Вост. Отд. Арх. Общ. II, 129 - 130).

[65]) Ж. М. Н. Пр. ч. 79, I, 46.

Digitized by Google

Такъ шло дѣло до конца 1857 года, когда въ декабрѣ того года преподаваніе вост. языковъ въ Гимназіи было вовсе прекращено, вслѣдствіе сосредоточенія его въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Къ этому времени состояло 17 казеннокоштныхъ воспитанниковъ-оріенталистовъ: въ VII классѣ — 6, въ VI — 4, въ V — 7. Лучшихъ изъ нихъ велѣно было отправить въ Петербургскій университетъ [66]).

Въ Гимназіи оставлено только преподаваніе татарскаго языка, для обученія которому назначено имѣть 4 воспитанниковъ изъ числа назначенныхъ Положеніемъ 2 января 1836 года [67]).

Первоначальное образованіе получили въ Казанской гимназіи: *В. Ильинъ* (переводч. въ Астрахани), *П. Турдевъ* (учит. въ Ставропольскомъ уѣздн. училищѣ), *И. Холмогоровъ* (профес. араб. яз. въ Казани), *М. Т. Навроцкій* (былъ проф араб. яз. въ Петерб. унив.), *К. Ф. Голстунскій* (проф. монг. яз въ Пет. унив.), *Первухинъ* (учит. тат. яз. въ Астрах. гимназіи), *Саиновъ* (учит. тат. яз. въ Уфимской гимназіи [68]). Изъ инородцевъ — *Магометъ Сейфуллинъ*, *Дорджи Банзаровъ*, *Сейфулла Токумбетевъ* и др. [69]).

Астраханская Гимназія. Въ 1764 г. учреждена была въ Астрахани школа для 324 солдатскихъ дѣтей и до 200 разночинцевъ. Въ этой школѣ, кромѣ общихъ предметовъ, преподавались фортификація, навигація и четыре азіатскихъ языка (вѣроятно: арабскій, татарскій, армянскій и калмыцкій). Въ 1778, вмѣсто этой школы, основано народное училище, на которое мѣстное купечество постановило отпускать ежегодно по 3000 рублей. Въ этомъ училищѣ преподавались, между прочимъ, языки: армянскій, татарскій, турецкій, арабскій, персидскій (?) и калмыцкій. По преобразованіи народнаго училища въ 1806 г. въ гимназію, навигація и *нѣкоторые* азіатскіе языки не вошли въ составъ преподававшихся въ ней предметовъ [70]). Удержался, кажется, одинъ татарскій.

Вскорѣ же послѣ того обнаружился недостатокъ въ переводчикахъ персидскаго языка, которые, для торговыхъ сношеній съ Персіей, требовались въ большомъ числѣ. Въ іюлѣ 1811 г. попечитель казанскаго уч. округа доносилъ министру народнаго про-

---

[66]) *Владиміровъ* „Ист. Зап.“ 72-73. Въ Петербургъ отправлены были: Ананьинъ, Михайловъ и Казаровъ (тамъ же).

[67]) Ж. М. Н. Пр. ч. 86, I, 15.

[68]) Тамъ же, стр. 62.

[69]) Тамъ же, стр. 64.

[70]) Ж. Мин. Нар. Просв. 1859 г. ч. 102, VII, 208. „Москвитянинъ“. 1854 г. ч. I, отд. VII, 134.

Digitized by Google

свѣщенія, что, вслѣдствіе представленія астраханскаго директора училищъ, разрѣшено имъ учрежденіе при Астраханской гимназіи класса персидскаго языка для образованія переводчиковъ, которыхъ *пограничныя мѣста ищутъ съ великою заботою* [71]). Такимъ образомъ персидскій языкъ введенъ былъ въ Астраханской гимназіи ради коммерческихъ цѣлей.

Въ 1837 году, вслѣдствіе представленія попечителя Казан. уч. округа, разрѣшено освободить учениковъ Астраханской гимназіи (по примѣру 1-й казанской) обучающихся восточнымъ языкамъ, отъ языковъ славянскаго и нѣмецкаго, высшихъ частей математики и физики, черченія и рисованія [72]).

Въ 1838 г. разрѣшено преподаваніе въ Гимназіи армянскаго языка для желающихъ [73]), а вскорѣ послѣ того введено и преподаваніе арабскаго языка [74]).

Какъ велось преподаваніе восточныхъ языковъ въ Астраханской гимназіи можно видѣть изъ отчета попечителя Казанскаго учебнаго округа, Стендера, который, во время ревизованія въ 1863 г. подвѣдомственныхъ ему училищъ, обратилъ особенное вниманіе на состояніе классовъ восточныхъ языковъ въ означенной гимназіи. Попечитель нашелъ, что успѣхи учениковъ почти ничтожны. Причины тому, какъ приводитъ въ своемъ отчетѣ Стендеръ, заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что учащіеся этимъ языкамъ раздѣлены на два отдѣленія: высшее и низшее; въ каждомъ отдѣленіи находятся ученики разныхъ классовъ, вслѣдствіе чего ихъ пришлось раздѣлить по умственному развитію на три группы; а такъ какъ всѣхъ уроковъ восточныхъ языковъ полагается 3 часа въ недѣлю, то на каждую группу придется менѣе одного урока въ недѣлю. Время занятія этими языками назначено до общихъ классовъ, оттого число желающихъ заниматься ими уменьшалось. Неуспѣшность-же въ восточныхъ языкахъ не мѣшаетъ ученикамъ переходить въ высшіе классы. Кромѣ того, отъ постоянныхъ неуспѣховъ учениковъ въ дѣлѣ изученія восточныхъ языковъ и само общество привыкло смотрѣть на нихъ какъ на вещь безполезную; а потому заниматься ими рѣшались только тѣ ученики, которые чувствовали себя неспособными заниматься математикой, или же-

---

[71]) Періодич. сочиненія, ч. XXXI, стр. 210 - 211.

[72]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 17.

[73]) Тамъ же, ч. 22, I, 46. Съ 1804 г. въ Астрахани существуетъ для Армянъ армянское Агабабовское училище (см. Сбор. постановленій Мин. Нар. Пр. I, 340).

[74]) Отчетъ казан. унив. за 1842 - 3 годъ.

Digitized by Google

лавшіе избавиться отъ нѣмецкаго языка (сверхъ того избавлены они были отъ физики и славянскаго языка). Да и окладъ жалованья учителю восточныхъ языковъ — 281 р. 20 к. — не давалъ возможности пріобрѣтать хорошихъ учителей. Вслѣдствіе всего этого, попечитель заявлялъ, что въ такомъ видѣ преподаваніе восточныхъ языковъ безполезно, и предлагалъ слѣдующія мѣры къ достиженію благопріятныхъ результатовъ: 1) уничтожить раздѣленіе на два отдѣла; 2) занятіе восточными языками назначить въ то время, когда преподаются тѣ предметы отъ которыхъ ученики освобождены; 3) за неуспѣшность въ языкахъ оставлять на другой годъ въ томъ же классѣ; 4) преподаваніе начинать съ III класса и имѣть не менѣе 3 уроковъ въ недѣлю; 5) жалованье и права преподавателя В Я. сравнять съ тѣми какія имѣютъ старшіе учителя гимназіи, что̀ дало бы возможность найти хорошихъ учителей; прежнихъ-же оставить для практическихъ занятій [75]).

Тобольская Гимназія. Тобольское главное народное училище, въ которомъ преподавался татарскій языкъ, преобразовано было 12 марта 1810 г. въ Тобольскую гимназію, при чемъ въ число преподававшихся предметовъ вошелъ и означенный языкъ [76]).

Продолжалось ли это преподаваніе послѣ того постоянно, я не знаю. Когда-же въ 1851 г. Тобольская гимназія преобразовалась, по дополнительнымъ правиламъ къ уставу учебныхъ заведеній 21 марта 1849, въ ней разрѣшено ввести преподаваніе татарскаго языка для желающихъ, вмѣсто греческаго [77]).

Томская Гимназія. Въ то же время, именно въ 1851 году, произведено было преобразованіе и Томской гимназіи, въ которой также введено преподаваніе татарскаго языка для желающихъ, и также вмѣсто греческаго [78]).

Оренбургская Гимназія. Съ 1853 г. преподаваніе татарскаго языка введено въ этой гимназіи обязательно для всѣхъ учениковъ [79]); но преподаваніе это не отличалось особенною успѣшностью, какъ видно изъ отчета по управленію казанскимъ уч. округомъ за 1862 г. Въ отчетѣ говорится, что преподаваніе означеннаго языка не даетъ благопріятныхъ результатовъ, и объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ что языкъ этотъ сдѣланъ обязательнымъ для всѣхъ учениковъ, во-

---

[75]) Отчетъ попечителя казанскаго учебнаго округа Д. Ст. Сов. Стендера за 1863 годъ, стр. 30-35; Ж. М. Н. Пр. ч. 118, II, 262-3.

[76]) Періодич. сочиненія, ч. XXVII, стр. 358-9.

[77]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 70, I, 121.

[78]) Тамъ же.

[79]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 82, I, 56.

Digitized by Google

вторыхъ — тѣмъ, что занятія имъ не освобождаютъ ни отъ одного изъ предметовъ общаго курса [80])

Новочеркасская Гимназія. Первое учебное заведеніе на Дону возникло въ Черкасскѣ, въ 1790 году, подъ именемъ главнаго народнаго училища. Въ 1805 г. переведено оно было въ новоосновавный городъ Новочеркаскъ, а въ іюлѣ того же года преобразовано въ гимназію по уставу 1804 года [81]). Въ сентябрѣ 1850 утверждено основаніе при Новочеркасской гимназіи *Отдѣленія* восточныхъ языковъ для образованія военныхъ переводчиковъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ Для этой цѣли положено преподавать въ „отдѣленіи" языки арабскій, татарскій и аварскій, а если признано будетъ возможнымъ, то одинъ изъ употребительнѣйшихъ черкесскихъ (абхазскій). Курсъ ученія первоначальный и окончательный; въ каждомъ по два года. Изученіе языковъ теоретическое и практическое. Учителей 5 человѣкъ: 2 для арабскаго (старшій и младшій), 2 для татарскаго, и 1 (старшій) для аварскаго. Въ отдѣленіе, по „положенію", назначаются ученики двухъ высшихъ классовъ Новочеркасской гимназіи наиболѣе способные къ изученію восточныхъ языковъ. Число воспитанниковъ восточнаго отдѣленія ограничено тридцатью: отъ донскаго казачьяго войска — 20, и отъ черноморскаго — 10. Ученики назначаются въ отдѣленіе директоромъ Гимназіи (онъ и завѣдуетъ отдѣленіемъ подъ главнымъ наблюденіемъ наказнаго атамана Войска Донскаго) съ утвержденія наказнаго атамана. Въ число воспитанниковъ отдѣленія могутъ поступать исключительно дѣти штабъ и оберъ-офицеровъ Донскаго и Черноморскаго казачьихъ войскъ. На первый разъ, по недостатку учениковъ могущихъ поступить въ отдѣленіе изъ высшихъ классовъ, дозволено было обучать восточнымъ языкамъ учениковъ съ IV класса гимназіи. По окончаніи и выдержаніи испытанія, воспитанники опредѣляются военными переводчиками въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ, гдѣ обязаны прослужить 6 лѣтъ. Воспитанники, удостоенные званія военнаго переводчика, поступаютъ на службу на правахъ предоставленныхъ студентамъ университета [82]). Открыто отдѣленіе было въ 1853 году [83]).

Въ 1856 г. ученики означеннаго отдѣленія, въ видахъ доставленія имъ болѣе времени для изученія восточныхъ языковъ, освобождены были еще отъ слѣдующихъ предметовъ: практическаго

---

[80]) Тамъ же, ч. 118, II, 262 - 3.
[81]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 118, VI, 115 - 131.
[82]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1850, ч. 68, I, 58 - 64;
[83]) Тамъ же, ч. 118, VI, 131.

Digitized by Google

счетоводства, сельскаго хозяйства и высшихъ частей математики [84]). — Одно время преподавался въ Отдѣленіи языкъ черкесскій (въ 50-хъ годахъ [85]).

Новочеркасская гимназія есть единственная, въ которой, не въ примѣръ прочимъ, удержались восточные языки до настоящаго времени. Восточное отдѣленіе ея продолжаетъ дѣйствовать и доставляетъ требуемыхъ для службы переводчиковъ [86]).

По пріобрѣтеніи нами Кавказа и Закавказья, приняты были правительствомъ мѣры къ развитію просвѣщенія среди мѣстнаго населенія. При этомъ мѣстные языки не могли быть забыты. Они введены были въ число преподававшихся предметовъ не только въ тамошнихъ гимназіяхъ, но и въ уѣздныхъ и въ нисшихъ училищахъ. Преподавались они, какъ для мѣстнаго населенія, такъ и для русскихъ воспитанниковъ, дѣтей русскихъ чиновниковъ въ краѣ. Предполагалось, что лица, получившія образованіе въ гимназіяхъ, привьютъ туземному населенію русскую цивилизацію. Можетъ быть цѣли правительства и оправдались бы, еслибъ дѣло преподаванія восточныхъ языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго Округа было налажено, какъ слѣдуетъ.

Какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ училищахъ, восточные языки вводились ради мѣстныхъ потребностей, почему не во всѣхъ заведеніяхъ были одни и тѣже. Мѣстный языкъ былъ обязателенъ для всѣхъ воспитанниковъ безъ исключенія. Въ Положеніи о кавказскихъ воспитанникахъ 1848 г. говорится, что всѣ вообще кавказскіе воспитанники, какъ изъ уроженцевъ Кавказскаго и Закавказскаго края, такъ и изъ русскихъ дворянъ и чиновниковъ, находящіеся въ петербургскихъ и московскихъ учебныхъ заведеніяхъ, независимо отъ слушанія общихъ предметовъ, въ тѣхъ заведеніяхъ положенныхъ, должны обучаться наиболѣе употребительнымъ въ

---

[84]) Тамъ же, ч. 90, I, 4; Сборн. Постановл. III, 47 — 8.

[85]) *Я. М. Невѣровъ* „Къ вопросу объ образованіи инородцевъ“ (Ж. М. Нар. Пр. ч. 146).

[86]) Въ Отдѣленіи особенно успѣшно преподавался арабскій языкъ. Я зналъ одного воспитанника вост. отдѣленія Новочеркасской гимназіи, О — ва, который потомъ состоялъ одно время приставомъ при Шамилѣ. Съ Шамилемъ онъ говорилъ не иначе, какъ по-арабски. Между прочимъ практиковалась такая мѣра: каждый воспитанникъ, во время своего пребыванія въ Отдѣленіи, обязанъ былъ составить арабскій словарь. Но если воспитанники успѣшно изучали восточные языки, за то общее образованіе получали самое поверхностное.

Digitized by Google

краѣ языкамъ; а именно: жители Закавказскаго Края и приготовляющіеся на службу въ этомъ краю — грузинскому и татарскому; жители Кавказскаго Края и готовящіеся тамъ на службу — татарскому и впослѣдствіи черкесскому. Сверхъ того, всѣ Армяне должны обучаться армянскому языку [87]).

Такой порядокъ вещей продолжался, около тридцати лѣтъ, до послѣдняго устава гимназій, когда классицизмъ вытѣснилъ оріентализмъ.

Тифлисская Гимназія. По Положенію о Закавказскихъ Училищахъ 1829 года, въ основанной въ Тифлисѣ гимназіи (для доставленія средствъ къ воспитанію дѣтей грузинскихъ дворянъ и служащихъ въ краю чиновниковъ) введено было преподаваніе языковъ татарскаго и грузинскаго; а вслѣдъ затѣмъ, по просьбѣ армянскаго дворянства, Высочайше разрѣшено, въ октябрѣ 1831, ввести въ число преподававшихся предметовъ и языкъ армянскій. При этомъ училищному начальству вмѣнялось въ обязанность поощрять дѣтей русскихъ чиновниковъ къ основательному изученію мѣстныхъ языковъ, преимущественно татарскаго. Для большаго къ тому учениковъ поощренія положено было тѣмъ изъ нихъ, которые окажутъ лучшіе успѣхи въ татарскомъ языкѣ, выдавать серебряныя медали и оказывать преимущество передъ другими учениками при опредѣленіи на службу [88]). Въ 1837, по ходатайству мѣстнаго начальства, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть при Тифлисской гимназіи преподаваніе персидскаго языка на счетъ процентовъ съ капитала въ 5000 р. сер., пожертвованныхъ на предметъ колл. ассес. Грекомъ въ 1836 году [89]). Этотъ языкъ, какъ не мѣстный, преподавался только желающимъ.

По уставу 1853 года, грузинскій и татарскій языки были обязательны для всѣхъ учениковъ первыхъ двухъ классовъ; въ высшихъ-же — только одинъ изъ нихъ, по выбору учащихся [90]).

Кутаисская Гимназія. Въ Кутаисской гимназіи, какъ и въ Тифлисской, введено было преподаваніе языковъ грузинскаго и турецкаго. По Положенію 1853 года грузинскій языкъ сдѣланъ обязательнымъ для всѣхъ учениковъ, турецкій-же — только для казенно-коштныхъ воспитанниковъ [91]).

---

[87]) Ж. М. Нар. Пр. 1849 г. ч. 63, I, 37.

[88]) Собраніе постановленій по Мин. Нар. Пр. II, 19-20, 285, 362-3; Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1835 г. „отчетъ“ министра, стр. CLXXXVII.

[89]) Ж. М. Нар. Просв. ч. 14, стр. LXXXIV; ч. 18, стр. XCII—IV.

[90]) Ж. М. Нар. Пр. 1853 г. ч. 80, I, 38-9.

[91]) Тамъ же.

Digitized by Google

Ставропольская Гимназія (Кавказская областная). Получила свое начало 1 іюля 1837, когда высшее ставропольское училище преобразовано было въ гимназію. При этомъ въ ней введено преподаваніе языковъ татарскаго и армянскаго (послѣдній обязательно только для Армянъ). Съ 1845 преподаваніе въ ней татарскаго языка было, вслѣдствіе представленія мин. нар. просв. усилено принятіемъ втораго учителя татарскаго языка, вмѣсто втораго учителя латинскаго языка. Въ концѣ 40-хъ годовъ (1848 г.) введено въ ней преподаваніе черкесскаго языка, а по уставу 1853 г. языкъ этотъ сдѣланъ обязательнымъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ, равно-какъ и для воспитанниковъ содержимыхъ на счетъ суммъ Кавказскаго Линейнаго Казачьяго Войска. О важности, которой приписывали у насъ черкесскому языку, можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что учитель этого языка (также какъ и татарскаго) причисленъ былъ къ числу старшихъ. Преподаваніе его продолжалось 9 лѣтъ [92]).

Екатеринодарская Гимназія. Въ ней преподавался одинъ черкесскій языкъ, обязательный для всѣхъ учениковъ. Преподавался онъ (съ конца 40-хъ годовъ) въ теченіе 9 лѣтъ, и 9-ти лѣтній опытъ показалъ, что преподаваніе его было напрасною затратою труда, времени и денегъ; почему и было оно прекращено [93]).

3. Низшія учебныя заведенія.

а. въ Новороссіи.

Преподаваніе восточныхъ языковъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ началось съ Новороссійскаго Края. По мысли графа С. О. Потоцкаго, въ *Акмечетскомъ Училищѣ*, вмѣстѣ съ языками французскимъ, итальянскимъ и греческимъ, введено было въ маѣ 1809 года преподаваніе турецкаго языка. Потомъ, когда директоръ училищъ, Заставскій, сдѣлалъ представленіе о необходимости принять мѣры къ доставленію Татарамъ образованныхъ учителей, отдѣленіе, основанное Потоцкимъ, былъ уничтожено, и, вмѣсто него, возникло въ Симферополѣ [94]) особое заведеніе, открытое въ

---

[92]) Ж. М. Нар. Пр. ч. 18, стр. LVII - III; ч. 45, I, 85; ч. 80, I, 38; ч. 69, I, 3. ч. 146 (статьи *Я. М. Невѣрова* „Къ вопросу объ образованіи инородцевъ“; Сборн. постан. по Мин. Нар. Пр. 2-bis, 478.

[93]) *Я. М. Невѣровъ* „Къ вопросу объ образов. инородцевъ“.

[94]) Переименованномъ такъ изъ татарскаго Акъ-Мечеть.

Digitized by Google

февралѣ 1827 года. Число учениковъ въ немъ назначено 20. Они должны были посѣщать первые четыре класса гимназіи [95]).

По ходатайству графа Ланжерона, въ 1816 году было основано въ новозаведенномъ Ногайскомъ Городкѣ училище съ двумя классами, въ первомъ изъ коихъ преподавался русскій языкъ и ариѳметика, а во второмъ — письменный татарскій языкъ. Чтобы привлечь бо̀льшее число учениковъ изъ Татаръ, преподаваніе этого языка возложено было на муллъ. Вліяніе муллъ приносило училищу большой вредъ, что̀ и обратило на себя вниманіе графа Воронцова, который далъ заведенію этому другое направленіе: въ новомъ видѣ своемъ было оно открыто въ 1826 году, когда имѣло 35 мальчиковъ, изъ числа которыхъ 25 были татарчата [96]).

Въ *Симферопольскомъ уѣздномъ училищѣ* открыто было, въ іюнѣ 1810, татарское отдѣленіе, въ которомъ положено преподавать языки турецко-татарскій и арабскій. Тогда же въ это отдѣленіе поступило 23 ученика, въ томъ числѣ 10 христіанскаго вѣроисповѣданія [97]).

Въ *Ѳеодосійскомъ уѣздномъ училищѣ* (основанномъ въ 1812 г.) учрежденъ былъ въ іюнѣ 1814 классъ татарскаго языка [98]); а въ апрѣлѣ 1857 классъ этотъ закрытъ (вмѣстѣ съ греческимъ) и, согласно желанію мѣстныхъ жителей, вмѣсто того введено преподаваніе французскаго и итальянскаго языковъ [99]).

Въ *Перекопскомъ уѣздномъ училищѣ* съ 1835 г. сталъ преподаваться татарскій языкъ. Этотъ дополнительный курсъ, вслѣдствіе представленія попечителя одесскаго уч. округа, былъ упраздненъ въ апрѣлѣ 1850, по неимѣнію желающихъ обучаться [100]).

Изъ приходскихъ училищъ, введено было преподаваніе: въ *Григоріопольскомъ* и *Маріупольскомъ* — армянскаго языка (при попечи-

---

[95]) *Михневичъ* „Историческій взглядъ на учебныя заведенія Новороссійскаго Края и Бессарабіи“ (въ Новороссійскомъ календарѣ на 1844 годъ).

[96]) Новороссійскій календарь на 1844 г. Стр. 325 - 326.

[97]) Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XXVIII, стр. 548 - 9. Въ Симферопольской гимназіи еще раньше, въ 1809 году, положено было имѣть учителя турецко-татарскаго языка (тамъ же, № XXVI, стр. 245 - 6). Отсюда впослѣдствіи образовалось особое отдѣленіе при гимназіи для татарскихъ мальчиковъ.

[98]) Сперва обращалось вниманіе исключительно на турецкій языкъ, который являлся необходимымъ для торговыхъ сношеній съ Константинополемъ. *Михневичъ* „Историч. взглядъ на учебн. завед. Новороссійскаго края“.

[99]) „Одесскій календарь“ на 1842 г. Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 94, I, 38; ч. 113, I.

[100]) „Новороссійскій календарь на 1839 г. стр. 316 - 317; Ж. М. Нар. Пр. ч. 67, 1, 37.

Digitized by Google

телѣ Одесскаго уч. округа Княжевичѣ [101]); въ *Бахчисарайскомъ*— татарскаго языка (съ 1837); въ *Карасубазарскомъ* — татарскаго (тогда же), а потомъ и армянскаго [102]); въ *Нахичеванскомъ* — армянскаго [103]).

б. Подъ Кавказомъ и въ Закавказьѣ.

По Положенію о Кавказскихъ Училищахъ 1829 года, въ уѣздныхъ училищахъ положено преподавать мѣстные языки: грузинскій армянскій, татарскій и лезгинскій или осетинскій, а именно: въ Тифлисѣ — грузинскій, армянскій, татарскій; въ Казахской дистанціи — татарскій; въ Душетѣ, Гори, Кутаисѣ, Телавѣ и Сигнахѣ— грузинскій и армянскій; въ Елисаветполѣ, Шушѣ, Нухѣ, Шамахѣ Кубѣ, Баку, Дербентѣ, Эривани, Нахичевани, Ахалцыхѣ и Ленкорани — армянскій и татарскій. Въ Мингреліи-же, такъ какъ нѣтъ письменности на мингрельскомъ языкѣ, преподавать опредѣлено грузинскій, издавна туда введенный.

Съ 1836 года разрѣшено преподаваніе армянскаго языка въ уѣздныхъ училищахъ Кизлярскомъ и Моздокскомъ; а въ Кутаисѣ армянскій, съ 1840 года, замѣненъ татарскимъ [104]).

По Положенію 1853 г. мѣстные языки обязательны для всѣхъ учениковъ: въ уѣздахъ Тифлисской губерніи — грузинскій, а въ прочихъ уѣздахъ Закавказскаго края и Ставропольской губерніи — татарскій. Армянскому-же обучаются одни Армяне [105]).

Кромѣ того, по тому же уставу 1853 года, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ не основаны еще гимназіи, допущено преобразованіе уѣздныхъ училищъ въ высшія 4-хъ классныя училища съ татарскимъ языкомъ для всѣхъ учениковъ, и съ армянскимъ — для Армянъ [106]).

Въ первоначальномъ училищѣ въ Редутъ-Калэ основанъ былъ спеціальный курсъ, въ которомъ, сверхъ мѣстнаго языка, грузинскаго, преподавались еще турецкій, ново-греческій и веденіе купеческихъ книгъ [107]).

---

[101]) „Новороссійскій календарь“ на 1844 г. стр. 323.

[102]) Тамъ же, стр. 325; Ж. Мин. Нар. Пр. 1837 г. ч. 14; „Отчеты“ Ришельевскаго Лицея за 1843-44 уч. годъ.

[103]) Сборн. постан. по Мин. Нар. Пр. 2-bis, 909-912.

[104]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 14: отчетъ Министра; ч. 26, I, 135-6, и Сборн. постановл. по Мин. Нар. Пр. 2-bis, 14-15.

[105]) Собраніе постанов. Мин. Нар. Пр. II, 18; Ж. Мин. Нар. Пр. 1835 г. ч. 6. стр. CXCIII; 1853 г. ч. 80; I, 39, 54-55.

[106]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 80, I, стр. 50.

[107]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 80, стр. 60.

Digitized by Google

Изъ Сибирскихъ уѣздныхъ училищъ, преподавался татарскій языкъ лишь въ Омскомъ, но и тамъ преподаваніе его, съ 1861 года, отмѣнено [108]).

ОТДѢЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Лазаревскій Институтъ Восточныхъ Языковъ въ Москвѣ.

Въ царствованіе Екатерины Великой переселилось изъ Персіи въ Россію армянское семейство Лазаревыхъ. Обладая обширными капиталами, Лазаревы вскорѣ же заявили себя полезною дѣятельностію въ своемъ новомъ отечествѣ, и Екатерина, такъ умѣвшая цѣнить полезныхъ гражданъ, не замедлила осыпать Лазаревыхъ милостями. Достигнувъ высокихъ степеней на государственной службѣ, не забыли они своихъ единоплеменниковъ, и, въ заботахъ объ умственномъ развитіи Армянъ, рѣшили основать для нихъ особое учебное заведеніе въ Россіи. Съ этою цѣлію Иванъ Лазаревъ пожертвовалъ капиталъ въ 200,000 р. ас.; а его родственники увеличили сумму эту на столько что заведеніе могло уже быть открыто. Въ маѣ 1814 г. освящено было зданіе „Московскаго Армянскаго Учебнаго Заведенія Лазаревыхъ", а съ мая слѣдующаго года стали поступать туда и воспитанники.

Въ 1818 г. это учебное заведеніе имѣло всего три класса съ самымъ элементарнымъ преподаваніемъ. Изъ восточныхъ языковъ введенъ былъ только армянскій. Заведеніе разсчитано было на 30 воспитанниковъ, кромѣ приходящихъ учениковъ. Вскорѣ стало оно наполняться учениками не только изъ Армянъ, но изъ Русскихъ и другихъ націй; даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Азіи являлись желающіе получить европейское образованіе въ этомъ училищѣ: пріѣзжали учиться сюда изъ Испагани, изъ Калькутты.

До 1825 г. учебное заведеніе Лазаревыхъ было не болѣе какъ пансіонъ, и только въ этомъ году получило оно уставъ и нѣкоторыя привилегіи. Курсъ ученія назначенъ былъ 4-хъ годичный; число предметовъ увеличено; введенъ персидскій языкъ. Въ 1828 г. училище это наименовано „Армянскимъ, Лазаревыхъ, Институтомъ Восточныхъ Языковъ". Въ 1835 г. Институтъ былъ причисленъ къ учебнымъ заведеніямъ II-го разряда, и тогда же опредѣлилась цѣль его: онъ долженъ былъ, во-первыхъ, доставлять опытныхъ переводчиковъ восточныхъ языковъ, изучившихъ ихъ теоретически и практически; во-вторыхъ — приготовлять учителей для всѣхъ прочихъ

[108]) Тамъ же, ч. 113, I.

Digitized by Google

воспитательныхъ заведеній Армянскаго Народа, и образованныхъ священнослужителей для христіанъ григоріанскаго вѣроисповѣданія. Курсъ ученія установленъ 5-лѣтній. Воспитанники, находившіеся въ Институтѣ на иждивеніи Лазаревыхъ, обязаны были прослужить при этомъ заведеніи не менѣе 6-ти лѣтъ въ качествѣ старшихъ или младшихъ учителей, но въ томъ однако случаѣ, если они съ успѣхомъ окончатъ университетскій курсъ. Въ 1843 году, по волѣ Государя, назначены были въ Институтъ 5 учениковъ изъ Закавказскихъ уроженцевъ для приготовленія себя на службу въ тамошнемъ краѣ. По новому уставу 1848 г. Институтъ получилъ права лицеевъ. Курсъ ученія въ немъ назначенъ 6-лѣтній (соотвѣт. тогдашнему гимназическому), и, сверхъ того, двухъ-годичный, спеціально для занимающихся восточными языками. Кругъ восточныхъ языковъ расширенъ введеніемъ четырехъ новыхъ, такъ что всѣхъ стало 6: армянскій, арабскій, персидскій, турецкій, татарскій и грузинскій. Изъ нихъ обязательнымъ сдѣланъ только одинъ, по собственному выбору — персидскій или турецкій (съ дополнительнымъ арабскимъ); но всѣ Армяне должны были обучаться армянскому языку, Грузины — грузинскому, Татаре — татарскому.

Спеціальные классы мало привлекали желающихъ поступать туда; большинство (9/10) кончавшихъ курсъ въ гимназическихъ классахъ Института стремились въ университеты. Убѣдившись въ этомъ, попечитель института, Х. А. Лазаревъ, вошелъ съ ходатайствомъ о принятіи Института въ общую систему общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, съ подчиненіемъ его, послѣ смерти Лазарева, вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ходатайство это было уважено, и Лазареву разрѣшено вводить въ Институтъ полный курсъ классическихъ гимназій съ двумя древними языками для подготовленія къ постепенному преобразованію.

По Высочайше утвержденному 16 іюня 1871 г. положенію Кавказскаго Комитета, отдѣленіе Лазаревскаго Института, носящее названіе спеціальныхъ классовъ, поставлено почти на одинаковую степень съ факультетомъ В. Я. въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, не столько, впрочемъ, по объему предметовъ преподаванія, сколько по правамъ преподавателей и учащихся. Курсъ ученія назначенъ, вмѣсто 2-хъ годичнаго, 3-хъ годичный. Зато въ гимназіи при Институтѣ восточные языки изъ курса исключены. Каѳедры введены слѣдующія: армянской словесности, арабской словесности, персидской словесности, турецко-татарскаго языка, грузинскаго языка, исторіи Востока, русской словесности, практики персидскаго и турецкаго языковъ, и восточной каллиграфіи. Преподавательскій штатъ состоитъ изъ 6 профессоровъ, 1 доцента и 2 преподавате-

Digitized by Google

лей. Для студентовъ спеціальныхъ классовъ обязательно изученіе всѣхъ предметовъ курса спеціальныхъ классовъ, за исключеніемъ лишь армянской словесности, обязательной зато для Грузинъ и кавказскихъ стипендіатовъ. Въ такомъ видѣ Институтъ и началъ свою дѣятельность съ 1 сентября 1871 года.

На армянскую словесность положено 3 часа въ недѣлю на каждый курсъ; на арабскую — 4; на персидскую — 4; турецко-татарскую — 4; на грузинскій языкъ — 2. Практика турецкаго и персидскаго языковъ должна производиться ежедневно [109]).

Учебное Отдѣленіе восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Мы уже видѣли, какъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ много разъ принимало разныя мѣры къ обезпеченію себя переводчиками восточныхъ языковъ [110]); но при этомъ всегда находилось оно въ зависимости отъ учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ, гдѣ содержало на свой счетъ учениковъ. На этотъ предмстъ, именно для обученія студентовъ языкамъ китайскому, маньчжурскому, персидскому, турецкому и татарскому, ассигнована была въ 1798 г. сумма въ 3000 р. ежегодно [111]). Вѣроятно, зависимость эта представляла для министерства нѣкоторое неудобство, такъ какъ графъ Нессельроде задумалъ основать при Азіатскомъ Департаментѣ спеціальное учебное заведеніе, съ правами университетовъ, для приготовленія дипломатическихъ чиновниковъ и переводчиковъ для службы на Востокѣ при русскихъ миссіяхъ. Въ 1823 году, по его мысли [112]), и было основано при означенномъ департаментѣ учебное заведеніе

---

[109]) О Лазаревскомъ Институтѣ см. «Историческій очеркъ Лазар. Инст. вост. яз.“ изд. 2-е 1863 г.; „Собраніе актовъ касат. Исторіи Армянскаго Народа“, т. I; Ж. М. Нар. Пр. ч. 147, 19; ч. 156 (1871 г.); ч. 165 (1873 г.) 112 - 113. Уставъ его см. тамъ же, стр. 161 - 208.

[110]) Такъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно въ 1823, утверждено было положеніе Комитета по азіатскимъ дѣламъ объ отпускѣ ежегодно изъ суммъ Азіатскаго Департамента 7000 рублей; изъ нихъ 5000 р. въ распоряженіе Тобольскаго и Томскаго генералъ-губернатора на улучшеніе азіатскаго училища въ Омскѣ, и 2000 р. въ распоряженіе Главнаго Пристава Калмыцкаго Народа (въ Астрахани) на улучшеніе калмыцкаго училища при приставѣ. (Полное Собр. Законовъ, № 29313).

[111]) Полное Собр. Законовъ, № 18599.

[112]) Можно думать что, скорѣе, по мысли профессора Шармуа, состоявшаго гувернеромъ при сынѣ графа, и бывшаго вынужденнымъ въ то время оставить службу при С.-Петербургскомъ Университетѣ. *Прим. ред.*

Digitized by Google

восточныхъ языковъ, въ которомъ положено обучать языкамъ: арабскому, персидскому и турецкому [113]). Курсъ ученія назначенъ 3-хъ годичный или 4-хъ годичный (смотря по успѣхамъ учащихся); число студентовъ — 6 человѣкъ, съ неопредѣленнымъ комплектомъ сверхштатныхъ слушателей. На содержаніе студентовъ назначено 6000 рублей при готовой квартирѣ; а на содержаніе всего заведенія — 20,000 рублей. Преподаваніе восточныхъ языковъ имѣло здѣсь и продолжаетъ имѣть преимущественно практическій характеръ [114]). Въ 1830-хъ годахъ читалась временно (академикомъ Дорномъ) Исторія Мусульманскаго Востока, а съ 1872 года введенъ постоянный курсъ Мусульманскаго Законовѣдѣнія.

Восточный Институтъ при Ришельевскомъ Лицеѣ въ Одессѣ.

Новороссійскій Край, по присоединеніи его къ Россіи, представлялъ самое смѣшанное населеніе: тамъ, кромѣ Русскихъ, жили Греки, Евреи, Молдаване, Армяне, Татаре, переселенцы изъ Западной Европы. Не было тамъ какого либо общаго всѣмъ языка; всѣ пользовались одинаковымъ правомъ гражданства. Такое разнообразіе языковъ ставило нашу администрацію на первое время въ большое затрудненіе, такъ что она по необходимости должна была принимать мѣры къ обезпеченію себя людьми изучившими мѣстные языки. И вотъ, послѣ того какъ „край окрѣпъ, обстроился и и былъ накормленъ", приступлено было къ водворенію въ немъ просвѣщенія, при чемъ на преподаваніе языковъ, въ томъ числѣ и восточныхъ, обращено главное вниманіе.

Разныя мѣры предпринимались разными администраторами Новороссійскаго Края къ упроченію тамъ преподаванія восточныхъ языковъ (преимущественно турецко-татарскаго). Болѣе другихъ заботился о томъ графъ М. С. Воронцовъ. Вслѣдствіе ходатайства его, покойный Государь Императоръ, во время своего пребыванія въ Одессѣ въ 1828 году, Высочайше соизволилъ на открытіе въ этомъ городѣ „Восточнаго Института" для шести молодыхъ людей. До 1837 г. Институтъ состоялъ при Лицейской гимназіи [115]); въ этомъ

---

[113]) Въ статьѣ Клапрота объ учебномъ отдѣленіи (помѣщенной въ Journal asiatique 1828, II, 306 - 307) говорится, что кромѣ этихъ языковъ положено преподавать еще и монгольскій; но онъ до сихъ поръ тамъ не преподавался. Въ уставѣ-же о монгольскомъ языкѣ не упоминается.

[114]) Полное собраніе законовъ, № 29487; Журн. Мин. Нар. Пр. 1837 года ч. 14).

[115]) Гимназія эта образована была въ 1831 году изъ низшихъ классовъ Ришельевскаго Лицея.

Digitized by Google

же году, для болѣе успѣшнаго хода дѣла, причисленъ къ Ришельевскому Лицею [116]), который получилъ тогда же устройство равнявшее его съ университетами [117]).

Въ Восточномъ Институтѣ преподавались языки: арабскій, персидскій и турецкій. Преподавалъ ихъ въ Лицеѣ одинъ профессоръ, въ Гимназіи — два учителя, старшій и младшій. Въ Гимназіи обученіе В. Я. начиналось съ 4-го класса; въ Лицеѣ оно продолжалось къ теченіи всего 3-хъ годичнаго курса. Вмѣстѣ съ изученіемъ восточныхъ языковъ лицейскіе студенты Института должны были слушать какъ всѣ общіе, такъ и юридическіе предметы преподававшіеся въ Лицеѣ, за исключеніемъ лишь римской словесности и древностей. Такое обремененіе студентовъ Института разнообразными предметами въ ущербъ ихъ спеціальности обратило на себя вниманіе совѣта Лицея только въ 1846 году, когда и постановилъ онъ освободить этихъ студентовъ отъ слѣдующихъ предметовъ: энциклопедіи правовѣдѣнія, исторіи философіи, законовъ государственнаго благоустройства, благочинія и финансовъ, римскаго права и судебной медицины. Взамѣнъ того значительно усилено было преподаваніе восточныхъ языковъ, т. е. увеличены для нихъ часы ежедневныхъ занятій [118]).

Главная цѣль при учрежденіи Института В. Я. въ Одессѣ заключалась въ томъ, чтобы доставлять краю ученыхъ переводчиковъ (учители для школъ добывались другимъ путемъ [119]). Но если въ переводчикахъ В. Я. являлась настоятельная надобность при возникновеніи Одессы (основана въ 1794 г.) и заселеніи Новороссійскаго Края русскими поселенцами, то въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія потребность эта значительно ослабѣла. Студенты кончившіе курсъ въ Институтѣ не находили штатныхъ мѣстъ по своей спеціальности, и принуждены были пристраиваться кто куда могъ, даже въ квартальные надзиратели [120]). Ясно становилось,

[116]) Ришельевскій Лицей возникъ въ 1817 году изъ сліянія двухъ учебныхъ заведеній существовавшихъ въ Одессѣ: Благороднаго Института и Коммерческой Гимназіи.

[117]) *Скальковскій* „Участіе Одессы на поприщѣ наукъ“ („Сынъ Отечества“ 1842, VI); „Историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельев. Лицея за 1837-8 г.“; „Сорокалѣтіе Лицея“. Одесса, 1857.

[118]) „Сорокалѣтіе Лицея“; Новороссійскій календарь на 1852, стр. 361.

[119]) Изъ таковыхъ, служившихъ въ Новороссійскомъ Краѣ, упомянемъ: Франца Домбровскаго (переводчика при таврическомъ губернаторѣ) выпуска 1844 года; Андрея Курковскаго, выпуска 1845 г. (переводч. при таврическомъ губернаторѣ), и Авраама Акимова (служившаго переводчикомъ при таганрогскомъ градоначальникѣ) выпуска 1847 года.

[120]) *В. В. Григорьевъ* „Имп. С.-Петерб. Университетъ“, стр. 44, примѣчаніе 257.

Digitized by Google

что Институтъ В. Я. въ Одессѣ не соотвѣтствовалъ своей цѣли, почему, Высочайшимъ указомъ 29 октября 1854, и былъ онъ упраздненъ, а суммы, на него отпускавшіяся, и библіотека его были переданы въ С.-Петербургскій Университетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращено было преподаваніе В. Я. и въ Лицейской Гимназіи [121]).

Кяхтинская Школа Китайскаго Языка.

По ходатайству нашего кяхтинскаго купечества разрѣшено было въ 1832 г. основать въ Кяхтѣ школу для распространенія у насъ знанія китайскаго разговорнаго языка. Коммерціи совѣтникъ Игумновъ пожертвовалъ для этой школы домъ, а мѣстное купечество приняло на себя всѣ расходы по ея содержанію. Школа названа была „Китайскимъ Училищемъ". Открытіе училища послѣдовало въ маѣ 1835, въ присутствіи о. Іакинѳа Бичурина, нарочно для того посланнаго изъ Петербурга. Этому обстоятельству обязаны мы первою и единственною до сихъ поръ на русскомъ языкѣ китайскою грамматикою, написанною о. Іакинѳомъ для означеннаго училища. Училище это находилось сперва въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ по департаменту внѣшней торговли, а потомъ — Министерства Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ китайскаго языка (главнымъ образомъ разговорнаго) ученикамъ преподавались русскій языкъ и ариѳметика, впослѣдствіи-же, какъ кажется, введенъ былъ и маньчжурскій языкъ. Какъ велось преподаваніе въ этомъ училищѣ можемъ судить отчасти по описанію экзамена, произведеннаго тамъ 17 декабря 1850, въ присутствіи маймачинскаго дзаргучея, съ подвѣдомственными ему китайскими чиновниками, и кяхтинскихъ купцовъ. Кончавшіе курсъ въ Школѣ, кромѣ написанія разныхъ фразъ іероглифами, упражнялись между собою въ примѣрныхъ разговорахъ по-китайски. Дзаргучей самъ предлагалъ разные вопросы на китайскомъ языкѣ, и заставлялъ читать написанные имъ іероглифы. Ученики отвѣчали свободно и для Китайцевъ понятно [122]).

Вообще, изъ этого училища по временамъ выходили молодые люди съ хорошими познаніями въ разговорномъ китайскомъ языкѣ чисто пекинскаго и даже сянсинскаго нарѣчій; да и сами Китайцы нерѣдко отзывались съ похвалой объ ученикахъ Китайскаго Училища. При всемъ томъ, Училище просуществовало недолго. Въ 1861 г.

---

[121]) „Отчетъ" Лицея за 1854-55 г.; Ж. Мин. Нар. Пр. 1856, ч. 90, стр. 82.

[122]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1851, ч. 69, отд. VII, 78-80.

Digitized by Google

оно было временно закрыто, въ виду того, что изученіе китайскаго и маньчжурскаго языковъ сосредоточено было въ Пекинѣ, а затѣмъ въ мартѣ 1867 послѣдовало распоряженіе и объ окончательномъ его закрытіи [123]).

II. Духовнаго Вѣдомства.

I. Академіи.

Основательное изученіе Богословія требуетъ отъ лицъ, посвятившихъ себя этому предмету, знакомства съ еврейскимъ языкомъ. Потребность эта чувствуется, разумѣется, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ духовныхъ академіяхъ, и удовлетворять ей духовное начальство старалось при первой къ тому возможности.

Кіевская Духовная Академія — первая у насъ по времени, ибо возникла изъ духовнаго училища, основаннаго въ 1588 году. Это училище четыре года спустя послѣ присоединенія Кіева къ Россіи (1654), было преобразовано въ Академію. Каѳедра еврейскаго языка явилась въ ней нѣсколько ранѣе 1738 г.; но, за недостаткомъ искусныхъ наставниковъ, языкъ этотъ почти не преподавался и былъ воспитанникамъ совершенно неизвѣстенъ. Съ 1738-же года, единственно благодаря заботливости преосвященнаго Рафаила Заборовскаго, явились каѳедры трехъ языковъ: еврейскаго нѣмецкаго и греческаго [124]). До самаго послѣдняго времени еврейскій языкъ въ Кіевской Академіи находился въ очень плохомъ состояніи. Въ разсужденіи, поданномъ Академіею митрополиту Арсенію въ 1763 говорится, что съ самаго начала на еврейскомъ классѣ бывало человѣкъ 20 и мало больше, хотя посѣщать этотъ классъ позволено было всѣмъ ученикамъ трехъ высшихъ классовъ по произволу. Причиною тому выставлялась, съ одной стороны, трудность языка, а съ другой — то обстоятельство, что языкъ этотъ мало полезенъ бѣднымъ ученикамъ, потому что съ знаніемъ его „никого не приглашаютъ господа къ себѣ на кондиціи, тогда какъ знающихъ французскій и нѣмецкій языки непрестанно приглашаютъ“. Даже послѣ указа Св. Синода 1798 года, которымъ повелѣвалось обучаться еврейскому языку всѣмъ ученикамъ въ выс-

---

[123]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1835, ч. 6, стр. 567; 1851, ч. 69, отд. VII; Сборникъ постановл. по Мин. Нар. Пр. т. IV, 448 — 449.

[124]) „Исторія Кіевской Академіи“, соч. іеромон. *Макарія Булгакова*. Спб. 1843, стр. 124.

Digitized by Google

шихъ классахъ [125]), таковыхъ оказывалось немного: 13 въ 1803, 30 — въ 1811, 11 — въ 1814 годахъ. Относительно жалованья преподавателямъ еврейскаго языка за то время, знаемъ что въ 1773 г. преосвященный Гавріилъ удѣлилъ изъ отпускавшейся въ Академію суммы, по 500 р. въ годъ, магистру еврейскаго и греческаго языка 37 р.; въ 1789 г. за преподаваніе еврейскаго положено жалованья 50 р. [126]).

Въ текущемъ столѣтіи дѣло преподаванія еврейскаго языка въ Академіи пошло успѣшнѣе, благодаря такимъ знатокамъ этого языка, какъ А. Максимовичъ и Сп. Гуляевъ, переводившимъ, по порученію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, книгу Левитъ, и Ст. Соловьевъ, составившій халдейскую грамматику; но особенно подавалъ большія надежды воспитанникъ Академіи Ѳ. Шимкевичъ, обратившій на себя вниманіе митрополита Евгенія еще студеническими трудами; но онъ умеръ въ ранней молодости [127]).

Московская Духовная Академія. Вскорѣ послѣ основанія академіи въ Кіевѣ возникла, въ 1682, и въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинская Академія. Изученіе въ ней еврейскаго языка началось съ половины прошлаго столѣтія, когда языкъ этотъ сталъ преподавать учитель греческаго, и въ Академіи образовался особый классъ подъ именемъ *еврео-греческой школы.* Въ Московской академіи на еврейскій языкъ обращалось особенное вниманіе. Такъ, митрополитъ Платонъ (назначенный въ ноябрѣ 1775 года директоромъ и протекторомъ Академіи) требовалъ отъ учителя, чтобы ученики еврейскаго языка „не токмо надлежащій успѣхъ имѣли, но чтобъ изъ нихъ и учительское мѣсто могли доступать“ [128]). И число обучавшихся еврейскому языку въ Академіи постоянно увеличивалось: въ 1785 г. ихъ было 19; въ 1790 — 26; въ 1792 — 23; въ 1794 — 21; въ 1798 — 99; въ 1801 — 185; въ 1804 — 194; въ 1805 — 236; въ 1807 — 327 [129]). На публичныхъ актахъ Академіи произносились учениками разговоры на всѣхъ языкахъ,

---

[125]) Въ указѣ Синода говорилось: „языкамъ еврейскому, а наипаче греческому, яко нужнымъ для уразумѣнія Св. Писанія, обучаться всѣмъ студентамъ академіи“ (Полное Собр. Законовъ Рос. Имперіи, т. XXV, № 18726).

[126]) „Исторія Кіев. Академіи“, стр. 116, 119, 156-7; *В. Аскоченскій* „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“. Кіевъ, 1856, II, 246, 428, 434, 473-4.

[127]) „Кіевская духов. Академія въ послѣднее 50-лѣтіе“ („Кіевлянинъ“, 1869 г. № 123, стр. 486).

[128]) *С. Смирновъ* „Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи“. Москва, 1855. Стр. 114, 310.

[129]) Тамъ же, стр 341.

Digitized by Google

не исключая и еврейскаго. Извѣстно также нѣсколько книгъ стихотвореній работы наставниковъ и учениковъ, писанныхъ на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на еврейскомъ, по случаю тезоименитства протектора Академіи, митрополита Платона [130]).

Духовныя Академіи С.-Петербургская и Казанская. До конца прошлаго столѣтія Кіевская и Московская духовныя академіи были единственными въ Россіи учрежденіями, въ которыхъ лица, посвятившія себя духовному званію, могли получать высшее образованіе.

Въ 1797 году 18 декабря, послѣдовалъ Высочайшій указъ объ открытіи, по образцу Кіевской и Московской, еще двухъ духовныхъ академій: въ С.-Петербургѣ, при Александроневскомъ Монастырѣ, и въ Казани, вмѣсто находившихся тамъ и тутъ семинарій. По уставу, тогда же обнародованному для всѣхъ академій, введено въ VI и VII классахъ преподаваніе еврейскаго языка; но преподаваніе этого языка въ обѣихъ, вновь основанныхъ, академіяхъ на первое время шло далеко неудовлетворительно. Особенно неуспѣшно шло дѣло преподаванія его въ Казанской академіи, и тѣмъ болѣе неуспѣшность эта тамъ выдавалась, что другіе языки находились въ очень удовлетворительномъ состояніи [131]).

По академическому уставу 1809 года изученіе еврейскаго языка предоставлено было выбору студентовъ, что и продолжалось до 1841 года, а съ этого времени оно сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ въ высшемъ отдѣленіи [132]). По означенному уставу раньше другихъ была преобразована С.-Петербургская академія (открыта 17 февраля 1809) затѣмъ Московская (открыта въ 1814) и Кіевская (въ 1819). Казанская-же академія просуществовала на прежнемъ основаніи до 1818, когда была закрыта и обращена въ семинарію впредь до будущихъ преобразованій. Эти преобразованія послѣдовали только въ 1842 г. (открыта 8 ноября).

По послѣднему преобразованію духовныхъ академій согласно уставу 1869 года, еврейскій языкъ, вмѣстѣ съ библейскою археологіей, отнесенъ къ предметамъ богословскаго отдѣленія.

До сихъ поръ мы говорили только о еврейскомъ языкѣ въ духовныхъ академіяхъ; но въ одной изъ академій, именно въ

---

[130]) Тамъ же. Вообще митроп. Платонъ усилилъ преподаваніе языковъ греческаго, латинскаго и еврейскаго (см. „Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ“ 1854, кн. I).

[131]) *А. Благовѣщенскій* „Исторія Старой Казанской Духовной Академіи“, Казань, 1876.

[132]) *Чистовичъ* „Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи“, Спб. 1857. Стр. 305.

Digitized by Google

казанской, преподавались и другіе восточные языки, введенные тамъ въ виду мѣстной потребности — для проповѣди Слова Божія инородцамъ населяющимъ Восточную Россію. При открытіи Казанской Академіи преосвященный Амвросій Подобѣдовъ думалъ уже о введеніи, со-временемъ, въ число предметовъ преподаванія въ ней, татарскаго языка, равно какъ чувашскаго и черемисскаго [133]). Мысль его относительно перваго изъ нихъ и была осуществлена въ 1800 г. преосвященнымъ Серапіономъ, когда были закрыты „новокрещенскія школы". Классъ татарскаго языка не былъ обязателенъ для всѣхъ, а посѣщали его, по собственному желанію, въ послѣобѣденное время, студенты и ученики всѣхъ классовъ. Число обучавшихся этому языку простиралось отъ 20 до 100 человѣкъ. Нѣкоторыхъ, впрочемъ, заставляло изучать этотъ языкъ начальство разныхъ епархій. Такъ, на-примѣръ, вятское семинарское правленіе въ 1815 году, вслѣдствіе предположенія открыть въ своей семинаріи татарскій классъ, обязало студента богословія вятской епархіи, Гавріила Сперанскаго, обучаться татарскому языку, для опредѣленія его учителемъ этого языка въ Вятской Семинаріи [134]). Съ возрожденіемъ Академіи въ 1842 г. рѣшено было расширить въ ней кругъ восточныхъ языковъ. Св. Синодъ, въ указѣ отъ 25 мая 1842, между прочимъ постановлялъ: „ввести сверхъ предметовъ, назначенныхъ уставомъ, языки инородцевъ; а какіе именно, это должно обсудить правленіе Академіи, и затѣмъ представить о томъ подробное соображеніе". Но дѣло это, можетъ быть, затянулось бы на долго, если бы не подвинулъ его профессоръ казанск. универс. Казембекъ, подавъ въ 1844 г. записку, въ которой высказалъ мысль о необходимости отдѣленія крещеныхъ Татаръ отъ ихъ собратіи мусульманъ, о необходимости переселенія ихъ въ новыя мѣста, и совершенія между ними богуслуженія на ихъ родномъ языкѣ [135]). Въ свою очередь, правленіе Академіи выяснило, что въ Казанской

---

[133]) *А. Можаровскій* „Старая Казанская Академія" (въ чтеніяхъ И. Москов. Общ. Исторіи и Древностей, 1877, кн. II); *Благовѣщенскій* „Исторія Старой Казан. Дух. Академіи", стр. 116 - 117.

[134]) *Можаровскій* „Старая Каз. Академія". Въ другомъ мѣстѣ (въ статьѣ: „Изъ исторіи духов. просвѣщ. въ Казанскомъ краѣ", помѣщенной въ „Православномъ Обозрѣніи" за 1868 г. ч. 27) г. Можаровскій говоритъ, что кромѣ татарскаго языка, когорый проходился во всѣхъ классахъ, *преподавались* въ то время еще языки чувашскій и черемисскій, которымъ обучали въ первыхъ четырехъ классахъ. Но едва ли два послѣдніе языка преподавались въ Казанской Академіи въ первый періодъ ея существованія.

[135]) Журн. засѣд. совѣта казан. дух. акад. за 1871 г., стр. 56.; Записка же Казембека помѣщена въ „Запискахъ Миссіонерскаго Общества", вып. III, Спб. 1867, стр. 91.

Digitized by Google

Епархіи говорятъ на языкахъ: 1) татарскомъ, 2) якутскомъ (?), 3) монголо-бурятскомъ, 4) тунгузскомъ, 5) калмыцкомъ, 6) чувашскомъ и черемисскомъ, 7) мордовскомъ, 8) вотскомъ и 9) остяцкомъ. Изъ нихъ, Правленіе признавало нужнымъ ввести: во-первыхъ — татарскій съ турецкимъ и арабскимъ, безъ котораго невозможно изученіе перваго; во-вторыхъ — монгольскій и калмыцкій. Сообразно съ этимъ и были образованы два разряда: монголо-калмыцкій, и турецко-татарскій, открытые въ январѣ 1845 года [136]).

Съ $18^{54}/_{55}$ учебнаго года эти отдѣлы получили другой видъ и отчасти новое назначеніе. Вмѣсто прежнихъ каѳедръ языковъ открыты „миссіонерскія отдѣленія" для дѣйствія по отношенію къ 1) Татарамъ, 2) Монгольскому Племени, 3) Чувашамъ и Черемисамъ. Въ этихъ отдѣленіяхъ, кромѣ языковъ, оставшихся въ прежней силѣ, преподавалась сущность ученій означенныхъ инородцевъ, съ цѣлію болѣе успѣшной борьбы съ этими ученіями.

Въ третьемъ отдѣленіи миссіонеровъ, противъ Чувашъ и Черемисъ, въ 1856 г. кончило курсъ 5 человѣкъ, а вновь поступило 2. Обучалось всего 7 человѣкъ. Оказалось что этого числа пока и достаточно, а потому съ $18^{56}/_{57}$ учебн. года отдѣленіе это было закрыто впредь до усмотрѣнія, но болѣе не возобновлялось [137]).

Въ 1856 г. особыми распоряженіями высшаго начальства разрѣшено имѣть практикантовъ для преподаваемыхъ языковъ. Съ $18^{58}/_{59}$ уч. года академическое начальство сдѣлало изученіе ислама и буддизма обязательнымъ для всѣхъ студентовъ младшаго отдѣленія. Это оказалось, однако, неудобнымъ, и прежній порядокъ (существовавшій до 1858 г.) былъ возстановленъ въ 1865, когда миссіонерскіе предметы раздѣлены на три отдѣла: 1) противъ раскола, 2) противъ ислама, и 3) противъ буддизма, съ зачисленіемъ на нихъ студентовъ низшаго и высшаго курсовъ, по собственному ихъ желанію [138]). Съ этого времени на двухъ послѣднихъ разрядахъ состояло студентовъ:

---

[136]) *Гвоздевъ* „Двадцатипятилѣтіе Казан. Духовн. Академіи" (въ Православномъ Собесѣдникѣ" за 1868 г. кн. ноябр. и декабр.).

Еще раньше, въ 1844 г., Министръ Народнаго Просвѣщенія, по ходатайству Казанской Дух. Академіи, разрѣшилъ допустить студентовъ ея къ слушанію въ Университетѣ лекцій языковъ: татарскаго, монгольскаго и калмыцкаго, при чемъ профессоры Казембекъ и Поповъ приняли на себя безвозмездное ихъ къ тому приготовленіе (Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 46, I, стр. 33).

[137]) Для преподаванія его временно былъ приглашенъ протоіерей казанскаго каѳедр. собора *В. П. Вишневскій* (25-лѣтіе Казан. Дух. Академіи).

[138]) „Двадцатипятилѣтіе Казан. Дух. Академіи".

Digitized by Google

	на монголо-калмыцкомъ.	на арабско-татарскомъ.
Въ 1866 году. . . .	9	4
» 1867 » . . .	22	8
» 1868 » . . .	8	19
» 1869 » . . .	6	19
» 1870 » . . .	3	3

По новому уставу и штату 1869 года, миссіонерскія отдѣленія оставлены въ Казанской Академіи по-прежнему. При этомъ на мусульманское отдѣленіе записалось 2 студента, на буддійское — 3. Впослѣдствіи число студентовъ перваго отдѣленія увеличилось: въ 1872 году было 4 студ. на I курсѣ, и 4 на II-мъ; въ 1875 числилось на I курсѣ 4 студ., на II — 1, на III — 5. Во второмъ отдѣленіи въ 1872 году состояло 5 человѣкъ. Это послѣднее отдѣленіе со второй половины $18^{71}/_{72}$ учебн. года закрылось, за неимѣніемъ профессора и студентовъ. Вслѣдствіе этого казанскій архіепископъ Антоній предложилъ Академіи вовсе упразднить буддійское отдѣленіе, на что̀ совѣтъ Академіи не согласился, въ виду того, что со-временемъ каѳедра эта можетъ замѣститься, а равнымъ образомъ окажутся и студенты желающіе изучать миссіонерскіе предметы противъ буддизма [139]).

Въ 1876 г. на миссіонерское отдѣленіе противъ Мухаммеданъ записалось 6 человѣкъ. Но теперь отдѣленіе это не имѣетъ профессора, перешедшаго въ другое вѣдомство. Между тѣмъ преподаваніе на этомъ отдѣленіи пошло было очень успѣшно, такъ что стали появляться въ печати даже статьи студентовъ этого отдѣленія по ихъ спеціальности [140]).

II. Семинаріи.

Особенное вниманіе на образованіе у насъ духовенства обратилъ Петръ Великій. Указомъ 28 февраля 1714, повелѣлъ онъ учредить при всѣхъ архіерейскихъ домахъ и въ знатныхъ монастыряхъ „цыфирныя школы“. Вскорѣ послѣ этого указа стали воз-

---

[139]) Протоколы засѣданій совѣта Казанской Духовной Академіи за 1870 г. стр. 68; за 1872, стр. 240 - 243.

[140]) Въ „Миссіонерскомъ Противомусульманскомъ Сборникѣ“ помѣщены статьи студентовъ: *П. Раева* „Признаки истинности православнаго Христіанства и лживости Мухаммеданства“; М *Машанова* „Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ“; *Н. Разумова* „Историческое значеніе Мухаммеда“. Кромѣ оригинальныхъ статей, доставляли студенты и переводныя.

Digitized by Google

никать и Семинаріи собственно[141]). До устава духовныхъ училищъ 1797 г. преподаваніе въ семинаріяхъ не имѣло никакой правильной организаціи, а шло какъ хотѣлось мѣстному архіерею. Въ 1797 г. предметы преподаванія въ духовныхъ училищахъ были обозначены въ первый разъ. При этомъ изъ восточныхъ языковъ упомянутъ одинъ еврейскій, о другихъ-же восточныхъ, ни въ этомъ уставѣ, ни въ другихъ, не было упомянуто. Какъ по уставу дух. училищъ 1808 года, такъ и 1867 года, еврейскій языкъ долженъ преподаваться *желающимъ* вмѣсто новыхъ языковъ. Усиленно языкъ этотъ преподавался въ двухъ семинаріяхъ -- въ Подольской и Минской. Для болѣе успѣшнаго обращенія Евреевъ въ Христіанство Св. Синодъ, въ 1860 году, постановилъ сдѣлать евр. яз. обязательнымъ для всѣхъ учениковъ высшаго отдѣленія этихъ семинарій. Между тѣмъ необходимо было, въ виду мѣстныхъ потребностей, ввести въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и другіе языки, съ цѣлію подготовить священниковъ для проповѣди Слова Божія среди инородцевъ, и для борьбы съ ихъ вѣроученіями. И вводились эти языки въ семинаріяхъ не общимъ уставомъ того или другаго времени, а въ разные года, какъ исключеніе изъ общаго правила, по мѣрѣ сознанія необходимости ввести обученіе воспитанниковъ тому или

---

[141]) Семинаріи открывались: въ 1722 году въ Бѣлгородѣ (въ 1726 переведена въ Харьковъ); въ 1726 Славяно - Греко - Латинская семинарія въ С.-Петербургѣ; въ 1731 въ Воронежѣ; въ 1733 въ Казани (изъ школы основ. въ 1723 г.) и тогда же въ Псковѣ (изъ школы основ. въ 1728 г.); въ 1735 въ Вяткѣ; въ 1738 въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Рязани, въ Тобольскѣ, въ Переяславлѣ, въ Великомъ-Устюгѣ (въ 1786 г. соединена съ Вологодскою); въ 1739 Крутицкая семинарія (сперва въ Вязьмѣ, а съ 1751 г. въ Москов. Покровскомъ монастырѣ; въ 1786 г. упразднена), въ Твери, въ Ростовѣ, въ Смоленскѣ; въ 1740 въ Новгородѣ (въ 1788 г. соединена съ Александро-Невскою), въ Суздалѣ (въ 1799 г. соединена съ Владимірскою), въ Коломнѣ (въ 1797 г. переведена въ Тулу); въ 1742 Троицко-сергіевская; въ 1747 въ Ярославлѣ; въ 1750 во Владимірѣ на Клязьмѣ; въ 1753 въ Переяславлѣ - Залѣсскомъ; въ 1758 въ Могилевѣ; въ 1771 въ Архангельскѣ; въ 1777 въ Астрахани; въ 1778 въ Вологдѣ и въ Сѣвскѣ; въ 1779 въ Полтавѣ, въ Иркутскѣ (изъ Славяно - латинской школы основанной въ 1728 г.) въ Тамбовѣ, въ Петрозаводскѣ; въ 1780 въ Бѣлорусской епархіи; въ 1793 въ Минскѣ; въ 1797 въ Подольскѣ; въ 1799 въ Житомирѣ; въ 1800 въ Перми, въ Пензѣ, въ Оренбургѣ, и Армейская въ С.-Петербургѣ; въ 1814 въ Кишиневѣ; въ 1838 въ Одессѣ; въ 1830 въ Саратовѣ; въ 1840 въ Симбирскѣ; въ 1841 въ Харьковѣ (изъ Харьковскаго Коллегіума); въ 1844 Новоархангельская; въ 1846 Кавказская (въ Ставрополѣ); въ 1858 Самарская; въ 1857 Томская Семинаріи открывались и въ послѣднее время, какъ напр. Новая Донская Семинарія въ Новочеркаскѣ въ 1868 г.

Digitized by Google

другому языку. Въ однѣхъ семинаріяхъ восточные языки были обязательны для всѣхъ учениковъ, въ другихъ ими занимались по выбору, въ замѣнъ нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, отъ которыхъ освобождались.

Казанская Семинарія. Когда началось преподаваніе восточныхъ языковъ въ Казанской Семинаріи, въ обнародованныхъ о ней извѣстіяхъ не говорится [142]). Быть можетъ до преобразованія ея въ Академію они и вовсе въ ней не преподавались, такъ-какъ въ Казанской епархіи существовали особыя школы, учрежденныя для обращенія инородцевъ въ Христіанство. Это были такъ называемыя „Новокрещенскія Школы" для новокрещенныхъ инородцевъ, основанныя въ 1735 г. по ходатайству архіепископа Иларіона Рогалевскаго [143]). Предполагалось, что воспитанники, вышедшіе изъ такихъ школъ, явятся просвѣтителями своихъ единоплеменниковъ истинами Православной Вѣры. Почти столѣтній опытъ доказалъ, что такія надежды были напрасны, и, взамѣнъ ихъ, положено въ 1820 г. ввести въ Казанской Семинаріи преподаваніе инородческихъ языковъ: татарскаго, чувашскаго и черемисскаго. Языки эти изучали не только ученики Казанской Семинаріи, но и присылавшіеся туда для этой цѣли изъ другихъ епархій. Инородческія же школы послѣ того не возобновлялись [144]). Затѣмъ въ 1852, по представленію начальства Казанскаго Учебнаго Округа, введено въ Семинаріи преподаваніе арабскаго, а число учебныхъ часовъ татарскаго языка увеличено. Обучающіеся ему раздѣлены были на два отдѣленія; для каждаго по 2 урока въ недѣлю и одинъ общій урокъ для обоихъ отдѣленій, съ цѣлію практическихъ упражненій. Въ 1870 г. преподаванія татарскаго языка въ Семинаріи было усилено (часы для занятій имъ назначены внѣ класснаго времени), и тогда же, по предложенію казанскаго архіепископа, мѣстная консисторія постановила опредѣлять въ приходы съ татарскимъ населеніемъ только такихъ священниковъ которые достаточно изучили татарскій языкъ, для чего и былъ опредѣленъ особый экзаменаторъ [145]).

---

[142]) Можетъ быть вслѣдствіе утраты документовъ, такъ какъ Казанская Семинарія горѣла три раза.

[143]) Въ 1735 г. открыто ихъ было 4 (*А. Можаровскаго* „Казанская семинарія" въ Казан. Губ. вѣдом. 1868 г. № 61).

[144]) *Е. А. Малова* „О Новокрещенскихъ школахъ въ XVIII вѣкѣ" (Православ. Обозрѣніе 1868 г. ч. 26, стр. 374).

[145]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода за 1852 и 1866 гг. Извѣстія по Казанской епархіи за 1870, № 24, стр. 7, 39-40; № 16, стр. 501.

Digitized by Google

По вѣдомостямъ семинарій видно сколько семинаристовъ обучалось восточнымъ языкамъ въ Казанской Семинаріи, а именно:

Арабскому: въ 1866 г. — 24 человѣка.

Татарскому: въ 1850 г. — 55; въ 1851 г. — 30; въ 1852 г. — 60; въ 1853 — 63; въ 1855 г. — 65; въ 1856 г. — 59; въ 1859 г. — 49; въ 1860 г. — 48; въ 1866 г. — 24; въ 1867 г. — 93; въ 1868 г. — 221; въ 1869 г. — 212; въ 1870 г. — 189; въ 1871 г. — 137; въ 1874 г. — 5.

Чувашскому: въ 1860 г. — 27; въ 1866 г. — 54; въ 1867 г. — 42; въ 1868 г. — 64; въ 1869 г. — 58; въ 1870 г. — 91; въ 1871 г. — 25.

Черемисскому: въ 1859 г. — 27; въ 1860 г. — 26; въ 1866 г. — 24; въ 1867 г. — 25; въ 1868 и 1869 гг. — по 24; въ 1870 г. — 41; въ 1871 г. — 44 [146]).

Нижегородская Семинарія. Преподаваніе восточныхъ языковъ въ Нижегородской семинаріи началось со времени епископа Дамаскина (опредѣленъ въ Нижегородскую Епархію въ 1783 году). По его распоряженію — говоритъ арх. Макарій въ „Исторіи Нижегородской Семинаріи" — въ ней введено преподаваніе языковъ татарскаго, мордовскаго и чувашскаго (которыми и самъ Дамаскинъ занимался) для обращенія мѣстныхъ иновѣрцевъ въ Христіанство [147]). Въ другомъ своемъ сочиненіи, въ „Исторіи Нижегородской Іерархіи", арх. Макарій говоритъ, что, вслѣдствіе предпринятаго Екатериною Великою въ 1785 году, изданія словаря иностранныхъ словъ, составленъ былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, подъ надзоромъ тамошняго епископа Дамаскина, словарь словъ татарскихъ, мордовскихъ, чувашскимъ и черемисскихъ. Это обстоятельство повліяло на *усовершенствованіе* въ Нижегородской Семинаріи преподаванія языковъ татарскаго, мордовскаго и черемисскаго. Для образованія учителей этихъ языковъ, Дамаскинъ посылалъ нѣкоторыхъ студентовъ въ Казань [148]).

Въ послѣднее время въ Нижегородской Семинаріи преподается только одинъ татарскій языкъ. Въ 1855 году ему обучалось 35 ч.; въ 1856 — 30; въ 1859 — 26; въ 1860 — 21; въ 1866 — 31;

---

[146]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[147]) Исторія этой семинаріи помѣщена въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1849 годъ. Отдѣльный оттискъ: «Исторія Нижегородской Семинаріи, составлена профессоромъ оной іеромонахомъ Макаріемъ». Нижній-Новгородъ, 1849 г.

[148]) *Макарій* „Исторія Нижегородской Іерархіи" (съ 1672 по 1850). Спб. 1857, стр. 171 - 5.

Digitized by Google

въ 1868 — 26; въ 1869 — 26; въ 1870 — 33; въ 1871 — 48; въ 1872 — 40; въ 1873 — 37; въ 1874 — 39 [149]).

Иркутская Семинарія. Въ Иркутской Семинаріи (основанной въ 1779 году) образованъ въ 1822 году, по ходатайству епископа Михаила, классъ монгольскаго языка. Въ этотъ классъ принимали и бурятскихъ мальчиковъ. Въ 1849 г. разрѣшено обучать въ Семинаріи разговорному бурятскому языку [150]). Монгольскій языкъ (разговорный и книжный) семинаристы изучали по выбору, вмѣсто французскаго и нѣмецкаго [151]).

Въ 1851 г. монголо-бурятскому языку въ Иркутской Семинаріи обучалось 43 ч.; въ 1852 — 43; въ 1853 — 40; въ 1855 — 49; въ 1856 — 49; въ 1859 — 52; въ 1860 — 46; въ 1866 — 19; въ 1867 — 17; въ 1869 — 25; въ 1870 — 26; въ 1871 — 36; въ 1872 — 33; въ 1873 — 42; въ 1874 — 46; въ 1876 — 44 [152]).

Астраханская Семинарія. Въ 1730 г. основана была въ Астрахани славяно-латинская школа для образованія лицъ духовнаго и свѣтскаго сословій; въ 1777 г. обращена она была въ семинарію. Потребность въ людяхъ знающихъ калмыцкій языкъ чувствовалась въ Астраханской Епархіи еще въ прошломъ столѣтіи. Въ 30-хъ годахъ того столѣтія переводчику *Кондакову* поручено было, кромѣ перевода на калмыцкій языкъ Символа Вѣры и Новаго Завѣта, сказывать при архимандритѣ, въ воскресные и праздничные дни Калмыкамъ „показанія“ на калмыцкомъ языкѣ, „отъ чего бы они могли прійти въ лучшее познаніе православной Христіанской Вѣры“ [153]). Какъ предметъ семинарскаго преподаванія, калмыцкій языкъ введенъ былъ въ Астраханской Семинаріи только по докладу исправляющаго должность синодальнаго оберъ-прокурора Нечаева (24 дек. 1832 г.) съ цѣлію преподаванія Калмыкамъ Слова Божія; для болѣе успѣшнаго хода дѣла полагалъ онъ полезнымъ воспитывать въ калмыцкомъ классѣ и нѣсколько человѣкъ молодыхъ Калмыковъ изъ новообращенныхъ семей. Это представленіе было утверждено, и въ 1833 г. открытъ при Астраханской Семинаріи классъ калмыцкаго языка [154]).

---

[149]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[150]) Газета „Амуръ“, 1862, № 19. Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1849 г. стр. 56.

[151]) Епарх. Ирк. Вѣд. 1864, № 34.

[152]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[153]) Полное собр. законовъ, т. X, № 7335.

[154]) *К. Костенковъ* „О распространеніи Христіанства у Калмыковъ“ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1869, ч. 144, стр. 145 — 6). Въ отчетѣ оберъ-прокурора св. Синода за 1839 г. говорится, что только въ этомъ году открытъ былъ при Астрах. Семин. классъ калмыцкаго языка.

Digitized by Google

Изученіе калмыцкаго языка не было обязательнымъ для всѣхъ семинаристовъ: имъ занимались только желающіе. На преподаваніе этого языка въ Семинаріи обращалось очень мало вниманія; ученики выучивались только читать и писать, самого-же языка вовсе не знали, такъ какъ не посылались въ степь для окончательнаго изученія его на мѣстѣ. Дѣйствительную пользу дѣлу просвѣщенія калмыковъ Христіанскимъ Ученіемъ принесли только священники изъ природныхъ Калмыковъ, каковы: Алексѣевъ, Башкинъ, Здравомысловъ [155]).

Затѣмъ началось въ Астраханской Семинаріи преподаваніе и татарскаго языка. Калмыцкому языку въ 1850 году обучалось 13 ч. въ 1851 — 13; въ 1852 — 17; въ 1853 — 15; въ 1855 — 13; въ 1856 — 10; въ 1859 — 9; въ 1860 — 9; въ 1866 — 11; въ 1867 — 10; въ 1869 — 9; въ 1870 — 6; въ 1873 — 6; въ 1874 — 6. Татарскому: въ 1866 — 8; въ 1867 — 8; въ 1876 — 5. [156]).

Саратовская Семинарія. Одновременно съ Астраханской утверждено было (также по представленію оберъ-прокурора Нечаева) учрежденіе класса калмыцкаго языка и въ Саратовской семинаріи. Самое-же открытіе этого класса состоялось только въ 1848 г. [157]).

Впослѣдствіи, въ 1856, въ этой семинаріи введено преподаваніе татарскаго языка, который преподается и въ настоящее время (калмыцкій не преподается).

Въ 1850 г. татарскому языку обучалось 40 воспитанниковъ; въ 1851 — 29; въ 1856 — 38; въ 1859 — 53; въ 1860 — 47; въ 1866 — 23; въ 1868 — 30; въ 1869 — 28; въ 1870 — 25; въ 1871 — 5. [158]).

Тобольская Семинарія. Открыта была въ 1744 году митрополитомъ Антоніемъ Нарожницкимъ, преподаваніе-же татарскаго языка введено въ ней лишь съ 1783 года [159]). Затѣмъ языкъ этотъ былъ исключенъ изъ числа предметовъ обученія, и вновь открыта тамъ каѳедра татарскаго языка лишь съ 1846 года [160]).

Въ 1850 году обучалось ему 7 человѣкъ; въ 1851 — 6; въ 1852 — 8; въ 1853 — 23; въ 1855 — 20; въ 1856 — 15; въ 1859 —

---

[155]) *Костенковъ* «О распространеніи Христіанства у Калмыковъ».

[156]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[157]) *К. Костенковъ* „О распростр. Христіанства у Калмыковъ"; Отчеты оберъ-прокурора за 1846 и 1848 годы.

[158]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[159]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1854 г. ч. 81, V, 55.

[160]) Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1846 г. стр. 66.

Digitized by Google

22; въ 1860 — 12; въ 1866 — 29; въ 1867 — 14; въ 1868 — 24; въ 1869 — 18; въ 1870 — 11; въ 1871 — 17 [161]).

Вятская Семинарія. Одновременнось Тобольской, въ 1846 году, открыта каѳедра татарскаго языка и въ Вятской семинаріи. Въ той и другой каѳедры этого языка замѣщены были лучшими воспитанниками Казанской Академіи. Въ настоящее время, вмѣсто татарскаго, тамъ преподается, съ 1855 года, черемисскій языкъ. Въ 1859 г. ему обучалось 17 ч.; въ 1870 — 11; въ 1871 — 28; въ 1872 — 12; въ 1873 — 19; въ 1874 — 16; въ 1876 — 49 воспитанниковъ.

Уфимская Семинарія. Въ этой семинаріи преподаются языки татарскій и чувашскій. Первому изъ нихъ обучались: въ 1859 г. — 10; въ 1860 — 7; въ 1866 — 8; въ 1867 — 16; въ 1868 — 22 въ 1870 — 27; въ 1872 — 17 человѣкъ. Второму: въ 1860 — 8; въ 1866 — 5; въ 1867 — 11; въ 1868 — 7; въ 1870 — 69; въ 1872 — 9 человѣкъ [162]).

Оренбургская Семинарія. Въ ней преподавались языкы татарскій и чувашскій. Въ 1850 г. татарскому обучалось 7 учениковъ; въ 1851 — 13; въ 1852 — 12; въ 1853 — 17; въ 1855 — 8; въ 1856 — 21. Чувашскому въ 1850 — 19; въ 1851 — 17; въ 1852 — 18; въ 1853 — 14; въ 1855 — 15; въ 1856 — 27 учениковъ [163]).

Симбирская Семинарія. Преподаются въ ней языки татарскій (распоряженіе о его открытіи послѣдовало въ 1846, преподаваніе же началось съ 1848 года) и чувашскій. Первому обучались: въ 1851 году — 21 человѣкъ; въ 1852 — 21; въ 1853 — 26; въ 1855 — 32; въ 1856 — 28; въ 1859 — 16; въ 1860 — 54; въ 1866 — 44; въ 1867 — 32; въ 1868 — 36. Второму: въ 1856 г. — 53; въ 1860 — 58; въ 1866 — 47; въ 1867 — 36; въ 1868 — 41 человѣкъ [164]). Преподавателями опредѣлены были воспитанники Казанской Академіи.

Тамбовская Семинарія. Въ ней преподавался татарскій языкъ, которому въ 1850 г. обучалось 24 ученика; въ 1851 — 16; въ 1852 — 16; въ 1853 — 49; въ 1855 — 20; въ 1856 — 19; въ 1859 — 30; въ 1860 — 31 [165]).

Самарская Семинарія. Постановленіе о введеніи въ ней преподаванія татарскаго языка утверждено въ декабрѣ 1867 года; но

---

[161]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.
[162]) Тамъ же.
[163]) Тамъ же.
[164]) Тамъ же.
[165]) Тамъ же.

Digitized by Google

преподаваніе его началось еще раньше. Въ 1859 г. ему обучалось 33 человѣка; въ 1860 — 29; въ 1866 — 15; въ 1867 — 62; въ 1869 — 34; въ 1870 — 26; въ 1871 — 27; въ 1876 — 32 [166]).

Томская Семинарія. Въ ней преподается татарскій языкъ. Въ 1859 г. его изучали 11; въ 1866 — 16; въ 1867 — 46; въ 1868 — 35; въ 1869 — 20; въ 1870 — 18; въ 1871 — 22; въ 1872 — 19 въ 1873 — 26; въ 1874 — 29 воспитанниковъ [167]).

Пермская Семинарія. Въ ней также преподавался татарскій языкъ. Въ 1869 г. ему обучалось 17; въ 1871 — 5; въ 1876 — 10 человѣкъ [168]).

Якутская Семинарія. Въ ней введенъ въ число предметовъ преподаванія мѣстный языкъ якутскій, которому въ 1850 г. обучалось 29 ч.; въ 1851 — 41; въ 1852 — 66; въ 1853 — 29; въ 1855— 16; въ 1856 — 16; въ 1859 — 28; въ 1860 — 35; въ 1868 — 18 человѣкъ [169]).

Херсонская Семинарія. Въ ней преподавался татарскій языкъ крымскаго нарѣчія, которому обучались въ 1852 году 13 слушателей; въ 1855 — 16; въ 1856 — 6; въ 1859 — 6; въ 1860 — 6; въ 1868 — 18. [170]).

Донская Семинарія. Въ этой семинаріи преподавался калмыцкій языкъ, которому обучалось: въ 1869 году—25; въ 1870—21; въ 1876 — 14 человѣкъ [171]).

Кавказскія семинаріи.

Тифлисская. Въ ней преподавались языки: грузинскій, татарскій и осетинскій. Грузинскій языкъ введенъ былъ въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; для него не было отдѣльной каѳедры, какъ для двухъ другихъ языковъ, а преподаваніе его навязывалось какому-нибудь учителю семинаріи изъ туземцевъ, по одному уроку въ недѣлю, и при томъ безплатно, почему преподаваніе его шло очень плохо. По свидѣтельству г. Кикодзе, семинаристы Тифлисской Семинаріи — а главная ихъ масса была Грузины — находясь

---

[166]) Извѣстія по Казанской Епархіи за 1870 г. № 24; Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[167]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[168]) Тамъ же.

[169]) Тамъ же.

[170]) Тамъ же.

[171]) Тамъ же.

Digitized by Google

въ ней по-грузински забывали, а по-русски не выучивались [172]). По введеніи устава духовныхъ училищъ 1868 года, въ Тифлисской Семинаріи оставлено обученіе языкамъ татарскому и осетинскому, но только для желающихъ [173]). Въ 1871 году, вслѣдствіе ходатайства преосвященнаго экзарха Грузіи, св. Синодъ разрѣшилъ назначить упражненія въ чтеніи грузинскихъ богослужебныхъ книгъ въ четырехъ старшихъ классахъ семинаріи, по одному уроку въ недѣлю; грамматическое-же изученіе грузинскаго языка начать съ приготовительнаго класса. Что касается языковъ татарскаго и осетинскаго, то классы ихъ разрѣшены были въ послѣобѣденное время, если Общество Распространенія Православнаго Христіанства на Кавказѣ ассигнуетъ на жалованье преподавателямъ суммы изъ собственныхъ средствъ [174]).

Татарскому языку обучалось въ Тифлисской Семинаріи въ 1851 году — 44 человѣка; въ 1852 — 38; въ 1855 — 38; въ 1856 — 38; въ 1859 — 40; въ 1860 — 56; въ 1866 — 76; въ 1867 — 51; въ 1868 — 72; въ 1869 — 52; въ 1870 — 65; въ 1871 — 85. Осетинскому: въ 1852 — 61; въ 1855 — 58; въ 1856 — 61; въ 1859 — 67; въ 1860 — 67; въ 1866 — 85; въ 1867 — 50; въ 1868 — 82; въ 1869 — 85; въ 1870 — 97; въ 1871 — 85. Грузинскому: въ 1866 — 143; въ 1867 — 40; въ 1868 — 149 воспитанниковъ [175]).

Кавказская (Ставропольская). Открыта въ 1846 году, и тогда же введено въ ней преподаваніе языковъ калмыцкаго и татарскаго, и предположено ввести осетинскій языкъ. Это послѣднее предположеніе и было осуществлено въ 1847 году [176]). Всѣ означенные языки преподавались вмѣсто еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго.

Въ 1860-хъ годахъ преосвященный кавказскій, для распространенія православной вѣры между инородцами, посылалъ на свой счетъ, въ каникулярное время, нѣсколько воспитанниковъ Семинаріи въ Большедербетовскій калмыцкій улусъ для практики въ калмыцкомъ языкѣ; два воспитанника посланы были для упражненій въ татарскомъ языкѣ, и два же — въ осетинскомъ и черкесскихъ нарѣчіяхъ [177]).

---

[172]) Православное Обозрѣніе за 1862, ч. VIII: „Письмо изъ Тифлиса“ *М. Кикодзе.*

[173]) Отчетъ оберъ-прок. св. Синода за 1872 г. стр. 100.

[174]) Отчетъ оберъ-прок. св. Синода за 1873 г. стр. 125-7.

[175]) Отчеты оберъ-прок. св. Синода.

[176]) Отчеты оберъ-прок. за 1846 и 1847 годы.

[177]) Отчетъ оберъ-прок. св. Синода за 1868 г.

Digitized by Google

Татарскому языку обучались въ Ставропольской Семинаріи въ 1850 году — 55; въ 1851 — 69; въ 1852 — 27; въ 1853 — 47; въ 1855 — 40; въ 1856 — 38; въ 1859 — 39; въ 1860 — 33; въ 1866 — 37; въ 1867 — 51; въ 1868 — 31; въ 1869 — 26; въ 1870 — 27; въ 1871 — 27; въ 1872 — 8; въ 1873 — 5; въ 1874 — 2; въ 1876 — 5 воспитанниковъ. Калмыцкому: въ 1850 году — 74; въ 1851 — 80; въ 1852 — 50; въ 1853 — 50; въ 1855 — 50; въ 1856 — 45; въ 1859 — 47; въ 1860 — 46; въ 1866 — 45; въ 1867 — 50; въ 1868 — 26; въ 1869 — 25; въ 1870 — 6; въ 1871 — 27; въ 1872 — 6; въ 1873 — 4; въ 1874 — 5. Осетинскому: въ 1852 году — 65; въ 1853 — 51; въ 1855 — 45; въ 1856 — 43; въ 1859 — 54; въ 1860 — 50; въ 1866 — 44; въ 1867 — 40; въ 1868 — 31; въ 1869 — 30; въ 1870 — 27; въ 1871 — 25; въ 1872 — 6; въ 1873 — 11; въ 1874 — 5 воспитанниковъ [178]).

Изъ отчета оберъ-прокурора св. Синода, графа Д. А. Толстаго, по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1876 годъ видно, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, ради миссіонерскихъ цѣлей, продолжалось преподаваніе восточныхъ языковъ, а именно въ семинаріяхъ: Астраханской, Вятской, Донской, Иркутской, Пермской и Самарской.

III. Духовныя Училища.

Во многихъ духовныхъ училищахъ, также какъ и въ семинаріяхъ, въ виду мѣстныхъ потребностей, вводилось обученіе мѣстнымъ языкамъ, взамѣнъ еврейскаго, который по уставу долженъ былъ преподаваться и въ духовныхъ училищахъ. Въ этихъ училищахъ положено имѣть три класса (высшій, средній и низшій) съ двухъгодичнымъ курсомъ въ каждомъ.

Восточные языки преподавались въ слѣдующихъ училищахъ:

Въ *Нижегородскомъ* — татарскій. Впослѣдствіи классъ этотъ былъ переведенъ въ училище основанное въ Арзамасѣ [179]).

Въ *Пензенскомъ* — татарскій.

Въ *Далматовскомъ* — татарскій.

Въ *Казанскомъ* — татарскій, чувашскій, черемисскій.

Въ *Чебоксарскомъ* — чувашскій и черемисскій.

Въ *Чистопольскомъ* — татарскій.

Въ *Оренбургскомъ* — татарскій.

Въ *Пермскомъ* — татарскій.

---

[178]) Отчеты оберъ-прок. св. Синода.

[179]) Отчетъ оберъ-прокур. св. Синода за 1838 г.

Digitized by Google

Въ *Екатеринбургскомъ* — татарскій.

Въ *Тобольскомъ* — татарскій.

Въ *Иркутскомъ* — монгольскій. Онъ преподавался въ этомъ училищѣ еще въ 1830-хъ годахъ, когда оно было свѣтскимъ; съ преобразованіемъ-же его въ духовное, означенный языкъ сталъ, съ 1860 года преподаваться во всѣхъ трехъ классахъ [180]).

Въ *Нерчинскомъ* — монгольскій, введенный тамъ по ходатайству епископа Иринея, для болѣе даровитыхъ мальчиковъ; смѣнившій-же Иринея, архіепископъ Милетій, сдѣлалъ его обязательнымъ для всѣхъ учениковъ [181]).

Въ *Якутскомъ* — якутскій.

Въ *Благовѣщенскомъ* — маньчжурскій.

Въ *Астраханскомъ* — татарскій и калмыцкій. Послѣдній введенъ въ 1839 году [182]).

Въ *Ставропольскомъ* — татарскій и калмыцкій.

Въ *Владикавказскомъ* — осетинскій.

Въ *Тифлисскомъ* — татарскій, черкесскій, осетинскій, грузинскій.

Въ *Кутаисскомъ* — татарскій, черкесскій, осетинскій, грузинскій.

Въ *Телавскомъ* — татарскій, черкесскій, осетинскій, грузинскій.

Въ *Горійскомъ* уѣздномъ—грузинскій.

Въ *Горійскомъ* приходскомъ—осетинскій.

Въ *Мингрельскомъ* — грузинскій.

По уставу духовныхъ училищъ 1869 года восточные языки были исключены изъ числа учебныхъ предметовъ. Только въ училищахъ Грузинскаго Экзархата допущено преподаваніе грузинскаго языка, какъ вспомогательнаго средства для изученія русскаго. Но затѣмъ разрѣшено открыть тамъ классъ татарскаго и осетинскаго языковъ въ тѣхъ училищахъ гдѣ Общество Распространенія Православнаго Христіанства на Кавказѣ найдетъ это нужнымъ для миссіонерскихъ цѣлей, и приметъ на свой счетъ содержаніе учителей [183]).

По послѣднему отчету о духовныхъ училищахъ за 1876 годъ, оказывается, что только въ одномъ училищѣ, Астраханскомъ, преподается калмыцкій языкъ, которому обучаются 7 учениковъ [184]).

---

[180]) Иркутскія епархіальныя вѣдомости за 1863 г. № 6.

[181]) Газета „Амуръ“ 1862 г. № 19.

[182]) Отчетъ оберъ-прокур. св. Синода за 1839 г.

[183]) Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1872-1873 уч. годъ.

[184]) Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1876 г. Таблица № 17.

Digitized by Google

В. Военнаго Вѣдомства.

I. Военная Академія.

Въ 1853 году, побуждаясь тогдашними политическими обстоятельствами Европы, профессоръ А. К. Казембекъ вызвался читать безвозмездно лекціи турецкаго языка для офицеровъ Генеральнаго Штаба и Военной Академіи. Въ слѣдующемъ году онъ кончилъ свой курсъ, состоявшій изъ 63 лекцій, и, въ дополненіе къ нему, напечаталъ грамматику турецкаго языка [185]). Затѣмъ, это временное преподаваніе не возобновлялось болѣе въ Академіи.

II. Азіатская Школа въ Омскѣ.

Учреждена была въ 1789 году, для приготовленія переводчиковъ по пограничному управленію Сибирской Линіи. Введено въ ней было преподаваніе трехъ, наиболѣе необходимыхъ, языковъ: татарскаго, монгольскаго и маньчжурскаго. Для перваго изъ нихъ положенъ комплектъ въ 20 учениковъ при одномъ учителѣ; для монгольскаго, вмѣстѣ съ маньчжурскимъ — 5 учениковъ при двухъ учителяхъ (для каждаго языка отдѣльно). Въ число учениковъ принимались сперва только казачьи дѣти Сибирскаго Линейнаго Войска, а затѣмъ допущены были и дѣти чиновниковъ изъ магометанъ, служившихъ въ пограничномъ штатѣ. На содержаніе Школы отпускалось 551 р. 35 к. въ годъ; въ 1821 году сумма эта была увеличена до 5000 р., а вскорѣ послѣ того и еще возросла (одна часть отпускалась изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, другая — изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

Въ 1821 году разрѣшено было изъ числа 25 учениковъ Школы посылать 6 человѣкъ, для лучшаго изученія восточныхъ языковъ, въ Казанскую Гимназію, съ платою за нихъ по 600 рублей въ годъ, пока не поступятъ въ тамошній университетъ, который долженъ былъ содержать ихъ на свой счетъ [186]). Вслѣдъ затѣмъ постепенно стали вводиться въ Азіатскую Школу: Законъ Божій, русскій языкъ, географія, исторія и первыя основанія математики.

По Высочайшему повелѣнію 20 декабря 1836 года, Омская Азіат-

---

[185]) Актъ въ С.-Петербург. Университетѣ 8 февраля 1854, стр. 29—30; актъ 8 февраля 1855 г.

[186]) Это распоряженіе относилось только къ ученикамъ татарскаго класса, такъ какъ другихъ языковъ въ Казанской Гимназіи въ то время еще не преподавалось.

Digitized by Google

ская Школа была уничтожена, и воспитанники ея, въ числѣ 20 человѣкъ, переведены въ Омское же Училище Сибирскаго Линейнаго Казачьяго Войска, куда по этому случаю прибавлены три учителя для обученія учениковъ восточнымъ языкамъ (также переведенные изъ прежней школы), при чемъ комплектъ учениковъ увеличенъ до 30; а такъ какъ имѣлось въ виду выпускать изъ нихъ на службу въ Сибирскій Корпусъ Топографовъ, то введены были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другія необходимыя для того науки; Книги и вещи упраздненной школы перешли въ Училище, а двухъ находившихся въ Казанскомъ Университетѣ воспитанниковъ Школы положено содержать тамъ казеннокоштными студентами до окончанія курса. Училище поступило въ вѣдѣніе Военнаго Министерства [187]).

Въ 1859 году, въ Омскомъ Училищѣ (въ которомъ, сверхъ прежняго комплекта 30 человѣкъ казачьихъ дѣтей для приготовленія на службу въ Сибири переводчиковъ монгольскаго и татарскаго языковъ, положено имѣть еще 20 казачьихъ малолѣтковъ для приготовленія учителей въ степныя школы Сибирскаго Линейнаго Казачьяго Войска) состояло 33 воспитанника, изъ которыхъ 7 выпущено на службу переводчиками, а 5 исключены по неспособности къ наукамъ; вновь прибыло 12. Къ 1861 г. состояло 34 (прибыло 8, на службу опредѣлено 5, исключено 2). Въ 1863 г. комплектъ учениковъ положенъ въ 40 человѣкъ. Въ этомъ году учениковъ числилось 38, въ слѣдующемъ — 36; въ 1865 вышло въ переводчики 6 человѣкъ [188]).

Въ 1866 г. возникъ вопросъ: признается ли полезнымъ сохранить при Омскомъ Училищѣ особое отдѣленіе для приготовленія переводчиковъ татарскаго и монгольскаго языковъ? По обсужденіи этого вопроса Военнымъ Министерствомъ, рѣшено было преподаваніе означенныхъ языковъ продолжать; а такъ какъ вскорѣ послѣ того Омское Училище было преобразовано въ военную прогимназію, то въ число преподававшихся въ ней предметовъ введены были и оба помянутые языка [189]).

III. Неплюевское Военное Училище.

Оренбургскій Край, для сношеній съ народами Средней Азіи и для управленія инородцами въ немъ обитающими, долженъ былъ

---

[187]) Ж. М. Н. Просвѣщ. за 1836 годъ, ч. 12 стрн. 607-8. Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Пр. II, 950—951.

[188]) Отчеты военнаго министра за 1859, 60, 61, 62, 63 и 65 года.

[189]) Отчетъ военнаго министра за 1866 годъ.

Digitized by Google

съ самаго пріобрѣтенія его, нуждаться въ людяхъ изучившихъ мусульманскіе языки. Такъ, Кириловъ, основатель и первый начальникъ Оренбурга, просилъ прислать ему нѣсколько офицеровъ изъ кадетскаго корпуса для изученія восточныхъ языковъ [190]). Была ли эта просьба исполнена, неизвѣстно. Принимались послѣ того и другія мѣры для пріобрѣтенія переводчиковъ (особыя школы при состоявшихъ на службѣ переводчикахъ).

Упрочилось-же преподаваніе восточныхъ языковъ въ Оренбургѣ съ основанія тамъ въ 1824 году военнаго училища, названнаго *Неплюевскимъ*, въ честь правившаго Оренбургомъ въ прошломъ столѣтіи губернатора Неплюева, сдѣлавшаго значительный вкладъ на устройство въ Оренбургѣ училища. Заведеніе это учреждалось для дѣтей офицеровъ служащихъ въ иррегулярныхъ войскахъ Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, для дѣтей Азіатцевъ, не состоящихъ въ прочномъ подданствѣ, а также для всѣхъ свободнаго состоянія дѣтей. Полный комплектъ опредѣленъ въ 40 воспитанниковъ; курсъ ученія назначенъ шестилѣтній; классовъ три: высшій, средній и нисшій. Главное назначеніе воспитанниковъ — въ переводчики и толмачи. Въ число общихъ и военныхъ предметовъ введены были восточные языки: арабскій, татарскій и персидскій. Въ нисшемъ классѣ положено преподавать грамматику арабскаго, татарскаго и персидскаго языковъ; въ среднемъ — синтаксисъ ихъ, и сочиненія по правиламъ грамматики; въ высшемъ — чтеніе авторовъ на арабскомъ татарскомъ и персидскомъ языкахъ [191]).

На первое время Неплюевское Училище, какъ и многія другія учебныя заведенія относительно восточныхъ языковъ, вело свое дѣло очень энергично, благодаря хорошему выбору наставниковъ; но потомъ пошло хуже и хуже. При всемъ томъ, оно до послѣдняго времени постоянно снабжало, какъ мѣстный край, такъ впослѣдствіи и Туркестанскій, переводчиками и толмачами, хотя и плохо подготовленными къ своей спеціальности. Съ преобразованіемъ Неплюевскаго Военнаго Училища въ Оренбургскую Военную Гимназію, восточные языки держались тамъ еще нѣкоторое время, пока преподаваніе ихъ не было окончательно, въ послѣдніе годы, упразднено.

---

[190]) *Левшинъ* „Описаніе Киргизъ кайсацкихъ Ордъ и Степей“, ч. II, 112, примѣчаніе.

[191]) Полное собраніе указовъ, № 29770. Книга указовъ Правит. Сената 1824 г. подъ № 60; „Азіатскій Вѣстникъ“ 1825 г.; Собраніе постановленій по Мин. Нар. Пр. I, 1113—1116.

Digitized by Google

IV. Военныя гимназіи и прогимназіи.

Преобразованіе бывшихъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи началось съ 1863 года. Изъ корпусовъ этихъ, Оренбургскій (Неплюевскій) и Сибирскій положено обратить въ гимназіи въ 1866 году, при чемъ Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ Заведеній выработанъ былъ проектъ особаго положенія о приготовленіи переводчиковъ восточныхъ языковъ при Оренбургской и Омской военныхъ прогимназіяхъ. Проектъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ въ апрѣлѣ 1869 года [192]).

Въ *Сибирской Гимназіи* изъ восточныхъ языковъ преподавали только одинъ татарскій, и то лишь до 1875 года.

При *Оренбургской Прогимназіи* учреждено было особое отдѣленіе на 40 воспитанниковъ, которые обучались персидскому и татарскому языкамъ, для службы въ должности переводчиковъ восточныхъ языковъ въ Оренбургскомъ и Туркестанскомъ военныхъ округахъ. Вскорѣ послѣ того возникло предположеніе объ учрежденіи въ Оренбургѣ особаго спеціальнаго заведенія для изученія восточныхъ языковъ лицами получившими уже общее образованіе и предназначающими себя къ служебной дѣятельности въ Оренбургскомъ и Туркестанскомъ округахъ. Вслѣдствіе этого, въ августѣ 1875, состоялось Высочайше утвержденное положеніе Военнаго Совѣта о прекращеніи преподаванія въ Оренбургской (Неплюевской) и Сибирской военныхъ гимназіяхъ татарскаго языка (и персидскаго), вмѣсто котораго сдѣлано въ этихъ заведеніяхъ обязательнымъ для всѣхъ воспитанниковъ изученіе языковъ французскаго и нѣмецкаго [193]).

Въ *Омской Прогимназіи*, возникшей изъ Омскаго Казачьяго Училища въ 1869 году, также учреждено было отдѣленіе на 30 воспитанниковъ для приготовленія переводчиковъ В. Я. на службу въ Западно-Сибирскомъ Военномъ Округѣ. Но въ 1871 оно было упразднено, такъ какъ, со введеніемъ въ дѣйствіе новаго положенія объ управленіи Киргизскими Степями, упразднились тѣ должности которыя предстояло замѣщать воспитанниками окончившими курсъ въ означенномъ отдѣленіи [194]).

---

[192]) Отчеты военнаго министра за 1866 и 68 гг.
[193]) Отчеты военнаго министра за 1869, 1874 и 1875 гг.
[194]) Отчетъ военнаго министра за 1869 г.

Digitized by Google

Б. Языки Востока по отношенію къ лицамъ преподававшимъ ихъ и изучавшимъ.

I. Японскій Языкъ.

Раньше другихъ языковъ Востока посчастливались у насъ японскому. Покореніе Камчатки обѣщало Россіи важныя торговыя сношенія съ Японіей и обратило вниманіе Петра Великаго на это государство. Ничего не дѣлая какъ-нибудь, великій императоръ и въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду положить прочныя основанія торговлѣ съ Японіей и облегчить, какъ торговымъ людямъ, такъ и ученымъ, сношенія съ нею, подготовивъ *своихъ*, свѣдующихъ въ японскомъ языкѣ, людей.

Случай къ осуществленію этой мысли представился скоро. Въ самомъ началѣ XVIII столѣтія выброшенъ былъ бурею на берегъ Камчатки японецъ *Денбей*, который и препровожденъ въ Анадырскій острогъ. Узнавъ о томъ, Императоръ, указомъ отъ 16 апрѣля 1702, повелѣлъ отослать его изъ Сибирскаго Приказа въ Приказъ Артиллеріи „для ученія русскаго языка и грамоты, а какъ онъ Денбей русскому языку и грамоты изучится, и ему Денбею учить своему японскому языку и грамотѣ робятъ человѣкъ четырехъ или пяти“ [195]). Черезъ три съ половиной года, указомъ отъ 16 октября 1705, на имя генералъ-фельдцейхмейстера царевича Александра Арчиловича и генералъ-маіора Брюса, Императоръ дѣлалъ запросъ: выучился ли Денбей русскому языку и грамотѣ въ Приказѣ Артиллеріи, и своему языку и грамотѣ робятъ сколько человѣкъ выучилъ, и нынѣ учитъ-ли? [196])

Результатомъ этого запроса явилась, въ томъ же 1705 году, особая *Школа для изученія японскаго языка*, открытая въ Петербургѣ. Надзоръ за этой школой порученъ былъ Сенату: такое серьезное значеніе приписывалось дѣлу при первомъ къ нему приступѣ. Какой комплектъ учениковъ положенъ былъ въ ней, и сколько ихъ въ ней обучалось, неизвѣстно. Но, принимая во вниманіе, что переводчиковъ японскаго языка могло потребоваться небольшое число, и что Петръ Великій разсчитывалъ обучить этому

---

[195]) См. статью *П. Иванова* „Распоряженіе Петра Великаго объ обученіи въ Россіи японскому языку“ (въ „Вѣстникѣ“ Имп. Рус. Геогр. Общ. 1856 г. т. 7); и статью *А. Сибирева* „Объ обученіи въ Россіи японскому языку“ (въ Морскомъ Сборникѣ 1868 г. декабр. кн.). Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой послѣдней статьѣ, извлечены изъ дѣлъ иркутскаго и якутскаго архивовъ.

[196]) *П. Ивановъ*, l. c.

Digitized by Google

языку человѣкъ четырехъ или пять, можемъ заключить, что и Школа разсчитана была не на бо̀льшее число учениковъ; а въ дѣйствительности обучалось ихъ, какъ увидимъ, и того меньше. Не извѣстно также откуда взяты были первые ученики, и только впослѣдствіи уже узнаёмъ, что это были солдатскія дѣти. Этимъ обстоятельствомъ приходится объяснять и то положеніе какимъ пользовались ученики японской школы: они до самой смерти своей оставались учениками, и всю жизнь должны были учиться японскому языку. Требовались переводчики этого языка — ихъ брали изъ учениковъ японской школы; прекращалась въ нихъ надобность — ихъ возвращали въ школу, гдѣ они опять числились учениками.

Первымъ учителемъ былъ японецъ *Денбей*. Но вслѣдствіе-ли того, что одного учителя оказывалось недостаточно, или вслѣдствіе заботливости относительно японца-учителя на будущее время, только Сенатъ неоднократно просилъ Сибирскій Приказъ выслать въ Петербургъ еще одного японца для подготовленія въ учителя. Якутская Канцелярія приняла мѣры къ исполненію этого предписанія Сената, и сообщила камчатскимъ ясашнымъ сборщикамъ чтобы они, въ случаѣ новаго крушенія у береговъ японской бусы, доставили въ Якутскъ японца *для подлиннаго вѣдома*. Сборщики, въ свою очередь, повѣстили по острожкамъ, чтобы занесенныхъ бурею Японцевъ доставлять въ Верхнекамчатскій острогъ [197]).

И вотъ въ 1711 г. отправленъ былъ въ Петербургъ японецъ *Санима*, спасшійся съ разбившейся, въ апрѣлѣ 1710, бусы у Халигарской Губы. Санима и былъ назначенъ помощникомъ Денбею [198]).

Денбея и Саниму смѣнили японцы *Шульцъ* и *Поморцевъ*. Въ архивныхъ дѣлахъ находятся о нихъ слѣдующія подробности. Въ іюлѣ 1729 года къ Камчатской-Лопаткѣ прибило бусу, на которой находилось 17 человѣкъ Японцевъ. Казачій пятидесятникъ Штинниковъ соблазнился товаромъ этихъ Японцевъ и, подговоривъ нѣсколько человѣкъ Камчадаловъ, напалъ на бусу, убилъ 15 человѣкъ изъ ея экипажа, а оставшихся въ живыхъ двоихъ Япо̀нцевъ (старика да мальчика 11-ти лѣтъ) взялъ въ „холопство“. Та̀кой поступокъ пятидесятника скоро сталъ извѣстенъ тамошнему начальству, и камчатскій ясашный сборщикъ Новгородовъ заковалъ Штинникова въ кандалы и посадилъ въ острогъ, а Японцевъ отправилъ (1731 г.) въ Якутскъ, откуда они съ курьеромъ пре-

---

[197]) Объ обученіи въ Россіи яп. яз. стр. 55.

[198]) Тамъ же, и „Морскія путешествія“ (См. Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе. 1758 г. т. I, стр. 304 - 5).

Digitized by Google

провождены были въ Петербургъ. Здѣсь ихъ обучили русскому языку и началамъ христіанской религіи, послѣ чего окрестили: одного подъ именемъ Кузьмы, а другаго — Демьяна (прежде назывались *Соза* и *Гонза*); при этомъ первый получилъ фамилію Шульцъ, второй—Поморцевъ. Затѣмъ въ 1735 году, по указу Сената, назначили ихъ учителями въ Японскую Школу, гдѣ и обучали они учениковъ, которые уже говорили и писали по-японски не худо [199]).

Шульцъ умеръ въ 1736 году, и учителемъ въ школѣ состоялъ въ 1739 году одинъ Поморцевъ, а учениковъ у него было двое [200]). Въ томъ же году число послѣднихъ увеличено тремя новыми. Узнаёмъ объ этомъ изъ сенатскаго указа отъ 18 іюля 1739 года, гдѣ сообщается слѣдующее: „По указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, по челобитнымъ обрѣтающагося въ Академіи Наукъ для обученія, японца Демьяна Поморцева [201]) и учениковъ его солдатскихъ дѣтей Петра Шенаныкина и Андрея Фенева, приказалъ: оному японцу Поморцеву жалованья давать въ годъ по сту рублевъ, и объявить ему чтобъ онъ опредѣленныхъ къ нему въ ученики для японскаго языка обучалъ, такожъ и самъ въ Академіи обучался со всякимъ прилежаніемъ, за что впредь и наипаче Ея Императорскаго Величества милостію награжденъ будетъ, а объявленнымъ ученикамъ Шенаныкину и Феневу жалованья впредь производить солдатске противъ армейскихъ; и для того ихъ изъ солдатскихъ школъ выключить, да къ оному жъ японцу изъ той же школы дать еще для обученія трехъ человѣкъ, которымъ жалованья на первый случай давать, какое имъ до нынѣ въ той школѣ производилось [202]).

Въ первый разъ свои переводчики употреблены были въ дѣло

---

[199]) Объ обученіи въ Россіи яп. яз. стр. 56; „Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе“, годъ 1758, майская книга, стр. 415.

[200]) У *Словцова* въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“ говорится, что японскій языкъ при Академіи началъ преподаваться съ половины 1736 г. (кн. 1, стр. 369). По смерти Шульца и Поморцова, ученики продолжали заниматься японскимъ языкомъ можетъ быть подъ руководствомъ *Андрея Богдановз*, сына японца спасшагося отъ бури въ 1710 году. Богдановъ, какъ извѣстно, занимался при Академіи японскимъ языкомъ и впослѣдствіи состоялъ при ней библіотекарскимъ помощникомъ, въ какомъ званіи и умеръ въ 1768 г. См. о немъ: у *Словцова*—въ „Обозрѣніи Сибири“; у *Новикова* — въ „Опытѣ историч. Словаря“.

[201]) Г. Ивановъ считаетъ этого Поморцева за одно лице съ Денбесмъ; но изъ статей г. Сгибнева и Миллера (Морскія Путешествія) видно, что Поморцевъ ничего общаго съ Денбесмъ не имѣетъ.

[202]) См. статью г. Иванова въ Вѣстникѣ геогр. общ. 1856 г. См. также Полное Собр. Зак. № 8041.

Digitized by Google

во время экспедиціи подъ начальствомъ капитана Шпанберга. Въ 1740 г. Шенаныкинъ и Феневъ были, по сенатскому указу, отправлены въ Охотскъ для участія въ Японской Экспедиціи. Въ 1742 г. они, въ качествѣ переводчиковъ, плавали съ капитаномъ Шпанбергомъ, на пакетботѣ „Св. Іоаннъ", къ берегамъ Японіи, а по окончаніи экспедиціи препровождены обратно въ Петербургъ [203]). Оба они оказали экспедиціи большую услугу своими свѣдѣніями въ японскомъ языкѣ, и доказали на дѣлѣ пользу учрежденной школы. Еще болѣе, поэтому, стало правительство заботиться объ увеличеніи числа переводчиковъ японскаго языка. Вслѣдъ затѣмъ раздобылась школа и учителями.

Въ 1745 г. Камчадалы доставили ясашнымъ сборщикамъ 10 человѣкъ Японцевъ. Сборщики окрестили ихъ, и девятерыхъ отослали въ Якутскъ (десятый заболѣлъ и, въ слѣдующемъ 1746, умеръ въ Большерѣцкѣ). Якутская воеводская канцелярія распорядилась оставить четырехъ Японцевъ въ Якутскѣ на казенномъ содержаніи [204]), а пятерыхъ: *Мельникова, Рѣшетникова, Свиньина, Панова* и *Черныхъ* препроводила, по распоряженію Сената, въ Петербургъ, гдѣ они и были опредѣлены въ школу японскаго языка находившуюся тогда при Сенатской Конторѣ [205]).

Но послѣ того Японская Школа просуществовала въ Петербургѣ не долго. Въ 1753 г. снаряжена была ученая экспедиція въ Сибирь для осмотра земель и острововъ на омывающихъ ее моряхъ. Тогда Сенатъ нашелъ болѣе удобнымъ перевести означенную школу въ Иркутскъ, поручивъ главный надзоръ надъ нею тогдашнему сибирскому губернатору Мятлеву.

Японская школа въ Иркутскѣ. Школа переселилась въ Иркутскъ въ слѣдующемъ составѣ: учителей находилсоь при ней трое: *Свиньинъ, Пановъ* и *Черныхъ* (Поморцевъ, Мельниковъ и Рѣшетниковъ умерли; двое послѣднихъ въ 1753 году), учениковъ было двое — все тѣже *Шенаныкинъ* и *Феневъ*.

Утителя и ученики прибыли въ Иркутскъ 26 мая 1754 г. Здѣсь, въ іюлѣ этого года, открылась Навигацкая Школа, и Японцы были помѣщены вмѣстѣ съ ея учениками. Жалованье учителямъ Японцамъ сенатъ назначилъ 150 руб. въ годъ [206]).

---

[203]) Вѣстникъ И. Рус. Геогр. Общ. 1853 г. кн. IV; Ж. Мин. Нар. Пр. 1853 г. ч. 80, VII, 28.

[420]) Имъ поручено было обучать учениковъ японскому языку въ Якутскѣ, гдѣ явилась, такимъ образомъ, *вторая* у насъ школа японскаго языка. См. дальше.

[205]) Объ обученіи въ Россіи япон. языку. стр. 57.

[206]) Тамъ же.

Digitized by Google

Съ переводомъ петербурской японской школы въ Иркутскъ, въ Сибири очутились двѣ школы японскаго языка, ибо четыре Японца, оставленные въ Якутскѣ въ 1746 году, обучали тамъ японскому языку одного ученика, казака *Ляпунова*. Когда Сенатъ, указомъ отъ 28 декабря 1753, на имя Иркутской Канцеляріи, постановилъ наградить наиболѣе способныхъ Японцевъ рангами колежскихъ переводчиковъ—что по табели 1722 года соотвѣтствовало чину поручика—а прочихъ распредѣлить, смотря по способностямъ и указанію Мятлева, Иркутская Канцелярія вытребовала въ Иркутскъ четырехъ находившихся въ Якутскѣ японцевъ, *Панова*, *Татаринова*, *Афанасьева* и *Трапезникова*, вмѣстѣ съ ученикомъ ихъ Ляпуновымъ. Мятлевъ-же, узнавъ о томъ, предписалъ иркутскому губернатору не вызывать Японцевъ изъ Якутска, опасаясь, что они потребуютъ себѣ такое же „большое“ жалованье, какое получаютъ ихъ товарищи. Но Японцы выѣхали изъ Якутска прежде чѣмъ получалось тамъ предписаніе Мятлева, почему могли быть остановлены на пути лишь въ Илимскѣ, гдѣ и оставались до 1761 года. Въ 1757 г. высланы были къ нимъ изъ Якутска четыре казачьихъ мальчика: *Карповъ*, *Антипинъ*, *Ростовскій* и *Лундонскій* [207]).

На первое время иркутская Школа Японскаго Языка начала принимать довольно широкіе размѣры. Штурманъ Татариновъ, начальникъ Навигацкой Школы, завѣдывавшій въ тоже время и Японскою, просилъ у сибирскаго губернатора разрѣшенія перевести изъ навигацкой въ японскую школу 6 учениковъ, что и было ему разрѣшено въ августѣ 1759 года. Въ слѣдующемъ, 1760, ошъ, съ разрѣшенія губернатора, перевелъ въ нее еще двухъ учениковъ, а въ 1761, по его же ходатайству, присоединена къ ней и школа находившаяся въ Илимскѣ, такъ что въ Японской Школѣ явилось 7 японцевъ-учителей и 15 учениковъ [208]).

Вскорѣ, впрочемъ, и учителя, и ученики начали выбывать изъ Школы за смертію. Въ 1761 г. умеръ Шенаныкинъ, хорошо говорившій по-японски, въ 1764—Карповъ, въ 1765—Феневъ [209]); въ 1771 смерть похитила Ляпунова. О другихъ первоначальныхъ ученикахъ школы свѣдѣній не имѣемъ. Въ замѣнъ умершихъ Школа Японскаго Языка пополнялась учениками Навигацкой Школы. Въ августѣ 1764 г. изъ таковыхъ переведены были: *Кожевинъ*, *Суха-*

---

[207]) Тамъ же, стр. 57.

[208]) Тамъ же, стр. 58.

[209]) Въ выноскѣ у г. Сгибнева сказано, что Феневъ умеръ въ 1754 г. Предполагаю въ этомъ случаѣ типографскую опечатку.

Digitized by Google

новъ, *Будруевъ* и *Котковъ* (который въ томъ же году умеръ); а въ 1765 — еще трое. Несмотря на то, число учениковъ въ Японской Школѣ стало уменьшаться. Къ 1767 г. ихъ оставалось всего 8 человѣкъ. Извѣстны намъ и нѣкоторыя за это время порученія, дававшіяся ученикамъ. Въ 1761 г. Лундонскій отправленъ былъ въ Большерѣцкъ, *для морскихъ вояжей*. По болѣзни онъ выѣхалъ въ Якутскъ только въ 1764-мъ, а вмѣсто него посланъ былъ туда казакъ *Ляпуновъ*, и вслѣдъ за нимъ ученикъ *Антипинъ*. Первый посылался для того чтобы безъ практики не забылъ японскій языкъ [210]). Въ 1771 г. Ляпуновъ, умеръ; тогда, по ходатайству начальника Камчатки, былъ туда посланъ переводчикъ унтеръ-офицерскаго чина *Очерединъ*, знавшій, кромѣ японскаго языка, и навигацкія науки. Въ 1772 г. четырехъ учениковъ произвели въ капралы японскаго языка [211]).

Но если выбывавшіе ученики замѣщались по мѣрѣ возможности, то выбывавшіе учителя не замѣщались никѣмъ. Умеръ *Свиньинъ* въ 1763, умеръ *Татариновъ* въ 1765; а новыхъ въ виду не имѣлось. Къ 1767 г. учителей все еще оставалось 5 человѣкъ но въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія ихъ не было уже ни одного. Содержаніе учителей въ Иркутскѣ, съ основанія тамъ Школы по 1 сентября 1767, обошлось въ 15,372 р. 17 к. [212]).

Разъ, что преподаваніе въ Школѣ зависѣло отъ чужеземныхъ учителей и при томъ случайныхъ, оно естественно должно было падать, когда учителей этихъ взять было не откуда. И вотъ, въ Школѣ оказывается только 3 ученика, при чемъ учительскія обязанности возложены были на старшаго изъ нихъ, *Тулумкова*. Заботиться о Школѣ перестали, тѣмъ менѣе слѣдовало ожидать, что сами ученики будутъ заботиться о своихъ познаніяхъ въ японскомъ языкѣ. Получая самое ничтожное жалованье, ученики скоро стали искать другихъ средствъ къ существованію. Но въ 1786 г. снова обращено было вниманіе на Школу Японскаго Языка. Въ этомъ году послѣдовало Высочайшее повелѣніе отправить кругосвѣтную экспедицію подъ начальствомъ Муловскаго, при чемъ имѣлось въ виду между прочимъ завести торговыя сношенія съ Японіей. Какъ только Японская Школа обратила на себя вниманіе правительства, нашлись для нея и учителя.

---

[210]) Вѣроятно это тотъ самый Антипинъ, про котораго Словцовъ говоритъ, что въ 1775-77 гг. плавалъ къ японскимъ берегамъ якутскій дворянинъ Антипинъ, знавшій нѣсколько японскій языкъ (Истор. обозр. Сибири, ч. II).

[211]) Объ обуч. въ Россіи япон. яз. стр. 58.

[212]) Тамъ же.

Digitized by Google

Въ августѣ 1783 разбилась на одномъ изъ Алеутскихъ острововъ, Амчитѣ, японская буса, съ которой спаслись начальникъ ея, *Кодой*, и 15 человѣкъ команды. Семеро изъ нихъ умерли на острову, остальные-же, въ 1783 году, доставлены были промышленниками въ Камчатку, откуда, по старой памяти, препровождены въ Иркутскъ. Здѣсь помѣстили ихъ, на казенномъ содержаніи, учителями Японской Школы. Но новые учителя недолго усидѣли при школѣ. *Кодой*, по собственному желанію, отправился съ Лаксманомъ въ Петербургъ, а остальные, *Синдо*, *Кота* и *Исокиа*, прибыли туда же съ транспортомъ ревеня, слѣдовавшимъ изъ Кяхты. Вскорѣ послѣ того семеро изъ Японцевъ были въ 1792 году, по Высочайшему повелѣнію, препровождены обратно въ Японію [213]). Двое остальныхъ: *Созій* (*Ѳедоръ Ситниковъ*) и *Шинзо* (*Николай Колотыгинъ*), какъ принявшіе христіанскую вѣру, были оставлены въ Иркутскѣ и назначены учителями японскаго языка, „который при установленіи торговыхъ сношеній съ Японіей весьма нуженъ“ [214]).

Казалось, Японская Школа должна была снова возродиться, тѣмъ болѣе что указомъ Государыни предписывалось опредѣлить въ школу пять-шесть человѣкъ семинаристовъ, а самую школу помѣстить при Иркутскомъ Народномъ Училищѣ. Но ожиданія не оправдались въ дѣйствительности. Во-первыхъ: ученики шли въ школу не охотно. Иркутскій губернаторъ успѣлъ опредѣлить въ нее только трехъ семинаристовъ — *Амвросова*, *Миронова* и *Абросимова*; трое остальныхъ были назначены туда только въ 1796 году по особому указу Сената [215]). Это были семинаристы *Кокоулинъ Горняковъ* и *Косыгинъ*. Во-вторыхъ — учителя-японцы, какъ оказалось впослѣдствіи, были люди малограмотные и принести большой пользы ученикамъ не могли.

---

[213]) Отправленіе ихъ возложено было на поручика Лаксмана, сына извѣстнаго профессора Лаксмана. Переводчикомъ при Лаксманѣ находился, упомянутый уже у насъ, Туголуковъ. Приведемъ изъ этого путешествія интересный случай относящійся къ настоящему изложенію. Когда Лаксманъ, прибывъ въ Матсмай, принятъ былъ японскими, уполномоченными для того, чиновниками и вручилъ имъ свою грамоту, то чиновники объявили Лаксману, что японскій переводъ этой грамоты для нихъ непонятенъ. Тутъ можно видѣть, пожалуй, уловку японскихъ чиновниковъ, которые, по законамъ своей имперіи, должны были избѣгать всякихъ сношеній съ Европейцами; но мы скорѣе готовы приписать ихъ отвѣтъ дѣйствительно малому знакомству съ. японскимъ языкомъ нашихъ домашнихъ переводчиковъ, тѣмъ болѣе что нашему переводчику помогали потомъ Японцы.

[214]) Объ обученіи въ Россіи японск. языку. стр. 59.

[215]) Періодич. сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, ч. XXVII, стр. 421.

Digitized by Google

По окончаніи Японской Экспедиціи, Сенатъ, указомъ отъ 10 августа 1795, предписывалъ производить жалованье обоимъ учителямъ со дня опредѣленія ихъ въ эту должность, наравнѣ съ другими учителями Народнаго Училища, а семинаристамъ назначить содержаніе „пристойное на пропитаніе". Тогда иркутское начальство опредѣлило имъ по 150 руб. въ годъ [216]).

Преподаваніе въ это время лежало исключительно на *Колотыгинѣ*, такъ какъ *Ситниковъ*, вскорѣ по опредѣленіи его учителемъ, умеръ, и хотя былъ замѣщенъ въ качествѣ помощника учителя крещенымъ же японцемъ *Киселевымъ*, но Школа оттого выиграла немного. Дѣло въ томъ, что Киселевъ жалованья не получалъ, а потому обученіемъ почти не занимался: ѣздилъ по торговымъ дѣламъ въ Москву, и жилъ долго въ Охотскѣ по дѣламъ посольства Рязанова [217]).

Перемѣны въ составѣ учениковъ Школы въ это время заключалась въ томъ, что ученикъ *Амвросовъ* снова былъ переведенъ въ семинарію, а открывшаяся вакансія замѣщена сыномъ учителя *Колотыгина* [218]).

Не спасло Школу отъ паденія и присоединеніе ея въ 1805 году къ Иркутской гимназіи [219]). О плачевномъ состояніи Школы въ то время генералъ-губернаторъ Селифонтовъ писалъ Министру Коммерціи, что ученики, достигнувъ совершеннолѣтія, не получаютъ никакого назначенія, и, вслѣдствіе ограниченнаго содержанія, терпятъ нужду, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ обременены семействами. Поэтому генералъ-губернаторъ просилъ разрѣшенія опредѣлить этихъ учениковъ къ другимъ должностямъ, по ихъ выбору. Графъ Румянцевъ отвѣчалъ Селифонтову, что Школу необходимо оставить въ прежнемъ составѣ, на просьбу-же о прибавкѣ жалованья отвѣта не послѣдовало. Очень естественно, что ученики стали

---

[216]) Объ обученіи въ Россіи Японскому языку, стр. 59.

[217]) Киселевъ прикомандированъ былъ къ Рязанову, отправленному посланникомъ въ Японію. Но передъ выходомъ изъ Петропавловской гавани, Рязановъ отправилъ его въ Иркутскъ, донося генералъ-губернатору Селифонтову, что Киселева обращаетъ онъ въ Иркутскъ, гдѣ тотъ будетъ полезенъ для Японской Школы. Дѣйствительная-же причина отправленія Киселева обратно заключалась въ томъ, что Киселевъ на родинѣ могъ бы подвергнуться казни за отступничество отъ своей вѣры. См. письмо Рязанова къ графу Румянцеву, отъ 18 августа 1804 года („Рязановъ и Крузенштернъ" въ журн. „Древняя и Новая Россія" 1877 г. № 4, стр. 390).

[218]) Объ обуч. въ Россіи Японскому языку. стр. 59.

[219]) Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, ч. XXVII, стр. 423.

Digitized by Google

обращаться къ частнымъ занятіямъ, а о японскомъ языкѣ вовсе не думали [220]).

Наконецъ начальство увидѣло что за наставники были учителя изъ Японцевъ. Иркутскій губернаторъ Трескинъ доносилъ, въ 1809 году, что какъ учитель японскаго языка Колотыгинъ такъ и помощникъ его Киселевъ, не имѣютъ ни какого понятія о своемъ родномъ языкѣ (т. е. не знаютъ его грамматически), а потому никакой пользы принести ученикамъ не могутъ; что ученики не только не въ состояніи переводить японскія книги, но не знаютъ даже и литеръ японскихъ. Въ тоже время Трескинъ предлагалъ вытребовать изъ Охотска двухъ японцевъ, вывезенныхъ изъ Японіи лейтенантомъ Хвостовымъ въ 1807 году. Но воспользоваться этими японцами не пришлось, такъ какъ по волѣ Государя Императора были они отправлены на родину [221]).

Въ ноябрѣ 1810 г. учитель *Колотыгинъ* умеръ въ чинѣ тит. совѣтника (жалованья получалъ 240 руб. [222]), и преподаваніе японскаго языка при Иркутской Гимназіи „въ классѣ японскаго языка“ — такъ стала называться Школа по присоединеніи ея къ гимназіи — перешло всецѣло къ одному *Киселеву*. Киселевъ, получившій за Японскую Экспедицію чинъ коллежскаго регистратора и пенсіонъ по 400 р. въ годъ [223]), за обученіе японскому языку жалованья не получалъ; теперь онъ сталъ хлопотать о жалованьѣ. Цѣлыхъ пять лѣтъ не удавалось ему добиться удовлетворенія своей просьбы; наконецъ въ 1815 году Трескинъ вошелъ о немъ съ представленіемъ, и въ іюнѣ того же года Казанскій Университетъ утвердилъ его въ званіи учителя, положивъ жалованья 240 р. въ годъ и квартирныхъ 70 р. Но противъ такой безполезной траты денегъ возсталъ директоръ иркутской гимназіи, Словцовъ. Онъ доносилъ Трескину, что Киселевъ, какъ и его предшественникъ Колотыгинъ, происходитъ изъ простаго народа и не знаетъ грамматически своего языка, а потому для Школы безполезенъ. Въ доказательство своего заключенія онъ приводилъ двухъ учениковъ, *Миронова* и *Кокоулина*, которые обучались въ школѣ 19 лѣтъ и успѣли состарѣться, не выучившись японскому языку. Трескинъ и самъ, еще раньше, высказывалъ тоже самое, и даже находилъ нужнымъ закрыть Школу, о чемъ и вошелъ теперь съ представленіемъ къ

---

[220]) Объ обученіи въ россіи японск. языку. стр. 60.

[221]) Тамъ же.

[222]) Періодич. сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, ч. XXXII, стр. 232 — 233.

[223]) См. Сборникъ постановленій Министр. Народн. Просвѣщенія, т. I, стр. 804 — 806.

Digitized by Google

генералъ-губернатору Пестелю. Но Пестель отвѣтилъ, что при извѣстныхъ видахъ нашего правительства относительно связей съ Японіею, лучше имѣть людей хотя съ посредственными знаніями въ японскомъ языкѣ, чѣмъ не имѣть ихъ вовсе [224]). Между тѣмъ учениковъ, желавшихъ поступить въ Школу, болѣе не оказывалось, и число ихъ стало постепенно убывать. Въ 1810 году находилось ихъ только двое [225]): помянутые уже выше Мироновъ и Кокоулинъ; къ 1816 г. въ школѣ оставался одинъ Мироновъ. Вслѣдствіе возникшей по этому поводу переписки, Комитетъ Министровъ постановилъ (въ іюнѣ 1816 г.) Японскую Школу въ Иркутскѣ упразднить, а ученику Миронову дозволить избрать другой родъ жизни [226]).

Японская школа возникшая въ Петербургѣ и переведенная потомъ въ Иркутскъ просуществовала такимъ образомъ 109 лѣтъ.

Въ виду сообщеннаго о малограмотности и, по всей вѣроятности, даже безграмотности большинства ея учителей, и горькой участи ея воспитанниковъ, распространяться о причинахъ неудовлетворительности ея результатовъ было бы излишне. Интересенъ вопросъ: какія имѣлись въ школѣ пособія для изученія японскаго языка? По этому предмету обнародованныхъ свѣдѣній не имѣется, но, вѣроятно, въ японскихъ книгахъ недостатка не было, а умѣли ли ими пользоваться — это другой вопросъ. Сами учителя японцы не обогатили нашей литературы никакими трудами: имъ это было не подъ силу, да и средствъ къ печатанію такихъ трудовъ, ни въ Петербургѣ [227]), тѣмъ болѣе въ Иркутскѣ, не имѣлось. Такимъ образомъ для науки существованіе Школы Японскаго Языка прошло безъ всякаго слѣда. Первый давшій намъ свѣдѣнія о японскомъ языкѣ былъ адмиралъ Головнинъ, который въ своихъ «Запискахъ о приключеніяхъ въ плѣну у Японцевъ», изданныхъ въ Петербургѣ въ 1816 году, сообщилъ краткій словарь этого языка.

Вновь возродилось преподаваніе японскаго языка, черезъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ по закрытіи Иркутской Японской Школы, уже въ Петербургскомъ Университетѣ. Вслѣдствіе заявленнаго директоромъ Азіатскаго Департамента желанія, чтобы японскій языкъ

---

224) *Сибиревъ* l. c. стр. 61. Употреблялись-ли ученики Школы въ экспедиціяхъ этого времени, не знаю; но извѣстно, что Головнинъ, описывавшій Курильскіе острова въ 1811 году, имѣлъ, для сношеній съ Японцами, переводчикомъ какого-то курильца *Алексѣя*, не ученика Японской Школы.

225) См. Сборникъ постановленій Мин. Народн. Просвѣщ. т. 1, стр. 804.

226) Тамъ же, I, 805-6.

227) Извѣстно, напримѣръ, что японская грамматика Богданова осталась въ рукописи (Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, изданіе И. Снегирева. I, 121-2).

Digitized by Google

преподавался студентамъ китайскаго разряда въ Факультетѣ Восточныхъ Языковъ, хотя бы и не обязательно, а также и потому, что на преподаваніе его вызвался (на первый разъ безвозмездно) находившійся въ Департаментѣ на службѣ японецъ *Яматовъ*, Факультетъ тотчасъ же принялъ мѣры ко введенію въ Университетѣ японскаго языка съ 1870-71 учебнаго года, пока частнымъ образомъ. Въ сентябрѣ 1870 г. Яматовъ былъ утвержденъ сверхштатнымъ преподавателемъ японскаго языка съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ [228]). Преподавалъ онъ до конца 1873-74 учебнаго года, когда, уѣзжая въ Японію, оставилъ Университетъ. Тогда принятъ былъ преподавателемъ другой, нынѣшній дипломатическій представитель Японіи при Русскомъ Правительствѣ, японецъ *Нисси Токузеро* [229]). За отъѣздомъ послѣдняго изъ Россіи, преподаваніе японскаго языка, за неимѣніемъ преемника ему, прекратилось. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ-какъ одинъ изъ обучавшихся этому языку въ Факультетѣ *(Костылевъ)* получилъ уже мѣсто въ Японіи. Во всякомъ случаѣ, японскій языкъ гораздо нужнѣе намъ теперь чѣмъ было это въ прошломъ столѣтіи [230]).

II. Китайскій Языкъ.

Первый изъ восточныхъ языковъ, обратившихъ на себя вниманіе Петра Великаго, былъ китайскій. Указомъ отъ 18 іюня 1700, для занятія каѳедры въ Сибирской Митрополіи (въ то время праздной) Императоръ повелѣвалъ „назначить пастыря не только добраго и благаго непорочнаго житія, но и ученаго, который бы при томъ, въ помощь себѣ, взялъ въ Сибирь нѣсколько образованныхъ, способныхъ изучить языки китайскій и сибирскихъ, инородцевъ". На этотъ постъ и былъ назначенъ Филоѳей Лещинскій. Такая заботливость Петра Великаго о пріобрѣтеніи знатоковъ китайскаго языка имѣла глубокій смыслъ вслѣдствіе распространеннаго тогда нашими купцами, ѣздившими въ Китай, слуха, будто китайскій императоръ Канси расположенъ къ принятію Христіанства. Это желаніе Петра было приведено въ исполненіе только въ 1714 году, когда отправилась въ Китай первая духовная миссія подъ начальствомъ архи-

---

[228]) Протоколы засѣд. Совѣта С.пб. Универ. № 2, стр. 89; № 3, стр. 30; № 5, стр. 69.

[229]) Протоколы №№ 10 и 11.

[230]) Единственное имѣющееся у насъ на отечественномъ языкѣ пособіе для изученія японскаго языка есть «Русско-японскій Словарь», составленный покойнымъ Гошкевичемъ (Спб. 1857).

Digitized by Google

мандрита Иларіона Лежайскаго: къ нему прикомандировано было 7 человѣкъ студентовъ и причетниковъ. Миссія эта прибыла въ Китай въ 1716, а въ 1719 году вернулась обратно въ Россію.

Студенты, посланные для изученія китайскаго языка на мѣстѣ, ѣхали въ Китай, по всей вѣроятности, не обнаруживая своей цѣли, потому что въѣздъ студентамъ въ Китай не былъ еще разрѣшенъ. Это разрѣшеніе послѣдовало только въ 1728 году, по договору заключенному съ императоромъ Юнъ-Чженомъ графомъ Саввою Рагузинскимъ, 14 іюня 1728 года. Пятою статьею договора положено: „для Русскихъ въ Пекинѣ выстроить домъ, въ которомъ будутъ жить трое священниковъ и шесть учениковъ для узнанія китайскаго языка". Такъ какъ правительство наше непремѣнно хотѣло получить разрѣшеніе на въѣздъ въ Китай студентовъ для изученія китайскаго языка, и надѣялось достигнуть желаемаго, то съ графомъ Рагузинскимъ и были отправлены въ Китай изъ Московской Духовной Академіи ученики: *Лука Воейковъ*, *Федоръ Третьяковъ* и *Иванъ Пухартъ* [231]). Къ нимъ въ Иркутскѣ, изъ Монгольской Школы, прибавлены три ученика: *Герасимъ Шульгинъ*, *Иларіонъ Россохинъ* и *Михаилъ Пономаревъ*. Всѣ они и причислились къ духовной миссіи, состоявшей подъ начальствомъ архимандрита Антонія Платковскаго [232]).

Эта вторая миссія прибыла въ Китай въ 1729 г. Начальникъ ея прожилъ въ Китаѣ недолго: въ 1732 году онъ просилъ смѣнить его. На смѣну ему прибылъ, въ 1736, архимандритъ Иларіонъ Трусовъ, и съ нимъ отправленъ ученикъ *Алексѣй Владыкинъ*, на мѣсто Россохина, который въ 1740 году прибылъ въ Россію и занималъ, затѣмъ, должность учителя китайскаго и маньчжурскаго языковъ при С.-Петербургской Духовной Академіи [233]). Въ Пекинѣ отъ такъ изучилъ китайскій языкъ, что китайскій Трибуналъ Внѣшнихъ Сношеній поручалъ ему переводить на китайскій языкъ русскія бумаги, и учить Китайцевъ русской грамотѣ. Остались его переводы съ китайскаго, до сихъ поръ неизданные. За свои успѣхи Россохинъ получилъ, по примѣру геодезистовъ, чинъ прапорщика. О судьбѣ другихъ учениковъ этой миссіи не знаемъ ничего, кромѣ

---

[231]) *Иванъ Пухартъ* — въ Россійской Іерархіи, II, 466, въ Сибир. Вѣстн. 1822, ч. 18, 146—7; *Иванъ Пуларт* — въ Иркут. Епарх. Вѣдом. 1876, №20; *Иванъ Шестопаловъ* — у *Смирнова* въ Исторіи Москов. Духовн. Акад. стр. 231. Не про него ли говоритъ Керъ въ своемъ „проектѣ"?

[232]) Иркут. Епарх. Вѣд. 1866, № 45, приб. стр. 502; 1876 г. № 8, приб. Казанскія Губерн. Вѣдом. 1849 г.; *Смирновъ*, Ист. М. Духовн. акад. стр. 231.

[233]) Ирк. Епарх. Вѣд. 1876, № 20 стр. 260 прибавленій.

Digitized by Google

того что *Михаилъ Пономаревъ* умеръ въ Пекинѣ въ 1738 году „пробывъ ученикомъ 26 лѣтъ", какъ значится на могильномъ памятникѣ его [234]). Ученики Миссіи числились въ вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и получали жалованья по 200 руб. въ годъ, да на проѣздъ по 50 рублей, а лучшему — 100 рублей. Съ 1803 года жалованье четыремъ ученикамъ положено по 250 р., а съ 1805 — по 400 рублей въ годъ [235]).

Къ Иларіону Трусову прикомандированы были, по указу св. Синода, въ 1732 году, ученики Московской Духовной Академіи *Петръ Левлевъ* и *Петръ Каменскій*. Послѣдній изъ нихъ отправленъ обратно въ Россію въ 1744 г. Между тѣмъ Иларіонъ Трусовъ умеръ въ Пекинѣ въ 1741 году, и на мѣсто его назначенъ Гервасій Линцевскій. Въ особенное вниманіе новой миссіи поставлялось, какъ самому архимандриту, такъ и іеромонахамъ, „всемѣрно тщатися къ обученію себе тамошняго китайскаго діалекта". При этой миссіи находились ученики *Леонтьевъ* и *Цехновскій* (о другихъ мнѣ неизвѣстно), которые и вернулись въ Россію вмѣстѣ съ миссіей въ 1755 г. На смѣну этой миссіи назначена въ 1753 г. новая, подъ начальствомъ архимандрита Амвросія Юматова, съ которымъ отправлено нѣсколько студентовъ изъ Казанской Семинаріи и трое изъ Московской Духовной Академіи: *Стефанъ Зиминъ*, *Илья Ивановъ* и *Алексѣй Даниловъ* — въ качествѣ причетниковъ. Они открыли школу для Китайцевъ, въ которой учили русскому языку, а сами учились китайскому Изъ нихъ только Зиминъ вернулся въ Россію въ 1772 году, остальные двое умерли въ Пекинѣ [236]). О казанскихъ студентахъ свѣдѣній мнѣ не попалось.

Въ 1767 году, на смѣну Юматова назначенъ архимандритъ Николай Цвѣтъ. Съ нимъ отправленъ ученикъ *Яковъ Коркинъ*, да изъ Тобольской Семинаріи прибавили: *Агафонова*, *Порышева* и *Бакшеева*. Про нихъ Словцовъ замѣчаетъ, что, по возвращеніи миссіи въ 1780 году „они при должностяхъ, для которыхъ готовились, не замѣтили себя публичными переводами изъ восточной любознательности" [237]). Упрекъ этотъ не относится, впрочемъ, къ Агафонову (Алексѣй Семеновичъ), который, по возвращеніи изъ Китая, былъ въ 1780 г. опредѣленъ въ Кяхту переводчикомъ Коллегіи Иностранныхъ

---

[234]) Описаніе этого памятника, сильно пострадавшаго отъ времени, а потому не совсѣмъ вѣрно прочитаннаго, см. въ „Письмѣ изъ Пекина" помѣщ. въ Иркут. Епарх. Вѣдом. 1863 г. № 9.

[235]) Россійская іерархія, II, 468 - 470.

[236]) *Смирновъ* „Исторія Москов. Дух. Академіи", 231 - 232; Иркут. епархіальныя вѣдом. 1869, стр. 314 прибавленій; Россійская іерархія, II, 477.

[237]) *Словцовъ* „Историч. Обозр. Сибири", I, 369.

Digitized by Google

Дѣлъ для языковъ китайскаго и маньчжурскаго: онъ извѣстенъ нѣсколькими напечатанными переводами съ этихъ языковъ. Умеръ въ Кяхтѣ въ 1794 году [238]). Въ 1780 г. отправилась новая миссія, на смѣну прежней, подъ начальствомъ архимандрита Іоакима Шишковскаго. При немъ, для изученія китайскаго и маньчжурскаго языковъ, находились студенты Московской Духовной Академіи: *Егоръ Солертовскій, Антонъ Владыкинъ, Алексѣй Поповъ* и *Иванъ Филиповъ* [239]). Изъ нихъ, Владыкинъ (Антонъ Григорьевичъ) родомъ калмыкъ, крещеный въ Астрахани и поступившій 14 лѣтъ, въ 1775 году, въ Троицкую Семинарію, отличился наибольшими успѣхами въ китайскомъ языкѣ. По возвращеніи въ 1794 г. въ Россію, онъ былъ опредѣленъ переводчикомъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ въ Москвѣ при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; въ 1805 году, отправился въ Китай въ свитѣ графа Головкина (посольство это не достигло мѣста назначенія). Умеръ Владыкинъ въ С.-Петербургѣ, по Языкову — въ 1811 году, по Снегиреву — въ 1819. Труды его остались въ рукописяхъ [240]).

Въ 1794 году, на мѣсто умершаго Шишковскаго, отправленъ въ Пекинъ Сафроній Грибовскій со свитою монаховъ и студентовъ въ числѣ которыхъ находились *Липовцевъ* (Степанъ Васильевичъ), впослѣдствіи переводчикъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, издавшій нѣсколько переводовъ съ китайскаго и маньчжурскаго а равно и первый у насъ учебникъ послѣдняго (литограф. Спб. 1839), и *Каменскій* (Павелъ Ивановичъ). Послѣдній, родомъ изъ Нижегородской губерніи, кончивъ семинарскій курсъ, поступилъ въ 1791 г. въ Московскій Университетъ, находясь гдѣ изъявилъ желаніе участвовать въ Пекинской миссіи. Въ Россію вернулся онъ въ 1808 году, и былъ опредѣленъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ переводчикомъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ [241]).

Въ 1808 году Сафроній вернулся въ Россію съ тремя учениками. На смѣну этой миссіи снаряжена была новая, подъ начальствомъ архим. Аполлоса; но онъ остался въ Иркутскѣ, а вмѣсто

---

[238]) Энциклоп. Лексик. изд. Плюшара, I, 150; *Снегиревъ* „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей", I, 2-3.

[239]) Россійская іерархія, II, 484; Иркут. епархіал. вѣдом. 1876 (интересная статья: „Очеркъ изъ древняго быта Пекинской духовной миссіи" гдѣ описывается неурядица и чуть не анархія, которою отличалась эта миссія.

[240]) *Смирновъ* „Исторія Троицко-Лаврской Семинаріи, М. 1867, 522-3. Энциклоп. Лексик. XI, 93; *Снегиревъ* „Словарь", стр. 202.

[241]) См. некрологъ П. Каменскаго въ Нижегор. губ. вѣдомостяхъ 1845 г. а также въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1845 г. ч. 46, отд. VII, 46-48.

Digitized by Google

него назначили архимандрита *Іакинѳа Бичурина*. О. Іакинѳъ (въ міру Никита Яковлевичъ), сынъ дьячка, родился въ селѣ Бичуринѣ, Казанской губерніи; въ 1785 г. поступилъ въ казанскую семинарію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1799 году, послѣ чего былъ опредѣленъ учителемъ грамматики въ той же семинаріи. Въ 1800 г. постригся въ монахи, а въ 1802-мъ занялъ мѣсто архимандрита въ Иркутскомъ Вознесенскомъ Монастырѣ. Назначенный начальникомъ миссіи въ Китай, онъ, еще на пути черезъ Монголію, началъ учиться по-монгольски, а по пріѣздѣ въ Китай на другой же день засѣлъ за китайскій языкъ. О. Іакинѳъ, какъ всѣми признается, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ синологовъ, по обилію-же трудовъ своихъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто между ними. Съ о. Іакинѳомъ отправлены въ Китай ученики: *Михаилъ Сипаковъ, Левъ Зимайловъ, Евграфъ Громовъ, Маркелъ Лавровскій*. Миссія эта испытала большія лишенія во время нашихъ войнъ съ Французами, когда правительство забыло о ней, и о. Іакинѳъ съ братіею остались безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ что начали продавать и закладывать церковныя вещи: за это о. Іакинѳъ и пострадалъ по возвращеніи въ Россію. Миссія эта вернулась изъ Китая въ 1821 году. Въ 1826, о. Іакинѳъ былъ причисленъ къ Азіатскому Департаменту; скончался 11 мая 1853 г. на 76 году жизни [242]).

Въ 1819 г. на смѣну Іакинѳовской, новая миссія снаряжена была подъ начальствомъ знакомаго уже Пекину Павла Ивановича Каменскаго, который для этого принялъ монашество (и названъ Петромъ) и вслѣдъ затѣмъ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ Пекинѣ онъ устроилъ дѣла миссіи. При немъ послѣдовалъ указъ (30 декабря 1829) о считаніи студентовъ миссіи въ дѣйствительной службѣ, и тогда же изъ числа ихъ *Антонъ Лепехинъ* и *Епифанъ Сычевскій* произведены въ коллежскіе регистраторы. Въ 1832 г. Каменскій возвратился въ отечество и отпросился на покой въ Городецкій Федоровскій Монастырь. Писалъ много, но почти ничего не печаталъ [243]).

Смѣнившая эту миссія находилась подъ начальствомъ арх. Веніамина Морачевича, при которомъ въ числѣ свиты находились іеромонахъ *Аввакумъ Честной* [244]) и іеродіаконъ *Поликарпъ Туга-*

---

[242]) „Росс. Іерархія“, II, 484; *Н. Щукинъ* „Іакинѳъ Бичуринъ“ (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1857 г. ч. 95, отд. V); „Автобіографія“ въ „Ученыхъ Запискахъ“ Академіи Наукъ.

[243]) „Некрологъ“ П. Каменскаго; Полн. Собр. Закон. Рос. Имп. № 3393.

[244]) Извѣстный ученостію и дѣтскою чистотою души, о. Аввакумъ, по возвращеніи въ Россію въ 1841, причисленъ былъ къ Азіатскому Департаменту,

Digitized by Google

ринов. Въ 1839 г. этотъ-послѣдній назначенъ былъ, въ свою очередь, начальникомъ новой миссіи, при которой находились: іеромонахъ *Гурій Карповъ*, іеродіаконъ *Палладій Кавaровъ*, студенты *І. Гошкевичъ* и *В. Горскій*. Изъ студентовъ этихъ, первый, по возвращеніи въ Россію, опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Азіатскомъ Департаментѣ, а второй умеръ въ Китаѣ.

Въ 1848 г. отправлена миссія подъ начальствомъ архимандрита Палладія Кавaрова, уроженца Казанской губерніи и воспитанника тамошней духовной семинаріи, а затѣмъ Александро-Невской Духовной Академіи, бывшаго уже въ Пекинѣ, какъ мы видѣли, съ 1839 по 1846 годъ. При немъ находились свѣтскіе члены: *Н. Успенскій* и *М. Храповицкій*, которымъ оо. Іакинѳъ и Аввакумъ еще въ Петербургѣ сообщили первоначальныя свѣдѣнія въ китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ. Къ миссіи этой прикомандировался агрономъ *К. А. Скачковъ*. Съ преобразованіемъ миссіи въ 1856 году въ составъ ея вошли: начальникъ архимандритъ *Гурій*, іеромонахи *Алекса́ндръ Кульчицкій*, *Исаія Поликинъ*, *Антоній Люцерновъ*, магистръ физико-матем. наукъ *Д. А. Пещуровъ*, магистръ *Поповъ*, кандидатъ *К. И. Павлиновъ*, и кандидатъ *Н. И. Мраморовъ* [245]).

Въ 1865 г. отправилась въ Пекинъ духовная миссія всего изъ трехъ лицъ: начальника, архимандрита *Палладія Кавaрова*, въ третій уже разъ отправлявшагося въ Китай, и іеромонаховъ *Геронтія* и *Сергія*. Но миссія эта получила новый характеръ: она (съ 1864 г.) обращена въ чисто *духовную* и отдѣлена отъ дипломатической, тогда какъ раньше этого наша миссія въ Китаѣ являлась прежде всего политическимъ агентствомъ: оттого всѣмъ членамъ ея, начиная съ архимандрита, настоятельно предписывалось изученіе языковъ китайскаго и маньчжурскаго [246]). О Палладіи, едва-ли не ученѣйшій изо всѣхъ европейскихъ китаистовъ, когда-либо существовавшихъ, скончался, на возвратномъ пути въ отечество, въ Марсели, весною 1879 года.

Помимо пріобрѣтенія знатоковъ китайскаго языка посредствомъ

ѣздилъ въ Японію съ адмираломъ Путятинымъ, скончался 10 марта 1866 г. въ Александро-Невской Лаврѣ въ С.-Петербургѣ.

[245]) *Чистовичъ*, Исторія С.-Петерб. духовной Академіи, 382-384; Казанскія губернскія вѣдомости 1849 г. (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1849, ч. 61, VII, 70); Иркутскія губернскія вѣдомости 1858.

[246]) Иркутскія епархіальныя вѣдомости 1865 г. № 13. У насъ до сихъ поръ нѣтъ подробнаго обозрѣнія дѣятельности нашихъ духовныхъ миссій въ Китаѣ, тогда какъ за границей такой трудъ появился. Это — Historical Sketch of the ecclesiastical, political and commercial relations of Russia with China. Drawn chiefly from original sources. By Dudgeon, M. D. Peking, 1872.

Digitized by Google

духовныхъ миссій въ Пекинѣ, принимались мѣры и къ заведенію школъ для преподаванія этого языка въ самой Россіи. Такъ указомъ св. Синода 1724 года предписывалось открыть при Вознесенскомъ Монастырѣ на первый разъ школу монгольскаго языка, а вслѣдъ затѣмъ и китайскаго. Но школа китайскаго языка не была учреждена въ Иркутскѣ, ни въ то время, ни вслѣдъ за монгольской [247]).

Основана же была школа китайскаго языка, вмѣстѣ съ маньчжурскимъ, въ С.-Петербургѣ, при Академіи Наукъ. Въ мартѣ 1741 г. присланъ былъ изъ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Академію Наукъ прапорщикъ *Иларіонъ Россохинъ*, который и былъ принятъ Академіею для переводовъ и обученія языкамъ китайскому и маньчжурскому. Тогда же Россохинъ вошелъ въ Академію съ представленіемъ объ опредѣленіи къ нему такихъ учениковъ „которые бы умѣли россійской грамотѣ", и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ придать въ помощь ему копіиста *Пухарта* да находившагося тогда въ Москвѣ при Иностранной Конторѣ обрусѣвшаго китайца *Федора Петрова*. Въ докладѣ, поданномъ по этому поводу въ Кабинетъ, Академія проситъ представленіе Россохина утвердить и „къ немалой впредь пользѣ всей Россійской Имперіи" вызвать китайца изъ Москвы, „чтобы онъ подъ руководствомъ Россохина обучалъ бы учениковъ китайскому и маньчжурскому языкамъ, безпрестанно говорилъ бы съ ними на этихъ языкахъ, силу и произношеніе голосомъ рѣчей имъ показывалъ, трудныя слова и литеры толковалъ, а при томъ деликатность этихъ двухъ языковъ показывалъ; со временемъ же упражнялъ бы учениковъ въ переводахъ на русскій языкъ". Аттестуя Петрова, Академія прибавляетъ, что „на досугѣ и самъ (онъ) полезныя книги съ маньчжурскаго и китайскаго языковъ на русскій діалектъ къ немалой прибыли переводить можетъ". Кабинетъ положилъ просьбу Академіи исполнить, только вмѣсто просимыхъ ею учениковъ семинаріи или гимназіи, которые знали-бы языки латинскій и нѣмецкій, опредѣлены были изъ гарнизонной С.-Петербургской школы 4 ученика „кои уже россійской грамотѣ и писать обучились и къ наукамъ понятны" [248]). Долго-ли просуществовалъ при Академіи классъ китайскаго и маньчжурскаго языка, мнѣ неизвѣстно.

---

[247]) Въ „Россійской іерархіи" говорится, что по указу св. Синода (1724 г.) при Вознесенскомъ Монастырѣ учреждены три школы: русская, китайская и мунгальская, изъ коихъ двѣ послѣднія существовали и послѣ смерти Иннокентія II епископа иркутскаго. (ч. VII, стр. 961 и 97) Но это не вѣрно.

[248]) Полное Собр. Закон. Россійской Имперіи, № 8418.

Digitized by Google

Неизвѣстно также, были ли приняты какія мѣры къ преподаванію китайскаго языка въ народныхъ училищахъ Колыванской области и Иркутской губерніи, какъ заботилась о томъ Екатерина Великая (указъ 27 сентября 1782 года).

Съ возрожденіемъ въ Иркутскѣ монгольской школы въ 1790 году, открыта была и школа китайскаго и маньчжурскаго языковъ, ученье въ которой началось 13 октября того же года. Учениковъ въ школу эту поступило 27 человѣкъ. По прошествіи четырехъ лѣтъ ученіе въ этой школѣ прекратилось „по трудности и неудобности“ [249]).

Казанскій Университетъ. Какъ предметъ университетскаго преподаванія, китайскій языкъ введенъ былъ впервые въ Казани. Вскорѣ послѣ университетскаго устава 1835 года, попечитель Мусинъ-Пушкинъ сталъ хлопотать объ учрежденіи въ Казанскомъ Университетѣ каѳедры китайскаго языка, которая и была высочайше утверждена 11 мая 1837 года. Выхлопотавъ это утвержденіе, Мусинъ-Пушкинъ нашелъ кѣмъ и замѣстить новую каѳедру. Выборъ его палъ на архимандрита московскаго Златоустовскаго Монастыря *Даніила Сивиллова*, десять лѣтъ состоявшаго членомъ пекинской духовной миссіи (съ 1820 по 1830 годъ). Архимандритъ Даніилъ зачисленъ былъ прямо ординарнымъ профессоромъ. Первый годъ объяснялъ онъ своимъ слушателямъ ключи, правила письма, упражнялъ въ разговорахъ; затѣмъ излагалъ этимологію и синтаксисъ китайскаго языка по руководству Абель-Ремюза и о. Іакинѳа, послѣ чего толковалъ своимъ слушателямъ Лунь-юй, Шу-цзинь, Сы-шу, Джунъ-юнъ, энциклопедію И-сіо-сань-гуанъ; упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ русскаго языка на китайскій, читалъ китайскія древности по книгѣ Лунъ-вэнъ-бянь-инь, и китайскую исторію по Чжанъ-го-лао и Потье. Лекцій онъ имѣлъ по 4 часа въ недѣлю. Въ 1844 г. архимандритъ Даніилъ оставилъ Казань, назначенный настоятелемъ Посольскаго Монастыря (въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ Иркутской губерніи) и миссіонеромъ для проповѣди Слова Божія между инородцами [250]). Тогда преподавателя-архимандрита замѣнилъ преподаватель штабъ-лекарь —

Войцеховскій (Осипъ Павловичъ), уроженецъ Кіевской губер-

---

[249]) *Ив. Миллеръ* „Краткое историческое обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Иркутской губерніи“ (Періодич. сочиненія о успѣхахъ народн. просвѣщ. № XXVII, стр. 421); Газета „Амуръ“ 1862, № 19; *Семевскій* „Восточная Сибирь“, стр. 16.

[250]) *Ковалевскій* „Обозрѣніе хода и успѣховъ преподав. азіатскихъ языковъ“ стр. 17 - 18.

Digitized by Google

ніи, села Цебермановки, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Получивъ первоначальное образованіе въ Кіевской Духовной Академіи, поступилъ онъ въ Медико-Хирургическую Академію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1819 году. Въ то время снаряжалась въ Пекинъ духовная миссія, въ составъ которой, едвали не въ первый разъ, долженъ былъ войти врачъ, и Войцеховскій изъявилъ желаніе сопровождать миссію. Въ Китаѣ онъ усердно занялся языками китайскимъ и маньчжурскимъ. По возвращеніи въ отечество, Войцеховскій былъ въ 1832 г. оставленъ въ вѣдомствѣ Азіатскаго Департамента, а въ апрѣлѣ 1844-го опредѣленъ въ Казанскій Университетъ исправляющимъ должн. ординарн. профессора китайской и маньчжурской словесности. Преподаваніе свое начиналъ онъ изложеніемъ теоріи кит. языка по Абель-Ремюза и своимъ запискамъ; занимался со студентами переводами съ китайскаго на русскій статей преимущественно изъ философскихъ сочиненій Лунь-юй и Менъ-дзы, книгъ Цинь-вынь-ци-мынъ, Сань-хе-юй-лу, Да-се и Джунъюнъ; упражнялъ ихъ въ переводахъ съ русскаго на китайскій и читалъ исторію и литературу Китая. Лекцій имѣлъ по 4 часа въ недѣлю. Но и Войцеховскій оставался въ Университетѣ не долго: въ ноябрѣ 1850 г. онъ умеръ [251]). Тогда каѳедру китайск. яз. въ Университетѣ занялъ —

Васильевъ (Василій Павловичъ), воспитанникъ Казанскаго Университета, въ который поступилъ онъ въ 1834 г. сперва на филологическій факультетъ, а потомъ перешелъ на монголо-татарскій разрядъ восточнаго отдѣленія. Здѣсь своими дарованіями и успѣхами обратилъ онъ на себя особенное вниманіе попечителя, такъ что, по окончаніи курса въ 1837 году, былъ оставленъ при Университетѣ для приготовленія къ занятію предполагавшейся тогда каѳедры тибетскаго языка. Въ 1840 г. Мусинъ-Пушкинъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе отправиться въ Пекинъ съ духовной миссіей, какъ для усовершенствованія въ тибетскомъ языкѣ, такъ и для пріобрѣтенія учебныхъ пособій по этому предмету. Десять лѣтъ провелъ В. П. въ Китаѣ, а когда вернулся въ Казань, Мусина-Пушкина уже тамъ не было; некому было и хлопотать о введеніи новой каѳедры. А между тѣмъ каѳедра китайскаго языка сдѣлалась вакантною за смертію Войцеховскаго и ее предложили В. П., который въ январѣ 1851 года и былъ утвержденъ исправляющимъ должность экстраординарнаго, а въ сентябрѣ 1854 — ординар-

---

[251]) *В. Сбоевъ* „Осипъ Павловичъ Войцеховскій“ (некрологъ) — въ Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ на 1851 г. № 3. Ж. Мин. Нар. Пр. 1851, ч. 69, VII, стр. 81-84.

Digitized by Google

наго профессора. Преподаваніе кит. языка В. П. начиналъ съ объясненія системы китайскихъ іероглифовъ, проходилъ грамматику по о. Іакинѳу и Абель-Ремюза, затѣмъ упражнялъ студентовъ въ переводахъ избранныхъ мѣстъ изъ Четверокнижія, Сы-шу и другихъ историческихъ книгъ, и читалъ политическую и литературную исторію Китая, всего по 4 лекціи въ недѣлю [252]).

Рядомъ съ преподаваніемъ книжнаго китайскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ шло и преподаваніе разговорнаго. Въ началѣ 1839 г. послѣдовало разрѣшеніе принимать, въ помощь профессорамъ, адъюнктовъ. Вскорѣ послѣ того и принятъ былъ въ Университетъ, для упражненія студентовъ въ разговорномъ китайскомъ языкѣ, надзиратель первой казанской гимназіи *Сосницкій* (Алексѣй), который провелъ въ Пекинѣ 10 лѣтъ и прослушалъ полный университетскій курсъ. Въ 1843 Сосницкій умеръ. Его замѣнилъ, но не ранѣе какъ въ 1853, надзиратель же 1-й казанской гимназіи *Абдулькаримовъ* (Измаилъ) [253]), изъ китайскихъ магометанъ, бывшій ташкентскій подданный, принявшій потомъ русское подданство.

Петербургскій Университетъ. Первымъ преподавателемъ китайскаго языка въ этомъ университетѣ явился В. П. *Васильевъ*, съ учрежденіемъ факультета В. Я. въ Петербургскомъ Университетѣ перешедшій сюда изъ Казани, и преподающій языкъ этотъ въ настоящее время. Въ 1-мъ курсѣ объясняетъ онъ китайскую грамматику и занимаетъ студентовъ переводами изъ китайской христоматіи, имъ же изданной, по 2 лекціи въ недѣлю; въ слѣдующихъ курсахъ продолжаются переводы изъ той же хрестоматіи, разбирается Ши-цзинъ, и студенты упражняются въ переводахъ съ русскаго на китайскій — по 2 лекціи; вмѣстѣ съ тѣмъ для студентовъ всѣхъ курсовъ читается политическая исторія Китая или исторія китайской литературы, по 1 лекціи въ недѣлю [254]).

Для ознакомленія студентовъ съ разговорнымъ китайскимъ языкомъ переведенъ былъ въ Петербургскій Университетъ, въ 1855 году, изъ Казанскаго, *Абдулькаримовъ*. Въ октябрѣ 1865

---

[252]) *Фойгтъ*, Обозрѣніе хода и успѣховъ препод. азіат. языковъ; Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 84, 19.

[253]) *Ковалевскій*, Обозрѣніе хода и успѣховъ препод. азіат. языковъ, стр. 25; *Фойгтъ* „Отчеты“ 250 - 1.

[254]) Протоколы Совѣта С.-Петерб. Университета. В. П. Васильеву обязаны мы изданіемъ въ С.-Петербургѣ, въ 1867 году—перваго Китайско-русскаго словаря подъ заглавіемъ: «Графическая система китайскихъ іероглифовъ», а въ 1868 — первой же у насъ «Китайской Хрестоматіи» (оба труда литографированы).

Digitized by Google

онъ умеръ, и на опроставшуюся ваканцію, въ помощь Васильеву, приглашенъ былъ Университетомъ, въ 1866, китаистъ-агрономъ *Скачковъ* (Константинъ Андреяновичъ). Воспитанникъ Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ, К. А. въ 1848 году отправился въ Пекинъ въ качествѣ члена духовной миссіи для занятій метеорологическими и магнитными наблюденіями, и для изученія сельскаго хозяйства въ Китаѣ. Тамъ овладѣлъ онъ, какъ книжнымъ, такъ и разговорнымъ кит. языкомъ. Въ Университетѣ Скачковъ преподавалъ недолго: петербургскій климатъ вредно отозвался на его здоровьѣ, и онъ, получивъ въ 1867 г. мѣсто консула въ Тянь-цзинь, оставилъ Петербургъ. Тогда Скачкова замѣнилъ *Пещуровъ* (Дмитрій Алексѣевичъ), воспитанникъ Петербургскаго Университета, въ которомъ окончилъ онъ курсъ въ 1853 г. по разряду математическихъ наукъ. Получивъ степень магистра астрономіи, Пещуровъ въ 1857 г. отправился въ Пекинъ для завѣдыванія тамошнею магнитною и метеорологическою обсерваторіею, основанною Скачковымъ. Въ 1862 опредѣленъ онъ былъ драгоманомъ нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ; а въ 1866, по возвращеніи въ Петербургъ, поступилъ переводчикомъ китайскаго языка въ Азіатскій Департаментъ. Въ Университетѣ сталъ онъ преподавать китайскій языкъ съ осени 1867, и продолжаетъ донынѣ, въ I-мъ курсѣ объясняя іероглифы, пріучая студентовъ пріискивать ихъ значеніе по ключевому словарю, и занимая ихъ переводами изъ Цзя-бао-Цюнъ-цзи, по 2 лекціи; во II-мъ проходитъ грамматику, упражняетъ слушателей въ разговорахъ и переводахъ изъ Хао-цю-Чжуанъ, по 2 лекціи; въ III и IV-мъ курсахъ знакомитъ студентовъ съ оффиціальнымъ и историческимъ слогомъ по сборнику Wade'a Шенъ-ву-цзи и Шенъ-юй-гуанъ-сюнь — по 2 лекціи въ недѣлю [255]).

Казанская гимназія. Когда китайскій языкъ введенъ былъ въ Казанскомъ Университетѣ (1837), ученику 1-й казанской гимназіи *Зоммеру* было разрѣшено слушать этотъ языкъ въ Университетѣ. Въ слѣдующемъ-же, 1838, положено было, въ видѣ опыта, начать преподаваніе китайскаго языка и въ означенной гимназіи, на что вызвался архимандритъ Даніилъ безвозмездно. Въ 1841 г. состоялся первый выпускъ учениковъ изъ Гимназіи въ Университетъ, подготовившихся къ основательному изученію китайскаго языка. Ихъ было трое, и въ томъ числѣ Зоммеръ (Николай Ивановичъ), предназначавшійся, по окончаніи университетскаго курса,

---

[255]) *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Университетъ, стр. 387 - 389; Ж. М. Нар. Пр. ч. 124, II, 192; Протоколы засѣданій совѣта С.-Петерб. Университета.

Digitized by Google

къ занятію каѳедры китайской словесности въ Имп. Академіи Наукъ. По инструкціи составленной проф. Ковалевскимъ, Зоммеръ долженъ былъ совершить поѣздку сперва въ Парижъ, а потомъ въ Китай. Въ 1847 Зоммеръ приступилъ къ экзамену на степень магистра, но умеръ отъ холеры [256]).

Въ 1841 мѣсто архимандрита Даніила занялъ въ Гимназіи дѣйствительный студентъ *Рушко* (Сергѣй). Когда прибылъ въ Казань Войцеховскій, ему поручено было осмотрѣть во всей подробности классы китайскаго языка учителя Рушко. Познанія учениковъ оказались слабыми. Въ томъ же году Рушко уволился изъ учебнаго вѣдомства по болѣзни, а на его мѣсто опредѣленъ старшимъ учителемъ китайскаго языка кандидатъ *Ладухинъ* (Иванъ Алексѣевичь), воспитанникъ казанской гимназіи и казанскаго университета, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1845 году. При немъ гимназисты занимались изученіемъ китайской грамматики и переводами изъ сочиненій Конфуція. По закрытіи восточнаго отдѣленія въ Гимназіи, Ладухинъ перешелъ въ Петербургскій Университетъ помощникомъ библіотекаря [257]).

Практически занимались съ учениками китайскимъ языкомъ сперва надзиратель *Алексѣй Сосницкій*, а съ 1853 года — природный китаецъ *Абдулькаримовъ* [258]).

III. Маньчжурскій языкъ.

Въ знаткахъ маньчжурскаго языка у насъ не было недостатка со времени духовныхъ миссій въ Пекинъ. Члены миссіи, изучая китайскій языкъ, изучали въ то же время и маньчжурскій. Въ большинствѣ случаевъ онъ преподавался вмѣстѣ съ китайскимъ; разъ только, кажется, опередилъ онъ китайскій, именно въ 1738 два ученика изъ Московской Духовной Академіи поступили къ профессору Керу для изученія этого языка [259]). Китайскаго тогда у насъ еще не преподавалось. Конечно не Керъ обучалъ этихъ учениковъ, такъ какъ онъ не зналъ по-маньчжурски; вѣроятно ученики находились только подъ его надзоромъ. Затѣмъ въ 1741,

---

[256]) Замѣчательно, что магистерская диссертація Зоммера отсылалась въ Берлинъ къ Шотту на его разсмотрѣніе. *Владимірова* „Казанская Гимназія", 42-44, 60-61.

[257]) *Владимірова* „Казанская Гимназія", стр. 60-61.

[258]) *Фойгта* „Отчеты", 250-1; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 82, I, 55.

[259]) *Смирнова* „Исторія Московской Духовной Академіи", стр. 242.

Digitized by Google

когда при Академіи Наукъ открыта была школа китайскаго языка, маньчжурскій преподавался съ нимъ вмѣстѣ.

Казанскій Университетъ. Послѣдняя каѳедра восточныхъ языковъ, введенная въ Казанскомъ Университетѣ, была каѳедра маньчжурскаго языка. Преподаваніе этого языка началось со вступленія въ Университетъ въ 1844 г. *О. П. Войцеховскаго*, который и сталъ преподавать его студентамъ, изучавшимъ китайскій языкъ. Послѣ объясненія грамматики маньчжурскаго языка, Войцеховскій переводилъ со своими слушателями Цинъ-вынь-ци-мынь, Илань-хацинь-и-камцимо-араха-битхэ, Джунъ-юнъ, Амба-тацинь, Ань-и-дулимба-битхэ, съ филологическими, философическими и археологическими замѣчаніями. Въ тоже время излагалъ онъ политическую и литературную исторію Маньчжуровъ [260]).

По смерти Войцеховскаго (въ 1850 г.) преподаваніе маньчжурскаго языка принялъ на себя, съ 1851, *В. П. Васильевъ.* Онъ сталъ объяснять грамматику этого языка по Габеленцу, переводилъ избранныя мѣста изъ книгъ Леулэнь-гизурень и Сы-шу; упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ китайскаго языка на маньчжурскій, и читалъ политическую исторію и исторію литературы Маньчжуровъ — по 4 часа въ недѣлю [261]).

С.-Петербургскій Университетъ. Въ Петербургскомъ Университетѣ каѳедра маньчжурскаго языка въ первое время не имѣла штатнаго преподавателя. Ее занялъ *В. П. Васильевъ* [262]).

Въ 1857 г. явился случай пріобрѣсти достойнаго преподавателя по этой каѳедрѣ. Помощникъ библіотекаря въ Университетѣ *И. А. Ладухинъ* (преподававшій китайскій языкъ въ Казанской Гимназіи), по случаю отправленія въ Пекинъ новой духовной миссіи изъявилъ желаніе сопровождать ее въ Китай, и оставаться съ ней все время ея тамъ пребыванія съ цѣлію дальнѣйшаго изученія китайскаго и маньчжурскаго языковъ, которые въ теченіе 15 лѣтъ составляли уже предметъ его исключительныхъ занятій. Это его предложеніе было одобрено Факультетомъ Восточныхъ Языковъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія дало Ладухину средства отправиться въ Китай. Но эта командировка кончилась печально: Ладухинъ утонулъ на Амурѣ [263]).

---

[260]) *Фойгтъ* „Обозрѣніе хода и успѣховъ препод. азіат. языковъ".

[261]) Тамъ же.

[262]) Слѣдомъ преподаванія маньчжурскаго языка профессоромъ Васильевымъ остается составленная имъ „Маньчжурская Христоматія, (Спб. 1863).

[263]) Актъ Имп. С.-Петерб. Университета за 1858, стр. 13-14; *Владимірова* „Казанская гимназія", стр. 61, примѣч.

Digitized by Google

Только въ октябрѣ 1868 года удалось каѳедру маньчжурскаго языка замѣстить особымъ преподавателемъ, *Захаровымъ* (Иванъ Ильичъ), пробывшимъ 10 лѣтъ въ Пекинѣ при нашей духовной миссіи (съ 1840 по 1850), а потомъ занимавшимъ постъ нашего консула въ Кульджѣ. И. И. въ I-мъ курсѣ проходитъ маньчжурскую грамматику и упражняетъ студентовъ въ переводахъ съ маньчжурскаго языка на русскій статей изъ хрестоматіи Васильева, по 1 лекціи въ недѣлю; во II-мъ курсѣ, кромѣ переводовъ изъ той же хрестоматіи, пріучаетъ слушателей переводить съ русскаго на маньчжурскій — по 2 лекціи; въ III и IV-мъ курсахъ занимаетъ переводами изъ сочиненій: Си-сянъ-цзи, Мукденъ-фу-и-битхэ, Тунъ-Дзянь-ганъ-му, и дипломатическихъ бумагъ — по 2 лекціи [264]).

IV. Монгольскій языкъ съ его нарѣчіями, калмыцкимъ и бурятскимъ.

Въ Сибири у насъ издавна возникла потребность въ знатокахъ монгольскаго языка, какъ для управленія Монголами въ нашихъ предѣлахъ обитающими, такъ и ради сношеній съ сосѣдними, въ китайскихъ предѣлахъ. И въ знатокахъ этого языка мы рѣдко когда нуждались. Но первыя у насъ попытки къ обученію молодыхъ людей монгольскому языку имѣли въ виду не цѣли администраціи, а проповѣдь Слова Божія. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ митрополиту Филоѳею Лещинскому. Въ первые же годы своей пастырской дѣятельности въ Сибири [265]) онъ нашелъ необходимымъ, для болѣе успѣшнаго обращенія въ Христіанство Бурятъ, познакомиться съ ученіемъ Буддистовъ. Съ этою цѣлію отправилъ онъ въ Халху къ Джебцунъ-хутухтѣ, въ 1707 году, миссію, въ составъ которой вошли: проповѣдникъ *Иларіонъ Лежайскій*, иродіаконъ *Филиппъ Хавовъ*, одинъ боярскій сынъ и школьные ученики— *Павелъ Андреевъ* и *Семенъ Николаевъ*. Ученики должны были изучить монгольскій языкъ на-мѣстѣ. Миссія достигла до куреня халхасскаго хутухты, и исполнила возложенное на нее порученіе. Ученики-же, хотя и были приняты, но встрѣтивъ невниманіе къ себѣ, и различныя препятствія въ своихъ занятіяхъ, вскорѣ вернулись въ Тобольскъ [266]).

---

[264]) *В. В. Григорьевъ* „Имп. С.-Петерб. Университетъ“, стр. 389, 390; Протоколы засѣданій Совѣта И. С. Петерб. Университета. — Памятью о преподаваніи Захарова останутся навсегда его „Полный Маньчжурско-Русскій Словарь“, Спб. 1875, и его Грамматика Маньчжурскаго Языка, Спб. 1879.

[265]) Филоѳей Лещинскій дважды управлялъ Сибирскою епархіей: съ 1702 по 1709 годъ, и съ 1719 по 1721. Скончался на покоѣ въ 1727 году.

[266]) *Словцовъ* „Историческое Обозрѣніе Сибири“ кн. I (Москва, 1838), стр. 358 - 359; Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости за 1875 г. № 52, стр. 698.

Digitized by Google

Монгольская Школа при Вознесенскомъ Монастырѣ въ Иркутскѣ.

Дѣло, задуманное Филоѳеемъ Лещинскимъ, осуществлено было его любимцемъ, архимандритомъ *Антоніемъ Платковскимъ* (оказавшимся впослѣдствіи интриганомъ и грабителемъ ввѣренной ему обители). Назначенный въ 1724 году настоятелемъ Иркутскаго Вознесенскаго Монастыря, Антоній, вѣроятно дѣйствовавшій на этотъ разъ подъ вліяніемъ идей Филоѳея, сдѣлалъ представленіе въ Синодъ о необходимости учрежденія при томъ монастырѣ школы монгольскаго языка „для распространенія православной вѣры въ Сибири и для сношенія съ сосѣдями". Когда, въ слѣдующемъ году, представленіе это было одобрено, Антоній построилъ за монастыремъ домъ для школы и приступилъ къ набору учениковъ, при чемъ пришлось употребить крутыя мѣры, такъ какъ въ то время ученья боялись не менѣе рекрутскаго набора. Учениковъ въ Школѣ положено было имѣть 25 человѣкъ, содержаніе которыхъ возложено на три монастыря: десятерыхъ долженъ былъ содержать Селенгинскій Троицкій, восмерыхъ — Киренскій Троицкій, и семерыхъ — Посольскій на Байкалѣ. На каждаго ученика требовалось ежемѣсячно деньгами по 10 алтынъ, провизіей — муки ржаной по 2 пуда, крупъ по 5 фунтовъ, соли по 2 фунта. Это обязательство монастыри выполняли плохо, всячески стараясь уклоняться отъ него, что̀, конечно, отзывалось на ученикахъ. Обучать въ Школѣ положено дѣтей священно-и церковнослужительскихъ, но Антоній Платковскій не стѣснялся такимъ предписаніемъ Синода, и забиралъ въ Школу даже крестьянскихъ мальчиковъ (Петръ Пневъ взятый въ Школу въ 1725 году, и вытребованный оттуда отцемъ въ 1727); были въ Школѣ и два монгольскіе мальчика, Титовы. Не всѣ ученики Школы обучались монгольскому языку. Такъ, въ 1727 году учились ему только пятеро, а остальные восемь сидѣли за русской грамотой. Въ томъ же году собрано было въ Школу 22 человѣка для обученія русскому языку, и 8 — монгольскому. Изъ послѣднихъ, трое читали монгольскія книги и учились говорить, трое учили книги (?), а читать еще не могли, и одинъ обучался азбукѣ [267]).

Въ 1727 Антоній Платковскій получилъ назначеніе въ Китай начальникомъ духовной миссіи, и съ нимъ поѣхали туда, какъ ви-

---

[267]) Иркутскія Епарх. Вѣдомости 1863 г. №№ 17, 28, 38, и 1875 г. Газета „Амуръ" 1862, № 19; *Пекарскій* „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ", Спб. 1862, I, 121.

Digitized by Google

дѣли мы выше, трое изъ учениковъ Школы. За отъѣздомъ архимандрита Антонія, Школа поступила въ вѣдѣніе епископа Иннокентія I, который много способствовалъ улучшенію ея, заботясь о пріобрѣтеніи монгольскихъ книгъ. Кромѣ того, онъ расширилъ Школу отдѣленіемъ для обученія дѣтей всѣхъ сословій славяно-русской грамотѣ. Съ того времени Монгольская Школа стала называться *Русско-Монгольскою Школою*. Въ 1730 г. въ монгольскомъ отдѣленіи ея находилось 25 человѣкъ, въ русскомъ — 10. За все время управленія Школою Иннокентія I, неспособностію отличился только одинъ ученикъ [268]).

Учителями въ Школѣ были: бурятскій лама изъ Балаганска *Лапсанъ* (впослѣдствіи принявшій Православіе, и по крещеніи нареченный *Лаврентіемъ Ивановичемъ Неруновымъ*), да въ товарищи ему приданный *Николай Щолкуновъ*, подряженные Платковскимъ въ 1727 году за 100 рублей въ годъ. Къ этому жалованью епископъ Иннокентій прибавилъ еще 50 рублей [269]). Такъ какъ учителя эти не знали по-русски, то явилась необходимость имѣть при урокахъ переводчика. Для этой цѣли вытребованъ былъ изъ Селенгинска нѣкто *Иванъ Пустынниковъ*. Онъ, еще въ 1725 году, взятъ былъ Антоніемъ Платковскимъ изъ Братскаго Острога въ Монгольскую Школу для обученія, и вскорѣ затѣмъ отправленъ былъ въ Селенгинскъ къ тамошнему тайшѣ Лупсану, для бо̀льшаго усовершенствованія въ монгольскомъ языкѣ. Этого-то Пустынникова Иннокентій въ 1727 г. вызвалъ въ Иркутскъ для помощи учителямъ Лапсану и Щолкунову, съ назначеніемъ жалованья по 10 р. въ годъ при готовой отъ Монастыря пищѣ [270]).

При преемникѣ Иннокентія Кульчицкаго, скончавшагося въ 1731, Иннокентіи Неруновичѣ, Школа продолжала расширяться. При немъ число учениковъ доходило до 70, и для всѣхъ монгольскій языкъ сдѣланъ обязательнымъ. Иннокентій II строго требовалъ отъ духовныхъ доставленія въ Школу дѣтей, достигшихъ извѣстнаго возраста. Нелегко было и дѣтей удерживать въ Школѣ: они разбѣгались изъ нея толпами, и для поимки ихъ снаряжались, на счетъ родителей, особые нарочные [271]).

Такъ заботилось о Русско-Монгольской Школѣ духовное начальство. Совсѣмъ иначе вели себя свѣтскія власти. Онѣ не только не

---

[268]) Иркут. Епарх. Вѣдомости 1863 г. № 27; 1864 г. № 34.

[269]) Кажется, что первое время преподавалъ монгольскій языкъ и самъ Антоній Платковскій; такъ, по крайней мѣрѣ, упоминается о немъ въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ.

[270]) Иркут. Епарх. Вѣдом. 1866, прибавленія; 1863, № 38.

[271]) Газета „Амуръ“ 1862, № 19, Ирк. Епар. Вѣд. 1866, прибав. стр. 121.

Digitized by Google

оказывали никакого сочувствія этому только-что зарождавшемуся дѣлу, но старались вредить ему сколько возможно. Вицегубернаторъ Бибиковъ не позволялъ выстроить новаго помѣщенія для Школы, когда было очевидно, что мѣсто занимаемое ею неудобно. На зло преосвященному, въ 1737 привлеченъ былъ къ слѣдствію учитель лама Лапсанъ и отнятъ отъ Школы. Иннокентій доносилъ въ Синодъ, что хотя Лапсанъ и плохой учитель, потому что русскаго языка не знаетъ, не все-же замѣнить его некѣмъ. На это донесеніе полученъ былъ изъ Синода указъ отъ 27 февраля 1739 съ требованіемъ, чтобы Провинціальная Канцелярія изыскала достойнаго учителя и чтобы Монгольская Школа „необходимая для края“ [272]) была возобновлена. Но это требованіе не было приведено въ исполненіе, и Монгольская Школа закрылась послѣ 15-ти лѣтняго существованія. Осталась одна русская [273]).

Калмыцкій языкъ (собственно нарѣчіе монгольскаго) требовался у насъ прежде всего для миссіонерскихъ цѣлей. Первымъ, какъ кажется, знатокомъ этого языка былъ у насъ *Никодимъ Линкевичъ*, родомъ полякъ, который въ 1715 году постригся въ монахи въ Кіевопечерскій Монастырь. Въ Кіевъ тогда отправляли для поселенія крещенныхъ Калмыковъ. Отъ нихъ Линкевичъ и научился калмыцкому языку. Въ 1725 опредѣленъ онъ былъ миссіонеромъ къ новопросвѣщенному калмыцкому владѣтелю, Петру Петровичу Тайшину. Въ помощь къ Линкевичу присланы были изъ Московской Славяно-латинской Школы ученики *Андрей Чубовскій*, *Яковъ Бестужевъ* и *Иванъ Ляховъ*, для изученія калмыцкаго языка и письма, чтобы „впредь изъ нихъ могли быть священники и діаконы“. Изъ нихъ, Чубовскій впослѣдствіи явился преемникомъ Линкевича въ дѣлѣ просвѣщенія Калмыковъ [274]). Въ 1740, вслѣдствіе представленія полковника Змѣева, коменданта Ставрополя, подъ руководствомъ протопопа Чубовскаго основана была школа для обуче-

---

[272]) Предполагалось, между прочимъ, что Монгольская Школа можетъ служить къ скрѣпленію связей между Россіею и Китаемъ.

[273]) Иркут. епарх. вѣдом. 1870 г. № 49; 1864, № 34. О школѣ этой см. также: „Исторію Россійской іерархіи“, собран. іеромонахомъ *Амвросіемъ*, т. I (М. 1807) стр. 428-9; т. II (М. 1810) стр. 464; т. V, стр. 608; т. VII, 961-971 (въ этомъ сочиненіи указанія о Школѣ разнорѣчивы); *Семивскаго* „Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной Сибири“ (Спб. 1817) стр. 30,66; *Макарія Булгакова* „Исторію Кіевской Академіи“, стр. 183-4; и *Словцова* „Историч. Обзоръ Сибири“, II, 29-30.

[274]) См. статью *Шестакова* въ Ж. Мин. Нар. Пр. за 1869 г. ч. 145; *Смирнова* „Исторія Моск. Духовной Академіи“, I, 243.

Digitized by Google

нія Калмыковъ русской грамотѣ, а учителями въ эту школу опредѣлены были Бестужевъ и Ляховъ [275]). Къ тому же времени относится порученіе переводчику *Кондакову* сказывать Калмыкамъ въ воскресные и праздничные дни поученія на калмыцкомъ языкѣ, «отъ чего бы они могли прійдти въ лучшее познаніе православной христіанской вѣры» [276]).

Калмыцкій языкъ большею частію преподавался вмѣстѣ съ монгольскимъ; но иногда вводился онъ и самостоятельно въ особыхъ школахъ. Такъ, въ мартѣ 1741 года, князь Урусовъ увѣдомлялъ Татищева, что заботы его о татарско-калмыцкой школѣ, основанной въ Самарѣ не остались безплодными; а Рычковъ къ тому же лицу писалъ, что школа эта «время отъ времени къ лучшему состоянію приходитъ» [277]). Въ 1788 основано было въ Астрахани народное училище, и въ числѣ другихъ восточныхъ языковъ преподавался тамъ и калмыцкій [278]).

Классъ монгольскаго языка при Иркутскомъ Народномъ Училищѣ. Снова началось преподаваніе монгольскаго языка въ Сибири лишь въ 1790 году, но уже съ другою цѣлію — съ цѣлію образованія переводчиковъ. Классъ этотъ былъ открытъ при Главномъ Народномъ Училищѣ въ Иркутскѣ. На первый разъ учениковъ въ немъ оказалось 32 человѣка. Ученіе продолжалось только четыре года: въ 1794 классъ этотъ былъ закрытъ, за неимѣніемъ свѣдующихъ преподавателей [279]).

И такъ, всѣ попытки упрочить у насъ преподаваніе монгольскаго языка обрывались на самомъ же началѣ, за неимѣніемъ учителей. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы не было у насъ знатоковъ монгольскаго языка. Такіе знатоки были и въ Петербургѣ, и въ Сибири. Керъ, какъ мы видѣли, указываетъ на монголистовъ въ Петербургѣ въ его время. Это были: академикъ *Байеръ*, *Бухартъ*, *Бакунинъ* и *Петръ Смирновъ*, переводчикъ калмыцкаго языка. Въ Сибири ихъ было, конечно, больше; но они намъ неизвѣстны, потому что не заявили о себѣ литературными трудами. Только Палласъ сохранилъ намъ имя одного замѣчательнаго монголиста, которому знаменитый натуралистъ обязанъ былъ всѣми своими историческими извѣстіями о Монголахъ; это — *Ѣрихъ*

---

[275]) Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, т. X, № 8394.

[276]) Тамъ же, № 7355.

[277]) *Пекарскій*, Жизнь и литературная переписка Рычкова. Спб. 1867, стр. 11—12.

[278]) «Москвитянинъ» 1854, ч. I, отд. VII, 134.

[279]) Періодич. сочин. о успѣх. народ. пр. XXVII, 421; *Семевскій* «Новѣйшія повѣствованія», стр. 66; Газета «Амуръ», 1862, № 19.

Digitized by Google

(Iohann Iährich [280]). Въ настоящемъ столѣтіи славился какъ отличный знатокъ монгольскаго языка *А. В. Игумновъ*, сынъ переводчика монгольскаго и маньчжурскаго языковъ; *Ванчиковъ* — учитель монгольскаго языка въ Кяхтѣ; архіепископъ *Нилъ* (скончался въ іюнѣ 1874), управлявшій 15 лѣтъ Иркутскою Епархіею (съ 1838 по 1853) и на мѣстѣ изучившій монгольскій языкъ; архимандритъ *Епифаній*, бывшій начальникъ иркутской миссіи (скончался въ ноябрѣ 1869 года); и другіе.

Классъ монгольскаго языка въ Петербургѣ. Поводомъ къ основанію этого класса послужило донесеніе сенатора Энгеля, осматривавшаго управленіе Калмыцкимъ Народомъ въ Астраханской губерніи, о крайнемъ недостаткѣ тамъ въ толмачахъ и переводчикахъ калмыцкаго языка. Тогда (въ 1828) положено открыть классъ калмыцкаго языка на 10 воспитанниковъ при школѣ медицинскаго вѣдомства, предназначенной приготовлять аптекарскихъ мальчиковъ и лекарскихъ учениковъ [281]). Воспитанники для класса калмыцкаго языка набирались изъ ближайшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Каждый воспитанникъ обязанъ былъ обучаться въ Школѣ до тѣхъ поръ, пока достаточно подготовится, но не долѣе однако четырехъ лѣтъ. Ученики принятые на службу толмачами, обязывались прослужить не менѣе 6 лѣтъ. Преподавателемъ калмыцкаго языка въ этомъ классѣ былъ академикъ *Шмидтъ*, который преподавалъ тамъ въ теченіе осьми лѣтъ. Затѣмъ классъ этотъ, какъ кажется, закрылся [282]).

Школа въ Троицкосавскѣ. Въ 1831 учреждена была Русско-Монгольская школа въ Троицкосавскѣ, о которой мнѣ извѣстно только то, что она сильно нуждалась въ учебныхъ пособіяхъ, а потому министръ народнаго просвѣщенія приказалъ въ 1835 г. напечатать для нея, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, нѣкоторыя монгольскія книги, находившіяся въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ [283]).

Затѣмъ, по желанію торговаго сословія г. Нерчинска, введено было въ 1838 году, въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ, въ видѣ дополнительнаго курса, преподаваніе монгольскаго языка съ назна-

---

[280]) См. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. I, s. VI.

[281]) Школа эта помѣщалась на Аптекарскомъ Острову; основана была въ 1821 г. на 50 воспитанниковъ.

[282]) Полное Собр. Закон. Росс. Имперіи, № 2353; Ж. Мин. Нар. Просв. за № 1837, ч. XIII, отд. I, стр. XIII.

[283]) Ж. Мин. Народн. Просвѣщ. 1836 г. ч. 10, стр. XCVII и слѣд.

Digitized by Google

ченіемъ жалованья учителю этого предмета на счетъ городскаго общества [284]).

Изученіе монгольскаго языка съ его нарѣчіями упрочено было у насъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ, который ввелъ преподаваніе его въ Казанскомъ Университетѣ. По его представленію, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить каѳедру монгольскаго языка при восточномъ отдѣленіи въ Университетѣ. Но ни у насъ, ни за границей, не было ученаго монголиста, который съ честію могъ бы занять эту каѳедру; тогда, по ходатайству попечителя, отправлены были два воспитанника Университета, изучившіе уже языки арабскій, персидскій и татарскій — кандидатъ *Ковалевскій* и дѣйствительный студентъ *Поповъ* — въ Восточную Сибирь, гдѣ имѣлись у насъ практическіе знатоки монгольскаго языка, и кочуютъ бурятскіе роды. Въ 1828 оба избранника прибыли въ Иркутскъ и здѣсь приступили къ изученію монгольскаго языка подъ руководствомъ служившаго тамъ переводчикомъ, статскаго совѣтника Игумнова, а затѣмъ усовершенствовались въ немъ среди монгольскихъ племенъ. При этомъ Ковалевскій, вмѣстѣ съ духовной миссіей, проѣхалъ и въ Пекинъ. По возвращеніи въ Россію въ 1833 году, Ковалевскій опредѣленъ былъ адъюнктомъ монгольскаго языка въ Казанскій Университетъ, а Поповъ — учителемъ того же языка въ Казанскую Гимназію [285]).

Казанскій Университетъ. Первые два года монгольскій языкъ преподавалъ въ Университетѣ одинъ *Ковалевскій* (Осипъ Михайловичъ), уроженецъ города Гродно, въ гродненской же гимназіи получившій и первоначальное воспитаніе, а затѣмъ 17-ти лѣтъ, въ 1817 году, поступившій въ Виленскій Университетъ; здѣсь пробылъ онъ 6 лѣтъ, послѣ чего переведенъ въ Казанскій для изученія восточныхъ языковъ. Занявъ каѳедру монгольскаго языка, Ковалевскій, послѣ грамматическихъ объясненій, приступалъ къ переводамъ статей изъ собственной христоматіи [286]), упражнялъ своихъ слушателей въ переводахъ съ русскаго на монгольскій, и читалъ имъ исторію Монголовъ съ обозрѣніемъ монгольской литера-

---

[284]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1838, ч. 22, I, 85.

[285]) *Ковалевскій* „Обозрѣніе хода и преподаванія азіатскихъ языковъ", стр. 14 — 16.

[286]) Превосходный трудъ этотъ, въ двухъ большихъ томахъ, вышелъ въ Казани въ 1836—37 годахъ; ему предшествовала „Краткая грамматика монгольскаго книжнаго языка" (ibid. 1835); а за нимъ послѣдовало монументальное произведеніе — „Монголо-русско-французскій словарь", въ трехъ томахъ in-4° (ibid. 1844—1849).

Digitized by Google

туры. Первое время онъ читалъ во всѣхъ курсахъ, а потомъ только въ старшихъ. Въ 1835 г. Ковалевскій былъ повышенъ въ экстраординарные, а потомъ и въ ординарные профессора. По закрытіи Восточнаго Отдѣленія въ 1855, Ковалевскій оставался ректоромъ Университета до 1860, когда былъ уволенъ отъ этой должности и причисленъ къ Министерству Нар. Пр., а затѣмъ назначенъ безсмѣннымъ деканомъ историко-филологическаго факультета въ Варшавскій Университетъ, гдѣ и читалъ лекціи по всеобщей исторіи до самой смерти, послѣдовавшей въ октябрѣ 1878 года [287]).

Въ 1835 помощникомъ Ковалевскому принятъ былъ въ Университетъ, въ званіи адъюнкта, помянутый выше *Поповъ* (Александръ Васильевичъ). Родился онъ въ 1808 г. въ г. Царицынѣ, и учился сперва въ Астраханской Гимназіи, гдѣ занялся языками персидскимъ и татарскимъ. Для усовершенствованія въ нихъ перешелъ онъ въ Казанскую Гимназію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1825. Затѣмъ поступилъ въ Университетъ, гдѣ, въ 1828, и получилъ степень дѣйствительнаго студента по разряду восточной словесности. Званія ординарнаго профессора достигъ въ 1846. Занятія свои со студентами начиналъ онъ преподаваніемъ правилъ чтенія и письма, затѣмъ проходилъ съ ними грамматику, толковалъ книгу Алтанъ-Кэрэлъ, повѣсть о Гесеръ-ханѣ, и другія сочиненія, указывалъ отличія монгольскаго языка отъ калмыцкаго, сообщалъ біографіи Шакьямуни и Хонгшимъ-Бодисатвы. Въ сентябрѣ 1853 уволился въ отставку и перешелъ на службу въ Петербургъ по Министерству Государственныхъ Имуществъ [288]).

Петербургскій Университетъ. Хотя въ Петербургскомъ Университетѣ преподаваніе монгольскаго языка введено было еще уставомъ 1835 года, но каѳедра эта открылась только въ 1855 году, съ переводомъ ея изъ Казани.

Первымъ преподавателемъ монгольскаго языка въ Петербургскомъ Университетѣ явился *А. В. Поповъ*, вернувшійся къ прежней своей преподавательской дѣятельности. Преподавая собственно монгольскій языкъ, Поповъ вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ и исторію Монголовъ. Въ 1860 онъ назначенъ былъ главнымъ инспекторомъ учи-

---

[287]) *Фойгтъ* «Обозрѣніе хода препод. азіатск. языковъ»; *его-же* «Отчеты»; Ж. М. Н. Пр. ч. 106, I, 9.

[288]) *Фойгтъ* «Отчеты» 1827 - 1844, стр. 48 - 50; Ж. М. Нар. Пр. ч. 80, I, 22; *В. В. Григорьевъ* «Имп. С.-Петерб. Университетъ», стр. 276.—Поповымъ напечатаны въ Казани: въ 1836 — «Монгольская христоматія для начинающихъ»; въ 1847 — «Грамматика калмыцкаго языка».

Digitized by Google

лищъ Западной Сибири, почему и оставилъ Университетъ. Умеръ въ 1865, въ отставкѣ [289]).

Въ томъ же 1855 году принятъ былъ для калмыцкаго языка, въ званіи исправляющаго должность адъюнкта, *Голстунскій* (Константинъ Ѳедоровичъ). Воспитанникъ 1-й казанской гимназіи, изъ которой поступилъ онъ въ казанскій же университетъ по разряду восточной словесности, К. Ф. кончилъ курсъ въ 1853 году со степенью кандидата и золотою медалью, и поступилъ въ Гимназію старшимъ учителемъ монгольскаго языка, а затѣмъ перешолъ въ Петербургскій Университетъ. Отсюда былъ онъ командированъ въ 1856 въ кочевья Астраханской и Ставропольской губерній для усовершенствованія себя въ калмыцкомъ языкѣ. За выходомъ изъ Университета Попова, на К. Ф. возложено было преподаваніе и монгольскаго языка; тогда же былъ онъ утвержденъ въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора. Въ I-мъ курсѣ К. Ф. проходитъ сравнительную грамматику монгольскаго и калмыцкаго языковъ и упражняетъ въ переводахъ изъ хрестоматіи Попова — по 2 лекціи въ недѣлю; во II-мъ занимаетъ переводами изъ хрестоматіи Ковалевскаго статей относящихся къ исторіи Монголовъ и Буддизму, по 2 лекціи; въ III-мъ переводитъ сказаніе о Гесеръ-ханѣ, по 1 лекціи; въ IV-мъ переводятся Санангъ-Сэценъ и поэма „Джангаръ“ или другія сочиненія [290]).

Для практическихъ-же занятій со студентами монгольскимъ языкомъ принятъ былъ въ Университетъ природный монголъ изъ Селенгинска, лама *Гомбоевъ* (Галсанъ), бывшій предъ тѣмъ преподавателемъ монгольскаго языка въ 1-й казанской гимназіи. Въ 1862 Гомбоевъ умеръ; тогда въ Университетъ поступилъ, на правахъ вольнонаемнаго преподавателя, калмыцкій зайсанъ *Кутузовъ* (Дорджи-Джапъ), который и началъ преподавать калмыцкій языкъ съ октября 1863 г. Въ апрѣлѣ 1866 г. былъ онъ, по прошенію, уволенъ отъ этой должности. Вмѣсто Кутузова поступилъ въ Университетъ, въ маѣ 1866, *Бадмаевъ* (Александръ Александровичъ), бывшій старшій лама Ачинской степной думы. Когда, въ сентябрѣ 1873, Бадмаевъ умеръ, факультетъ предложилъ на опроставшееся мѣсто протоіерея Иркутской Епархіи, природнаго бурята

---

[289]) «Имп. С.-Петерб. Университетъ», стр. 275—276; Ж. М. Нар. Просв. ч. 86, I, 180; *Владиміровъ*, Исторія казанской гимназіи, стр. 42.

[290]) *В. В. Григорьевъ* «Имп. С.-Петербургскій Унив.», 276—277; «Актъ» 1858 г. стр. 22—24; Ж. М. Нар. Пр. ч. 106, I, 60 - 61. Въ 1860, въ Петербургѣ, напечатанъ Голстунскимъ небольшой «Русско-калмыцкій Словарь».

Digitized by Google

миссіонера *Дорджеева* (Николая Нилова), который и поступилъ въ качествѣ временнаго преподавателя; въ 1876 зачисленъ онъ штатнымъ лекторомъ [291]).

Казанская Гимназія. Въ одно время съ Казанскимъ Университетомъ началось преподаваніе монгольскаго языка и въ Казанской Гимназіи, а именно съ 1833 года, когда преподаваніе этого языка возложено было на *А. В. Попова.* Въ 1842 опредѣленъ былъ въ помощь ему кандидатъ монгольской словесности *Цилли* (Эдуардъ), а въ 1855 — *К. Ф. Голстунскій.*

Для практическихъ упражненій учениковъ въ монгольскомъ языкѣ вызванъ былъ изъ Забайкалья бурятскій лама *Галсанъ Никитуевъ*; въ 1842 г. замѣнилъ его лама *Галсанъ Гомбоевъ* [292]).

Преподаваніе монгольскаго языка начиналось съ 4-го класса, въ которомъ, послѣ чтенія и письма, проходилась первая часть грамматики и предлагались переводы легкихъ статей изъ хрестоматіи Попова и Ковалевскаго; въ 5-мъ — синтаксисъ и по-прежнему переводы; въ 6-мъ — переводы съ русскаго на монгольскій, и объяснялись нѣкоторые догматы Буддизма и буддійская терминологія; въ 7-мъ — переводы изъ хрестоматіи Ковалевскаго съ историческими и географическими объясненіями; затѣмъ переводились съ русскаго языка на монгольскій частныя письма, дѣловыя бумаги, контракты и заемныя письма [293]).

Казанская Духовная Академія. Преподаваніе монгольскаго языка, вмѣстѣ съ калмыцкимъ, началось въ Казанской Академіи съ января 1845 года. Первымъ преподавателемъ его былъ *А. В. Поповъ*, вызвавшійся на преподаваніе безвозмездно. Съ $18^{46}/_{47}$ учебнаго года каѳедру эту занялъ ученикъ его —

Бобровниковъ (Алексѣй Александровичъ) воспитанникъ Академіи, магистръ выпуска 1846 года; родился онъ въ Иркутскѣ въ 1821 или 1822; отецъ его, протоіерей, владѣлъ въ совершенствѣ бурятскимъ нарѣчіемъ. Въ Академію опредѣленъ былъ онъ баккалавромъ въ октябрѣ 1846. Съ сентября 1854 и по іюнь 1855 преподавалъ миссіонерскіе предметы противъ Буддизма, а затѣмъ перешелъ въ вѣдомство Оренбургской Пограничной Коммиссіи попечителемъ

---

[291]) Имп. .С.-Петерб. Унив. 276, 386-387; Ж. М. Нар. Пр. ч. 123, II, 413; Протоколы засѣданій Совѣта №№ 12 и 14.

[292]) *Фойгтъ* «Отчеты», 253; *Владиміровъ* «Исторія казанской гимназіи», стр. 61.

[293]) «Исторія казанской гимназіи», стр. 62-63.

Digitized by Google

оренбургскихъ прилинейныхъ Киргизовъ [294]). Умеръ въ нищетѣ, въ Оренбургѣ, въ мартѣ 1865 года [295]).

Каѳедра миссіонерскихъ предметовъ противъ Буддизма замѣщена была не ранѣе какъ въ ноябрѣ 1858 года экстраорд. профессоромъ священникомъ *Зефировымъ* (Михаилъ Михаиловичъ), воспитанникомъ Казанской Академіи, въ которой окончилъ онъ курсъ въ 1850 году со степенью магистра. Въ октябрѣ 1862 былъ онъ уволенъ отъ духовно-училищной службы, по прошенію. Преемникомъ Зефирову явился —

Миротворцевъ (Василій Васильевичъ), воспитанникъ С.-Петербургской Духовной Академіи, опредѣленный въ Казанскую преподавателемъ монгольскаго и калмыцкаго языковъ въ октябрѣ 1863. Со второй половины $18^{71}/_{72}$ учебнаго года Миротворцевъ перешелъ на каѳедру Русской гражданской Исторіи, и миссіонерское противъ Буддизма отдѣленіе закрылось, за неимѣніемъ профессора, но упразднено не было [296]).

Иркутская Семинарія. Когда въ 1822 открытъ былъ классъ монгольскаго языка въ Иркутской Семинаріи, то на должность учителя его приглашенъ былъ *Иумновъ* (Александръ Васильевичъ) о которомъ было уже не разъ упомянуто какъ о замѣчательномъ знатокѣ монгольскаго языка. Потомъ одно время преподавалъ протоіерей Александръ *Бобровниковъ*, который тоже въ совершенствѣ зналъ не только разговорный, но и книжный языкъ. Затѣмъ видимъ учителемъ того-же предмета Василія *Добромыслова*, воспитанника той же семинаріи, выпуска 1832 года. За переходомъ его на службу въ Иркутскую казенную палату, съ 1839 преподаваніе монгольскаго языка поручено было священнику *Орлову* (Александръ Матвѣевичъ),

---

[294]) *Гвоздевъ* „25-лѣтіе Казан. Духовн. Академіи". Для практическихъ занятій съ воспитанниками академіи по языкамъ монгольскому и калмыцкому помѣщенъ былъ въ самомъ зданіи ея помянутый сейчасъ лама Галсанъ Гомбоевъ (съ 1850), который и оставался тамъ до переѣзда своего въ Петербургъ, въ 1855 году. См. Извлеченіе изъ отчета Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1850 годъ.

[295]) См. „Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ" Н. И. Ильминскаго, въ „Ученыхъ Запискахъ" Казан. Универс. за 1865 годъ. Превосходный трудъ Бобровникова „Грамматика монголо-калмыцкаго языка" (Казань, 1849), будь онъ изданъ не на русскомъ языкѣ, доставилъ бы автору европейскую извѣстность какъ первокласснаго лингвиста, а его реставрація надписи Мангутской Пещеры (въ Сибири) — образецъ археологической проницательности (*прим. ред*).

[296]) *Гвоздевъ* „25-лѣтіе Казанской Духовной Академіи"; Журн. Засѣд. Сов. Каз. Дух. Академіи за 1870 г. стр. 7; за 1872 г. стр. 289 и 243.

Digitized by Google

воспитаннику Иркутской Семинаріи, въ которой окончилъ онъ курсъ въ 1838 году. Орловъ преподаетъ и по настоящее время [297]).

Для упражненія учениковъ въ разговорномъ монгольскомъ языкѣ, въ помощь Орлову принятъ былъ въ концѣ 1840-хъ годовъ *Н. Н. Дорджеевъ*, а съ 1857 года — *Шергинъ* (Лаврентій Дмитріевичъ), окончившій курсъ въ Иркутской Семинаріи въ 1828 году. Въ 1865 Шергинъ перешелъ учителемъ въ Иркутское духовное училище [298]).

Въ *Иркутскомъ духовномъ училищѣ* преподавали монгольскій языкъ до 1839 года А. А. *Орловъ*, а послѣ него А. М. *Орловъ*. Въ 1860 поступилъ туда учителемъ этого предмета природный бурятъ *Болдановъ* (Николай Семеновичъ), воспитанникъ Иркутской Семинаріи, состоявшій до этого назначенія учителемъ Балаганскаго приходскаго училища. Съ 1865 преподавалъ Шергинъ [299]).

Нерчинское духовное училище. Преподавалъ тамъ съ 1854 года монгольскій языкъ, вмѣстѣ съ другими предметами, *Благовѣщенскій* (Иванъ Георгіевичъ), родомъ изъ Тамбовской губерніи, окончившій курсъ въ Иркутской Семинаріи въ 1836 году. Съ 1861 преемникомъ его былъ студентъ *Писаревъ* (Евграфъ Яковлевичъ), родомъ изъ Забайкальской области, обучавшійся въ Иркутской Семинаріи, а монгольскій языкъ изучавшій при С.-Петербургской Духовной Академіи [300]).

Въ послѣднее время въ Сибири вновь потребовались, для миссіонерскихъ цѣлей, люди знающіе монгольскій языкъ. Начальство Иркутской Епархіи отправило, въ началѣ 1860-хъ годовъ, въ С.-Петербургскую Духовную Академію семь воспитанниковъ изъ Иркутской Семинаріи для изученія монгольскаго языка въ Петербургѣ у избраннаго монголиста. Шесть изъ нихъ кончили положенный курсъ, хотя ни одинъ не зналъ разговорнаго языка, и въ 1862 году поступили въ распоряженіе епархіальнаго начальства [301]).

---

[297]) Этому Орлову (А. М.) а не упоминаемому ниже А. А. Орлову, принадлежитъ, должно полагать, „Грамматика монголо-бурятскаго разговорнаго языка, составленная А. Орловымъ“, Казань, 1878.

[298]) Газета „Амуръ“ 1862, № 19; Иркут. епарх. вѣдом. за 1864, № 39; за 1871 г. № 49, прибавленія; за 1872 г. № 4 приб. *Ильминскій*, Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ“.

[299]) Иркут. епарх. вѣдом. 1863 г. № 5; 1866, стр. 186. — Шергинъ напечаталъ въ Казани, въ 1841, монгольскую хрестоматію особаго рода, изъ переводныхъ съ русскаго статей, съ присовокупленіемъ монголо-русскаго словаря.

[300]) Тамъ же.

[301]) *Забѣлинъ* „О распространеніи Христіанства между Бурятами“ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1870, ч. 147); „Православ. Обозрѣніе“ 1868, ч. 26, стр. 172.

Digitized by Google

Независимо отъ означенной мѣры, началось преподаваніе монгольскаго языка и при Посольскомъ Монастырѣ (на берегу озера Байкала). Въ 1867 обучалось здѣсь этому предмету 19 человѣкъ: 9 — въ первомъ отдѣленіи (старшемъ) при двухъ учителяхъ; 10 — во второмъ, при одномъ учителѣ. Сначала монгольскій языкъ, вмѣстѣ съ другими предметами, преподавалъ миссіонерскій послушникъ *Дмитрій Сизымъ*, бывшій воспитанникъ Посольскаго монастыря; съ іюня-же 1867 — новокрещенный *Романъ Цирепиловъ*, бывшій учитель Онинскаго русско-монгольскаго училища [302]).

Изъ преподавателей монгольскаго языка въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, заявившихъ себя литературными трудами, слѣдуетъ упомянуть: учителя калмыцкаго языка въ Астраханской Семинаріи Николая *Никонова* [303]); учителя Астраханскаго же уѣзднаго училища священника Петра *Романова* (умеръ въ 1850 году [304]); священника *Алексѣева*, природнаго калмыка, учителя калмыцкаго языка въ Кавказской Семинаріи, и *Крылова* (Александра) учителя того же языка въ Донской Семинаріи [305]).

V. Тюркскіе языки и нарѣчія.

Изъ этихъ языковъ и нарѣчій служили предметомъ преподаванія у насъ: *Татарскій*, какъ принято называть совокупность тюркскихъ нарѣчій, болѣе или менѣе близкихъ между собою, которыми говорятъ Татаре населяющіе западную и южную окраины Сибири, Приволжье, Подкавказье и Крымскій Полуостровъ; *Турецкій*, подъ которымъ разумѣется собственно *Османскій*, языкъ Турокъ Румеліи и Анатоліи; *Адербайджанскій* — тюркское нарѣчіе мусульманъ-суннитовъ въ Закавказьѣ; и *Джагатайскій* — языкъ тюркскихъ колѣнъ нынѣшняго Узбекистана.

По относительной многочисленности татарскаго населенія въ Поволжьѣ и на окраинахъ Россіи, на изученіе языка *татарскаго*

---

[302]) «Правосл. Обозрѣніе» 1868 г. ч. 26, 214-215; Иркут. Епархіал. Вѣдомости 1868 г. стр. 351-352.

[303]) Вообще нужно замѣтить, что калмыцкій языкъ преподавался въ Астраханской Семинаріи очень успѣшно, такъ что многіе изъ семинаристовъ еще во время ученія начинали переводить священныя книги на калмыцкій языкъ.

[304]) См. статью г. *Шестакова* въ Ж. М. Нар. Пр. за 1869 г. ч. 145.

[305]) Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1868 годъ; Журналъ Казан. Духовн. Академіи за 1871 г.

Digitized by Google

въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ обращалось особое вниманіе нашего Правительства. Мы видѣли что обученіе ему вводилось всюду, гдѣ являлся какой-либо къ тому поводъ — въ училища гражданскія, духовныя, военныя, училища высшаго, средняго и низшаго разряда. И, несмотря на такія заботы, мы постоянно нуждались въ хорошихъ переводчикахъ татарскаго языка, а серьезные знатоки тюркскихъ нарѣчій явились у насъ, можно сказать, лишь въ послѣднее время, и притомъ совершенно независимо отъ оффиціальнаго преподаванія этого предмета.

Наиболѣе процвѣтало преподаваніе татарскаго языка — въ Казани, какъ центрѣ русской татарщины. Здѣсь, со введеніемъ этого преподаванія въ *Казанской Гимназіи*, первымъ учителемъ татарскаго языка опредѣленъ былъ *Сагитъ Хальфинъ*, состоявшій до того въ Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія депутатомъ отъ Старой и Новой татарскихъ слободъ въ Казани, и толмачемъ при Адмиралтейской Конторѣ. Съ назначеніемъ своимъ въ учителя Хальфинъ получилъ званіе „переводчика съ чиномъ“ и жалованье „противъ губернскаго переводчика“ (150 р.); вмѣстѣ съ тѣмъ самъ онъ и дѣти его исключены изъ податнаго сословія. Занятія свои въ Гимназіи Сагитъ началъ съ октября 1769 года. Съ тѣхъ поръ преподаваніе татарскаго языка въ 1-й Казанской Гимназіи сдѣлалось какъ-бы наслѣдственнымъ въ его семействѣ въ теченіе цѣлыхъ 60-ти лѣтъ. Въ 1773 году, по болѣзни Сагита [306]), замѣщенъ былъ онъ сыномъ своимъ, *Исхакомъ Хальфинымъ*, переводчикомъ на татарскій языкъ „Устава Управы Благочинія“ (1792). По смерти Исхака преемникомъ ему явился сынъ его *Ибрагимъ Хальфинъ*, вступившій на эту должность въ іюнѣ 1800, и отправлявшій ее до самой смерти, послѣдовавшей въ 1828 году [307]).

Преподаваніе Хальфиныхъ, по всей вѣроятности, отличалось чисто практическимъ характеромъ. Н. И. Ильминскій полагаетъ, что Хальфины обучали книжному татарскому языку, языку искусственно составленному татарскими муллами, и очень мало имѣющему общаго съ народнымъ языкомъ казанскихъ Татаръ [308]). По-

[306]) Г. Артемьевъ утверждаетъ, что Сагитъ былъ учителемъ до 1785, и отказался отъ преподаванія по старости лѣтъ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1874, ч. 174. II, 24). Весьма вѣроятно, такъ-какъ въ 1778 году отпечатана въ Москвѣ «Азбука Татарскаго Языка» составленная Сагитомъ — первое, по времени, на русскомъ языкѣ пособіе для изученія татарскаго.

[307]) *Ковалевскій*, Обозрѣніе хода и успѣх. препод. вост. яз.; стр. 3 - 4.

[308]) *Ильминскій* «Вступительное чтеніе въ курсъ турецко - татарскаго языка» (Записки Казан. Унив. 1861, III, 15). Да иного и быть не могло, судя по поведенію Ибрагима Хальфина при изданіи имъ текста Абульгазіевой

Digitized by Google

слѣ Ибрагима Хальфина преподаваніе татарскаго языка въ Гимназіи возложено было временно на священника *Онисифорова* (Алексѣй). Затѣмъ въ 1836 году обязанности учителя татарскаго языка принялъ на себя *А. К. Казембекъ*, со времени котораго въ Гимназіи сталъ преподаваться собственно турецкій языкъ съ указаніемъ отклоненій отъ него казанскаго и другихъ тюркскихъ нарѣчій. Въ 1842 А. К. Казембекъ оставилъ Гимназію, уступивъ мѣсто брату своему, *Абдуссетаръ Казембеку*, который и преподавалъ до 1848 года. Замѣнилъ послѣдняго *Михайловъ*, кандидатъ Казанскаго Университета, выпуска 1846 года. Въ тоже время практикой съ учениками въ турецкомъ языкѣ занимался хаджи *Османъ Кутлушъ-Оглу*, изъ Константинополя. Съ 1854, когда въ Казанской Гимназіи уцѣлѣлъ изъ восточныхъ языковъ только одинъ татарскій, преподаваніе его возложено было на *Махмудова*, упражнявшаго до этого времени студентовъ Казанскаго Университета въ восточной каллиграфіи [309]). Махмудовъ и былъ послѣднимъ преподавателемъ татарскаго языка въ Казанской Гимназіи [310]).

Въ *Университетѣ Казанскомъ* преподаваніе татарскаго языка введено съ 1812 года, и первымъ преподавателемъ его, въ званіи лектора, явился помянутый выше преподаватель того же предмета въ Казанской Гимназіи *Ибрагимъ Хальфинъ*. Лекторствовалъ онъ по 1828 годъ, занимаясь переводами съ татарскаго на русскій и обратно по 3 раза въ недѣлю [311]). Въ 1828 году на каѳедру татарскаго языка, которая съ этого времени стала называться каѳедрою турецко-татарскаго языка, опредѣленъ былъ мирза *Казембекъ* (Александръ Касимовичъ), сынъ одного изъ бековъ дербентскихъ (род. 22 іюля 1802), получившій отличное мусульманское образованіе и ознакомившійся съ европейскою ученостію у англійскихъ миссіонеровъ въ Астрахани, которыми и обращенъ былъ въ Христіанство. Лѣтомъ 1825 былъ онъ опредѣленъ учителемъ въ Омское Азіатское Училище, въ которомъ и состоялъ до осени слѣдующаго года, когда его перевели лекторомъ въ Казанскій Университетъ на

«Исторіи Монголовъ и Тюрковъ» (см. Біографію Френа, написан. Савельевымъ, стр. 28). И. Хальфину обязаны мы, впрочемъ, изданіемъ первой у насъ хрестоматіи для татарскаго языка, отпечатанной въ 1822 году, въ Казани, подъ заглавіемъ: «Жизнь Чингисъ-хана и Аксакъ-Тимура». Имъ же напечатана была въ 1809 году, въ Казани же, и «Татарская Грамматика».

[309]) *Ковалевскій* «Обозрѣніе», стр. 25; *Владимировъ* «Историч. Записка о первой Казанской Гимназіи» (Казань, 1867) стр. 58-59.

[310]) Въ литературѣ учебной Махмудовъ заявилъ о своемъ существованіи «Практическимъ руководствомъ къ изученію татарскаго языка». Казань, 1857.

[311]) *Ковалевскій* «Обозрѣніе».

Digitized by Google

каѳедру арабскаго языка, послѣ чего занялъ онъ тамъ и каѳедру турецко-татарскаго. Въ 1830 А. К. зачисленъ былъ адъюнктомъ, въ 1836 повышенъ въ экстраординарные профессора. О преподаваніи его извѣстно, что грамматику турецко-татарскаго языка читалъ онъ по собственному труду объ этомъ предметѣ [312]), а тексты объяснялъ изъ Кабусъ-Намэ, изъ Абульгази, изъ „Исторіи Семи Планетъ“ [313]), изъ сочиненій Рагибъ-паши, Ресми-эфенди и др. Кромѣ того, упражнялъ онъ своихъ слушателей въ чтеніи константинопольскихъ и александрійскихъ газетъ, и въ переводахъ съ русскаго на турецкій; читалъ исторію Татаръ, исторію турецкой литературы исторію просвѣщенія на Востокѣ. Сперва имѣлъ онъ по 1-му часу въ недѣлю, потомъ по 6-ти [314]). Въ 1845 году на каѳедру турецко-татарскаго языка опредѣленъ былъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора магистръ *Березинъ* (Илья Николаевичь), воспитанникъ Казанскаго Университета, только что вернувшійся изъ ученаго путешествія по Востоку. И. Н. переводилъ въ высшихъ курсахъ избранныя мѣста изъ Тути-Намэ, Усси-Зеферъ, „Сказокъ Сорока Визирей“, путешествія сейида Вахидъ-Эфендія, дивана Баки, османскіе государственные акты, изданные имъ ярлыки; упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ русскаго и французскаго языковъ на турецкій, и съ книжнаго турецкаго на разговорный; кромѣ того, читалъ исторію тюркскихъ племенъ и исторію турецкой литературы: всего по 8 часовъ въ недѣлю [315]). При Казембекѣ и Березинѣ въ Университетѣ находился, съ 1840 года, для практическихъ занятій со студентами и для обученія турецкому языку въ низшихъ курсахъ, еще особый преподаватель, мирза *Абдуссетаръ Казембекъ*, состоявшій старшимъ учителемъ 1-й Казанской Гимназіи; онъ преподавалъ правила чтенія и письма, объяснялъ грамматику турецкаго языка по сочиненію профессора Казембека; переводилъ Кабусъ-Намэ, исторію Абульгази, Наимы и Гезарфенна, Тути-Намэ, стихотворенія Фузули; упражнялъ слушателей въ разговорахъ; всего отъ 4 до 6 часовъ въ недѣлю. Въ 1855 остался за штатомъ [316]). Въ 1844, для упражненія студентовъ

[312]) Первое изданіе этого труда вышло въ Казани въ 1839, второе въ 1846 году; послѣднее — подъ заглавіемъ: «Общая грамматика турецко-татарскаго языка».

[313]) Имъ же, въ 1832 году, въ Казани, изданной.

[314]) См. Біографію Казембека, написан. И. Н. Березинымъ (Протоколы засѣданій Совѣта С.-Петерб. Университета, № 4); *Фойтъ* «Отчеты».

[315]) Біографич. подробности см. у *Dugat* въ Histoire des Orientalistes. *Фойтъ* «Обозрѣніе», стр. 12.

[316]) *Фойтъ* «Обозрѣніе», 8, 12 - 13; «Отчетъ» Казан. Универ. за 1851—55 годъ.

Digitized by Google

въ каллиграфіи (предметѣ на Мусульманскомъ Востокѣ чрезвычайно важномъ) принятъ былъ учитель *Мухаммедъ-Али Махмудовъ*, который и занимался порученнымъ ему дѣломъ по 4 часа въ недѣлю [317]).

По закрытіи въ Казанскомъ Университетѣ отдѣленія восточныхъ языковъ въ 1854 году, преподаваніе татарскаго языка было въ немъ продолжено, и каѳедра этого предмета поручена Махмудову. Въ 1861 каѳедра эта была расширена присоединеніемъ къ татарскому языку турецкаго, и замѣщена *Ильминскимъ* (Николай Ивановичъ), состоявшимъ до этого баккалавромъ татарскаго языка въ Казанской Духовной Академіи, а потомъ служившимъ при областномъ правленіи Оренбургскими Киргизами. Н. И. поступилъ въ Университетъ преподавателемъ на правахъ ординарнаго профессора. Въ іюлѣ 1872 назначенъ былъ онъ директоромъ Учительской Семинаріи, открытой въ Казани [318]), вмѣстѣ съ чѣмъ преподаваніе турецко-татарскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ прекратилось, и до сихъ поръ не возобновлялось.

Болѣе чѣмъ въ другомъ какомъ учебномъ заведеніи, чувствовалась необходимость обученія молодыхъ людей татарскому языку въ *Казанской Духовной Академіи*. Въ дѣлѣ администраціи легко можно обойтись при помощи мало-мальски толковыхъ переводчиковъ, хотя бы изъ инородцевъ; но проповѣдывать такимъ путемъ Слово Божіе мусульманамъ — дѣло немыслимое. Необходимо, чтобы лица способныя на проповѣдь могли объяснять свое ученіе на мѣстномъ языкѣ. Эта потребность сознана была въ Казанскомъ Краю давно; а потому, какъ только открылась въ Казани Духовная Академія, приняты были мѣры ко введенію въ ней преподаванія татарскаго языка. Первымъ преподавателемъ его былъ *Троянскій* (Александръ), священникъ, изъ воспитанниковъ Казанской Академіи выпуска 1799 года, усвоившій татарскій языкъ какъ родной. Преподавать его началъ онъ съ 1808, года и несъ эту обязанность до закрытія Академіи въ 1818 году (когда опредѣленъ былъ профессоромъ татарскаго языка въ Казанскую Семинарію). Уроковъ татарскаго языка въ классахъ богословскомъ, философскомъ, риторическимъ и піитическомъ, до октября 1817, было по 6-ти; а съ этого времени по 4. Студенты проходили грамматику татарскаго

---

[317]) *Фойгтъ* «Обозрѣніе».

[318]) Ж. Мин. Нар. Просв. за 1861 годъ. ч. сѳѳиц. стр. 244; Извѣстія Казан. Универс. за 1872 г. стр. 253, 288. — Н. И. Ильминскому обязаны мы первымъ у насъ и превосходнымъ пособіемъ къ изученію киргизскаго нарѣчія, отпечатаннымъ въ Казани въ 1861 г.; изданіемъ джагатайскаго текста «Записокъ Бабера» (ibid. 1857) и замѣчательнымъ «Вступательнымъ чтеніемъ въ курсъ турецко-татарскаго языка» (ibid. 1861).

Digitized by Google

языка сперва по запискамъ наставника, а съ 1810 года по его печатной грамматикѣ [319]); переводили съ татарскаго на русскій Евангеліе, и разговоры и нравоученія, приложенные къ означенной грамматикѣ; а съ русскаго на татарскій—краткую священную исторію и изъ ежемѣсячнаго изданія подъ названіемъ «Добрый халифъ или островъ испытанія»; кромѣ того учили на память татарскіе разговоры о разныхъ предметахъ [320]). Въ ноябрѣ 1817 Троянскому принятъ былъ Академіею помощникъ, студентъ философіи *Онисифоровъ* (Алексѣй [321]). Съ возобновленіемъ Академіи и открытіемъ въ ней турецко-татарско-арабскаго разряда, преподавать турецко-татарскій языкъ вызвался безвозмездно профессоръ *А. К. Казембекъ*, который и приготовилъ себѣ достойнаго преемника въ лицѣ *Н. И. Ильминскаго*. Воспитанникъ Академіи выпуска 1846 года, Ильминскій былъ опредѣленъ на означенную каѳедру въ октябрѣ 1846 года, и преподавалъ до конца 1858, когда, какъ сказано, перешелъ на службу младшимъ переводчикомъ въ Оренбургскую Пограничную Коммиссію. Мѣсто его въ Академіи занялъ *Саблуковъ* (Гордій Семеновичъ), бывшій учителемъ татарскаго языка въ Саратовской Семинаріи, откуда въ 1849 году былъ онъ перемѣщенъ въ Казанскую Академію баккалавромъ по классу греческаго языка, при чемъ возложено на него и преподаваніе татарскаго языка въ Казанской Семинаріи. Саблуковъ преподавалъ въ Академіи до конца 1862, когда уволился въ отставку [322]). Тогда снова вернулся въ Академію *Н. И. Ильминскій*, въ іюлѣ 1863 опредѣленный въ отдѣленіе миссіонерскихъ предметовъ противъ Ислама преподавателемъ языковъ татарскаго и арабскаго [323]). Вмѣстѣ съ нимъ, въ тоже время, перемѣщенъ былъ изъ учителей Казанской Семинаріи, баккалавромъ, *Маловъ* (Евѳимій Александровичъ), воспитанникъ Казанской Академіи, магистръ выпуска 1862 года [324]). Съ сентября 1863 преподаваніе татарскаго языка въ Академіи усилилось введеніемъ особаго класса практическаго изученія этого языка.

---

[319]) Второе изданіе этой грамматики вышло, въ Казани же, въ 1824 году. Троянскому же принадлежитъ часть составленія перваго у насъ «Татарско-русскаго Словаря» (Казань, 1833)

[320]) *Благовѣщенскій* «Исторія Старой Каз. Дух. Акад.» Казань, 1876, стр. 115-116; *А. Можаровскій* «Старая Казан. Академія».

[321]) *А. Можаровскій* «Старая Казан. Дух. Академія».

[322]) *Гвоздевъ* «25-лѣтіе Казанской Дух. Академіи» («Правосл. Собесѣдникъ» 1868 г. кн. декабрьская). О трудахъ Г. С. Саблукова см. записку *Е. А. Малова* въ приложеніяхъ къ «Правосл. Собесѣднику» 1873 г. стр. 324-5); Извѣстія казанскаго университета за 1872 г. стр. 288.

[323]) 25-лѣтіе Казанской Духовной Академіи.

[324]) Тамъ же.

Digitized by Google

На должность практиканта разговорнаго татарскаго языка назначенъ былъ священникъ *Тимоѳеевъ* (Василій Тимоѳеевичъ), по происхожденію старокрещенный татаринъ изъ государственныхъ крестьянъ Казанской губерніи [325]). Со введеніемъ новаго академическаго устава 1869 года, Миссіонерское Отдѣленіе противъ Ислама лишилось всѣхъ своихъ преподавателей. Ильминскій отказался отъ преподаванія въ Академіи, Маловъ перешелъ на каѳедру еврейскаго языка съ библейской археологіей, а Тимоѳеевъ остался за штатомъ [326]). Въ 1870 году, на вакантную каѳедру противомусульманскихъ предметовъ опредѣлили воспитанника Казанской Академіи *Н. Т. Остроумова*. Остроумовъ оставался при Академіи въ званіи доцента до 1877 года, когда перешелъ на службу въ Туркестанскій Край инспекторомъ народныхъ училищъ [327]). Тогда единственнымъ преподавателемъ татарскаго языка остался практикантъ, священникъ В. Т. Тимоѳеевъ, успѣвшій передъ тѣмъ снова поступить въ Академію.

Турецкій языкъ (*османскій*) хотя, какъ видѣли мы, и преподавался въ Казани, но изученіе его никогда тамъ не преуспѣвало. Лучше шло дѣло въ Петербургѣ. Но прежде чѣмъ въ этомъ-послѣднемъ, преподаваніе турецкаго языка введено было въ Новороссіи, а именно: въ 1809 году — въ Акмечетскомъ (Симферопольскомъ) и въ 1812 — въ Ѳеодосійскомъ училищѣ, а затѣмъ въ 1828— въ Институтѣ Восточныхъ Языковъ въ Одессѣ [328]).

Въ *Петербургѣ* преподаваніе османскаго языка началось въ *Университетѣ* со вступленіемъ туда на службу, въ званіи ординарнаго профессора, Осипа Ивановича *Сенковскаго*, т. е. съ 1822 года, хотя въ число предметовъ университетскаго преподаванія языкъ этотъ введенъ лишь уставомъ 1835 года. До этого времени Сенковскій читалъ османскій языкъ такъ-сказать приватно, только студентамъ III (тогда послѣдняго) курса, по 2 раза въ не-

---

[325]) Журн. засѣданій совѣта казанской Дух. Академіи за 1870 г. стр 95, и за 1871 г. стр. 115; Журн. М. Н. Пр. ч. 134. См. также статьи самого Тимоѳеева: «Мое воспитаніе» (въ «Правосл. Обозр.» 1864 г. іюн. кн) и его «Дневники» (тамъ же, 1865—66 гг.).

[326]) Журн. засѣд. сов. каз. Дух. Академіи за 1870 г. стр. 7—8.

[327]) Протоколы совѣта казанск. Цуховн. Академіи за 1877 г. стр. 172—3. Остроумовъ далъ намъ «Первый опытъ словаря народно-татарскаго языка Казанской губерніи» (Казань, 1876).

[328]) Но еще далеко ранѣе имѣли мы уже два перевода турецкой грамматики (Гольдермана) сдѣланныхъ съ французскаго и изданныхъ, одинъ — въ Петербургѣ, въ 1776, другой — въ Москвѣ, въ 1777 году. Петербургскій переводчикъ неизвѣстенъ, московскимъ былъ студентъ Габлицль. *Прим. ред.*

Digitized by Google

дѣлю. Тѣмъ не менѣе слушатели его успѣвали въ этомъ языкѣ болѣе чѣмъ, впослѣдствіи, у другихъ преподавателей, въ теченіе всего 4-лѣтняго курса. Причиною тому были необыкновенныя способности профессора и умѣнье его заинтересовать слушателей изложеніемъ предмета. Грамматическія правила излагалъ онъ весьма кратко, обращая преимущественно вниманіе на сингармонизмъ, играющій первенствующую роль въ образованіи этимологическихъ формъ османскаго языка. Учебникомъ при этомъ служила, съ 1828 года, изданная имъ тогда «Карманная книжка для русскихъ воиновъ въ турецкихъ походахъ», свидѣтельствующая о необыкновенномъ усвоеніи Сенковскимъ идіотизмовъ и вообще духа османской рѣчи. Первымъ текстомъ, который давался затѣмъ въ руки студентамъ для перевода съ турецкаго былъ «Джиганъ-Нюма» или «Тарихи-Сейяхъ»; слѣдовали отрывки изъ историковъ Наимы и Вассифа; съ особымъ наслажденіемъ останавливался профессоръ на объясненіи слушателямъ знаменитаго памфлета „Хуласэ-и-Иътибаръ" Ресми-Ахмедъ-Эфенди, и затѣмъ, оставляя въ покоѣ стихотворцевъ, переходилъ прямо къ переводамъ съ русскаго на турецкій, пріучая слушателей передавать не словà, не фразы, а смыслъ подлинника выраженіями сообразными съ міросозерцаніемъ Османовъ и духомъ ихъ языка [329]).

Съ 1839 года каѳедру турецкаго языка занялъ экстраординарный профессоръ *А. О. Мухлинскій*, читавшій до этого арабскій языкъ въ здѣшнемъ же университетѣ. Изложивъ правила османской этимологіи, начиналъ онъ переводить „Тарихи-Босна"; затѣмъ переходилъ къ синтаксису языка, и переводилъ „Тарихи-Сейяхъ", „Усси-Зеферъ", „Тарихи Вассифъ-Эфенди" и поэму „Гюль-у-Бульбуль"; кромѣ того упражнялъ въ переводахъ съ персидскаго на османскій. До 1843 года Мухлинскій преподавалъ во всѣхъ четырехъ курсахъ; съ этого-же времени читалъ только въ старшихъ. Въ 1843-44 г. прочелъ онъ „обозрѣніе османской литературы", а въ слѣдующемъ учебномъ году — „исторію турецкаго языка и татарскихъ нарѣчій". Съ 1842 года принятъ былъ въ Университетъ, въ помощь Мухлинскому, *Петрашевскій*, воспитанникъ сперва Виленскаго, а потомъ Петербургскаго университета и Института Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. По окончаніи курса въ послѣднемъ заведеніи, нѣсколько лѣтъ состоялъ онъ на службѣ при нашихъ консульствахъ на Востокѣ [330]).

---

[329]) Сообщено В. В. Григорьевымъ. См. біографію Сенковскаго написанную Савельевымъ, въ I т. «Полнаго Собранія сочиненій Сенковскаго».

[330]) *В. В. Григорьевъ*, l. c. стр. 262; *Плетневъ* «Двадцатипятилѣтіе С.-Петербургскаго Университета».

Digitized by Google

Въ 1845 году, и Мухлинскій, и Петрашевскій уволились изъ Университета. Преподаваніе-же османскаго языка временно возложено было на мирзу *Джафара Тотчибашева*, который и занималъ эту каѳедру до марта 1846, когда замѣстили ее воспитанникомъ Казанскаго Университета, только что вернувшимся изъ ученаго путешествія по Мусульманскому Востоку, магистромъ *Диттелемъ* (Вильямъ Францовичь). Но преподавалъ Диттель не долго: въ 1848 году онъ умеръ отъ холеры; а каѳедру османскаго языка вторично занялъ мирза *Джафаръ*. Между тѣмъ обстоятельства позволили Мухлинскому снова поступить въ Университетъ и занять, съ іюля 1849, свою прежнюю каѳедру, по которой онъ въ 1853 г. и былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ [231]). Въ первыхъ двухъ курсахъ преподавалъ онъ грамматику османскаго языка, отъ этимологіи переходя къ переводу легкихъ фразъ; а послѣ синтаксиса упражнялъ въ переводахъ „Гумаюнъ-Намэ", „Тарихи-Вассифъ-Эфенди", „Мунтахабати-Эвлія-Челеби", газеты „Джеридэи-Хавадисъ", и въ переводахъ съ персидскаго на османскій. Кромѣ того, постоянно читалъ „исторію османской литературы". Съ 1858, пособіемъ при преподованіи служилъ ему собственный его трудъ: „Османская христоматія для университетскаго преподаванія" (Спб. 1858). Въ мартѣ 1866 года Мухлинскій оставилъ Университетъ по собственному желанію. Скончался въ Варшавѣ въ октябрѣ 1877, въ глубокой старости [332]). Въ мартѣ слѣдующаго 1867 года вступилъ въ Университетъ преподавателемъ османскаго языка *Максимовъ* (Викторъ Александровичь), воспитанникъ того же университета; окончивъ курсъ со степенью кандидата въ 1859 году, былъ онъ отправленъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на три года въ Турцію для приготовленія къ профессурѣ. Вернувшись въ Петербургъ, Максимовъ удостоенъ былъ степени магистра турецко-татарской словесности, и вслѣдъ затѣмъ принятъ въ Университетъ приватъ-доцентомъ; но въ августѣ того же года, получивъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ назначеніе въ Константинополь, оставилъ учебную службу.

Послѣ Сенковскаго и Мухлинскаго, османскій языкъ преслѣдовалъ въ Университетѣ какой-то злой рокъ. Чтобы хотя временно удовлетворить потребности въ преподавателѣ на каѳедру этого язы-

---

[331]) *В. В. Григорьевъ* «И. С.-Петерб. Унив.» стр. 262; Ж. М. Нар. Пр. ч. 47, I, 19.

[332]) *В. В. Григорьевъ*, l. c. стр. 263, и 88 приложеній; Ж. М. Н. Пр. ч. 80, I, 122.

[333]) *В. В. Григорьевъ* «И. С.-Петерб. Унив.» стр. 258.

Digitized by Google

ка, приглашенъ былъ, на правахъ вольнонаемнаго преподавателя, *Абдуллаховъ* (Мухаммедъ-Эминъ), кавказскій уроженецъ, состоявшій муллою при собственномъ Его Величества мусульманскомъ конвоѣ [334]). Затѣмъ, въ 1869 году, преподаваніе османскаго языка поручено было преподавателю адербайджанскаго, *Л. З. Будагову*, но и тотъ вышелъ изъ Университета въ 1870, послѣ чего, временно, до 1873, каѳедру османскаго языка занималъ *И. Н. Березинъ*. Наконецъ, въ мартѣ 1873 каѳедру этого языка удалось замѣстить лицомъ спеціально къ ней готовившимся — магистромъ *Смирновымъ* (Василій Дмитріевичъ), воспитанникомъ Университета [335]).

Преподаваніе *Адербайджанскаго* нарѣчія получило право гражданства въ Петербургскомъ Университетѣ съ 1845 года, когда стали поступать туда воспитанники Закавказскаго Края. Для преподаванія этого нарѣчія приглашенъ былъ, въ званіи лектора, армянинъ, чиновникъ Азіатскаго Департамента, *Будаговъ* (Лазарь Захаровичъ), получившій первоначальное образованіе въ Астраханской Гимназіи, а университетское сперва въ Москвѣ, потомъ въ Казани, гдѣ и кончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1840 году. Въ первыхъ двухъ курсахъ Будаговъ преподавалъ адербайджанское нарѣчіе по собственному труду („Практическое руководство тутецко-татарскаго адербайджанскаго нарѣчія", Москва, 1857), въ которомъ Робертсонову методу примѣнилъ онъ къ изученію восточныхъ языковъ. Въ остальныхъ двухъ курсахъ знакомилъ онъ своихъ слушателей съ повѣствовательнымъ слогомъ и слогомъ дѣловыхъ бумагъ по христоматіи изданной Везировымъ (Спб. 1861, съ произведеніями стихотворными и съ образчиками частной корреспонденціи [336]). Съ измѣненіемъ правилъ о закавказскихъ воспитанникахъ прекратилось въ Университетѣ и преподаваніе адербайджанскаго нарѣчія.

Джагатайскій языкъ, вмѣстѣ съ татарскимъ казанскаго нарѣчія, сталъ читать въ Университетѣ, съ образованіемъ факультета восточныхъ языковъ въ 1855 году, переведенный тогда же изъ Казани, на новоосновванную каѳедру турецко-татарской словесности, магистръ *И. Н. Березинъ*; въ 1864 году получилъ онъ степень

---

[334]) *В. В. Григорьевъ* «И. С.-Петерб. универ.» стр. 385.

[335]) См. Протоколы засѣданій Совѣта С.-Петерб. Университета.

[336]) *В. В. Григорьевъ* «И. С.-Петерб. университетъ», стр. 264; Ж. М. Нар. Просв. ч. 124, II, 207 - 208; ч. 125, II, 254. Протоколы засѣд. Совѣта С.-Петерб. Унив. Добрую память оставилъ о себѣ Будаговъ своимъ «Сравнительнымъ словаремъ турецко-татарскихъ нарѣчій» (Спб. 1868-71), какъ первымъ по этому предмету опытомъ.

Digitized by Google

доктора и утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ по означенной каѳедрѣ. Кромѣ преподаванія помянутыхъ нарѣчій, пособіемъ при чемъ служитъ имъ же изданная „Турецкая Христоматія“ (Казань 1857), печатаніе джагатайскаго отдѣла которой еще не окончено. Онъ постоянно читаетъ очеркъ литературы этихъ нарѣчій и этнографическое обозрѣніе тюркскихъ племенъ [337]).

Что касается до практическаго преподаванія татарскаго языка въ Петербургскомъ Университетѣ, то для этого принятъ былъ мулла *Хуссйнъ Фейзхановъ*, родомъ татаринъ изъ Симбирской губерніи, подготовленный къ ученымъ работамъ частными занятіями при Академіи Наукъ. Въ 1863 г. былъ онъ утвержденъ лекторомъ, въ сентябрѣ 1866 умеръ [338]). Покойный Фейзхановъ, относясь совѣстливо къ дѣлу, умѣлъ заставить студентовъ заниматься своимъ предметомъ, чего нельзя сказать вообще о лекторахъ изъ Азіатцевъ. Замѣнилъ его преподаватель османскаго языка эфенди *Османовъ*, который и былъ въ апрѣлѣ 1869 утвержденъ лекторомъ татарскаго языка [339]).

Уставомъ 1835 года введено было преподаваніе турецкаго языка и въ *Харьковскомъ Университетѣ*. Возложено оно было на тамошняго профессора восточныхъ языковъ *Б. А. Дорна*, который и имѣлъ по этому предмету по 2 часа въ недѣлю; но въ томъ же году, за выходомъ Дорна изъ Университета, преподаваніе турецкаго языка тамъ прекратилось [340]).

Въ *Московскомъ Университетѣ*, ни турецкій, ни татарскій языкъ не преподавались.

Въ *Одесскомъ* Институтѣ Восточныхъ Языковъ первымъ преподавателемъ турецкаго языка былъ Георгій *Разисъ* (Rasis), который въ короткое время образовалъ достаточно свѣдующихъ переводчиковъ [341]); но, за отъѣздомъ его въ Турцію, преподаваніе

---

[337]) *В. В. Григорьевъ*, И. С.-Петерб. Унив., стр. 266 - 267; Ж. М. Нар. Пр. ч. 84, I, стр. 19.

[338]) *В. В. Григорьевъ*, И. С.-Петерб. Унив., 267; Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 124, II, 192.

[339]) Протоколы засѣд. Совѣта, № 1.

[340]) Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. за 1835 и 1836 годы, ч. оффиц.

[341]) Какъ, напримѣръ, *А. А. Борзенко*, который для усовершенствованія въ турецкомъ языкѣ отправленъ былъ графомъ Воронцовымъ на казенный счетъ въ Константинополь на три года, а по возвращеніи оттуда опредѣленъ въ канцелярію генералъ-губернатора переводчикомъ (*Скальковскій*, «Участіе Одессы на поприщѣ наукъ» въ «Сынѣ Отечества», 1842 г. VI, 46 - 47).

Digitized by Google

турецкаго языка въ Институтѣ прекратилось [342]). По обновленіи Института въ 1837 году, на каѳедру восточныхъ языковъ, въ концѣ 1838 года, опредѣленъ былъ исправляющимъ должность профессора *Григорьевъ* (Василій Васильевичъ), кандидатъ С.-Петербургскаго Университета, ученикъ Сенковскаго. Обучалъ онъ, какъ османскому, такъ арабскому и персидскому. Въ декабрѣ 1842, по полученіи степени магистра историческихъ наукъ (за диссертацію „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству", М. 1842 [343]), былъ онъ утвержденъ въ званіи профессора. Въ 1844 году Григорьевъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. На опроставшуюся такимъ образомъ каѳедру опредѣлили, въ февралѣ 1845, исправляющимъ должность профессора, *Кузьмина* (Василій Несторовичъ), также изъ воспитанниковъ С.-Петербургскаго Университета, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1823 году по отдѣленію восточной словесности съ званіемъ старшаго учителя. Съ 1824 по 1837, Кузьминъ состоялъ при Главнокомандующемъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ [344]); съ 1839 по 1845, находился на службѣ въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія. Въ Институтѣ состоялъ онъ преподавателемъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1852 году. Преемникомъ его былъ кандидатъ Казанскаго Университета *И. Н. Холмогоровъ*, также опредѣленный исправляющимъ должность профессора. Имъ и закончился рядъ преподавателей восточныхъ языковъ въ Одессѣ, такъ какъ въ 1856 году преподаваніе этихъ языковъ было здѣсь, съ образованіемъ особаго для того факультета въ Петербургѣ, закрыто [346]).

Въ гимназическихъ классахъ Института Восточныхъ Языковъ въ Одессѣ обучали старшіе и младшіе учителя. Изъ старшихъ, студентъ Казанскаго Университета *Шутовъ* (Иванъ Ивановичъ) опредѣленъ былъ на должность въ 1840, и оставался на ней до

---

[342]) Отчетъ Ришельевскаго Лицея за 1845-46 годъ. Разнсу принадлежитъ Vocabulaire français-turc, отпечатанный въ 1828 г. въ Петербургѣ — работа для своего времени весьма почтенная.

[343]) Объ этой диссертаціи берлинскій академикъ Шоттъ, рецензировавшій ее въ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik, отозвался что «это одна изъ превосходнѣйшихъ научныхъ монографій, какія когда-либо выходили изъ подъ пера русскаго ученаго».

[344]) «Сорокалѣтіе Ришельевскаго Лицея», Одесса, 1857.

[345]) Отчеты Ришельевскаго Лицея за 1844-45 и 1851-52 года; «Сорокалѣтіе лицея»; *В. В. Григорьева*, И. С.-Петерб. Универ., стр. LXVIII.

[346]) Отчеты Лицея за 1852-53, 1853-54, 1854-55, 1855-56 годы; «Сорокалѣтіе Лицея»; Ж. М. Нар. Пр. ч. 88, I, 113; ч. 98, VII, 118.

[347]) Отчеты Ришельевскаго Лицея; *Фойгтъ*, Отчеты, стр. 252.

Digitized by Google

1856, когда, какъ и Холмогоровъ, оставленъ былъ за штатомъ. Младшими учителями, и вмѣстѣ съ тѣмъ надзирателями Института Восточныхъ Языковъ, были: *Грамматиковъ* (Меркурій Дмитріевичь), опредѣленный въ 1839 году, но скоро вышедшій изъ гимназіи; потомъ, съ 1842, *Комперъ* (Петръ Осиповичь), остававшійся до 1845 года, и наконецъ *Аліевъ* (Алексѣй Афанасьевичь), при которомъ послѣдовало закрытіе Института въ 1856 году [348]).

Въ Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ преподаваніе турецкаго языка возложено было, съ самаго открытія этого заведенія, на профессора *Ф. Ф. Шармуа*, который и преподавалъ его до самаго отъѣзда своего во Францію въ 1835 году. Преемникомъ его по этому предмету былъ баронъ *Демезонъ* (Петръ Ивановичь), продолжавшій преподаваніе и послѣ 1843 года, когда былъ онъ сдѣланъ директоромъ Отдѣленія (послѣ Аделунга). Въ 1872 году Демезонъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ изъ Россіи. Для практическаго-же ознакомленія воспитанниковъ Отдѣленія съ турецкимъ языкомъ принятъ былъ туда, также съ самаго основанія заведенія, состоявшій на службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ константинопольскій грекъ *Чорбаджи-оглу*. Въ 1844 году смѣнилъ его въ званіи репетитора турецкаго языка константинопольскій армянинъ *Оханнесъ Амиди*, который и состоялъ въ Отдѣленіи до 1849 года. Въ теченіи 1852 - 1856 годовъ должность репетитора турецкаго языка занималъ турокъ изъ Константинополя *Вехби-эфенди*. Въ 1857 году на эту должность опредѣленъ былъ также константинопольскій турокъ *Акифъ-эфенди*; оставилъ онъ Отдѣленіе въ 1859 году. Въ 1862 году вакансія репетитора замѣщена была константинопольскимъ туркомъ *Османомъ Нури* (въ св. крещеніи Александръ); въ 1877 году онъ умеръ. Въ настоящее время турецкій языкъ въ Отдѣленіи преподаетъ *Фардисъ*, константинопольскій грекъ, бывшій членъ турецкой академіи, принятый въ Отдѣленіе въ 1878 году.

О преподавателяхъ турецкаго языка въ *Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ*, извѣстно мнѣ лишь то, что въ 1830-хъ годахъ преподавалъ его тамъ армянинъ *Аракелъ Шахумовъ* [349]), а въ настоящее время преподаетъ его тамъ экстраординарный профессоръ *М. Л. Лазаревъ*, составитель „турецко-татарско-русскаго

---

[348]) Отчеты Ришельевскаго Лицея за 1853-56 годы; *Михневичъ*, «Историческій взглядъ на учебныя заведенія Новороссійскаго края и Бессарабіи (въ Новороссійскомъ календарѣ на 1844 г.); Новороссійскій календарь на 1852 годъ, стр. 361-2.

[349]) Собраніе указовъ относительно Армянъ, стр. 108.

Digitized by Google

словаря нарѣчій османскаго, крымскаго и кавказскаго (Москва, 1864) и „Сравнительной Христоматіи турецкаго языка, нарѣчій Османлы и Адербиджана (sic)“ Москва, 1866.

Изъ другихъ преподавателей турецко-татарскаго языка о которыхъ имѣются какія-либо свѣдѣнія, можемъ упомянуть о слѣдующихъ:

Въ Неплюевскомъ Военномъ Училищѣ первымъ, извѣстнымъ намъ, преподавателемъ предмета былъ *Демезонъ* (Петръ Ивановичъ), кандидатъ Казанскаго Университета. Въ 1831 году былъ онъ опредѣленъ на должность преподавателя татарскаго языка въ Училищѣ и въ тоже время переводчика въ Оренбургскую Пограничную Комиссію [350]). О рѣдкихъ познаніяхъ Демезона въ татарщинѣ можно заключить по тому, что въ 1835 году посѣтилъ онъ Бухарію подъ видомъ татарскаго муллы, и не былъ признанъ за европейца. Впослѣдствіи, какъ видѣли мы сейчасъ, состоялъ онъ директоромъ Института Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Умеръ въ Парижѣ въ 1873 году. На смѣну Демезона въ 1837 году опредѣленъ былъ въ Училище кандидатъ Казанскаго Университета *Кукляшевъ* (Салихъ-джанъ [351]). Позже преподавалъ тамъ *Ивановъ* (Мартиніанъ), составитель хорошой христоматіи и грамматики татарскаго языка, отпечатанныхъ въ 1842 году въ Казани, и почти въ полномъ количествѣ сдѣлавшихся жертвою пожара [352]).

Въ Тифлиской гимназіи обучали татарскому языку: *Юсуфъ-Шахназаровъ* [353]); *Л. З. Будаговъ* (въ 1840-1844) [354]); *Макаровъ*, напечатавшій христоматію мѣстнаго татарскаго нарѣчія [355]). Въ 1842 г. младшимъ учителемъ опредѣленъ былъ туда дѣйствительный студентъ Казанскаго Университета *Григорьевъ* (Иванъ) [356]); а въ 1858 — дербентскій житель Мирза *Джибраилъ Исрафиловъ*.

Въ Екатеринодарской гимназіи, въ концѣ 1840-хъ годовъ преподавалъ кандидатъ Московскаго Университета, армянинъ *Хорасановъ*, составившій грамматику татарскаго языка [357]).

---

[350]) *Плетневъ* «Двадцатипятилѣтіе С.-Петерб. Университета»; *Фойгтъ* «Отчеты», стр. 252.

[351]) *Фойгтъ* «Отчеты», стр. 252.—Кукляшевъ напечаталъ въ 1859 г. въ Казани, небольшую «Татарскую Христоматію».

[352]) Отечеств. Записки 1842 г., т. XXV (см. разборъ означенной христоматіи).

[353]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 17, стр. XCVII.

[354]) Протоколы засѣд. Сов. И. С.-Петерб. Унив.

[355]) *Савельевъ* «Восточныя литературы и русскіе оріенталисты» (Русскій Вѣстникъ 1856 г. мартъ, стр. 133).

[356]) *Фойгтъ* «Отчеты».

[357]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 65, III, 25.

Digitized by Google

Въ Новочеркасской гимназіи, въ 1851 году старшимъ учителемъ турецкаго языка опредѣленъ былъ кандидатъ Казанскаго Университета *Адамовъ* (Іосифъ). Младшимъ учителемъ татарскаго языка въ 1860-хъ годахъ видимъ тамъ *Абулъ-Гасанъ Везирова* [358]).

Въ Астраханской гимназіи, съ 1843 года учительствовалъ воспитанникъ Казанскаго Университета *Ильинъ* (Викторъ [35]).

Въ гимназіи и семинаріи Саратова, въ концѣ 1830-хъ и въ 1840 годахъ, учителемъ татарскаго языка былъ *Г. С. Саблуковъ*, извѣстный нѣсколькими прекрасными трудами, но не по части языкознанія.

Въ Тобольской гимназіи первымъ учителемъ татарскаго языка, съ 1810 года, былъ *Сейфуллинъ*, который раньше преподавалъ въ главномъ Народномъ Тоболвскомъ Училищѣ до преобразованія его въ гимназію [361]); раньше-же его въ этомъ училищѣ преподавалъ священникъ *Гиганов* (Іосифъ) [362]), замѣчательный какъ первый у насъ и въ Европѣ авторъ „Татарской Грамматики" (Спб. 1801) и „Русско-Татарскаго Словаря" (Спб. 1804), которому предшествовалъ „Сборникъ коренныхъ татарскихъ словъ" (Спб. 1801), имъ же составленный. Подъ его же надзоромъ составленъ былъ бухарцемъ Ніятъ-Баки Атнометовымъ „Букварь татарскаго и арабскаго письма", отпечатанный въ Петербургѣ въ 1802 году.

Въ Казанской духовной семинаріи, по обращеніи въ оную Казанской Академіи въ 1818 году, татарскій языкъ сталъ преподавать бывшій профессоръ академіи *А. Троянскій*. Затѣмъ, съ весны 1849 — переведенный изъ Саратовской Семинаріи *Г. С. Саблуковъ*; въ 1858 былъ онъ переведенъ въ Казанскую Академію [363]). Въ послѣднее время преподавателемъ татарскаго языка въ Семинаріи былъ *Я. И. Фортунатовъ* [364]). Черемисскому языку обучалъ тамъ въ тоже время студентъ *Землянцкій* (Флавіанъ Петровичь), а *Чувашскому*—священникъ *Целеринскій* (Александръ Федоровичь [365]).

Въ Казанскомъ духовномъ училищѣ татарскій языкъ преподавался *Абдулъ-Кайюмъ Насыровымъ* [366]), напечатавшимъ въ Казани,

---

[358]) *Фойгтъ* «Обозрѣніе»; Ж. М. Нар. Пр. ч. 113, I, 14.

[359]) *Фойгтъ* «Отчеты», стр. 253.

[360]) Актъ въ Тифлисской Гимназіи 1859 г. стр. 37.

[361]) Періодич. сочиненія объ успѣхахъ народн. просвѣщ. ч. XXVII, стр. 358 - 9.

[362]) См. Энциклопедич. лексиконъ изд. Плюшара, т. XIV, стр. 202.

[363]) *Гвоздевъ* «Двадцатипятилѣтіе Казанской Духовной Академіи».

[364]) Памятн. кн. Казан. губ. на 1867 годъ.

[365]) Тамъ же.

[366]) Ж. М. Нар. Пр. ч. 17, XCVII.

Digitized by Google

въ 1860 году „Краткую татарскую грамматику", а въ 1878 — коротенькій „Татарско-русскій словарь".

Въ Горійскомъ уѣздномъ училищѣ, въ 1830-хъ годахъ учительствовалъ *Сараджевъ*, составившій христоматію татарскаго языка [367]).

[Въ представленномъ обозрѣніи исчислены всѣ извѣстныя пособія къ изученію тюркскихъ языковъ, изданныя лицами обучавшими имъ оффиціально. Для полноты литературы предмета въ Россіи, представляется нелишнимъ указать и на тѣ нѣсколько трудовъ этого рода, которые напечатаны у насъ лицами, означенныхъ языковъ не преподававшими. Вотъ они:

Dictionnaire francais-arabe-persan et turc, enrichi d'exemples en langue turque avec des variantes et de beaucoup de mots d'arts et de sciences. Par le prince *Alexandre Handjeri*. Moscou, 1840—1841, три тома in 4⁰ — трудъ монументальный по отношенію къ османскому языку.

Татарско-русскіе разговоры, съ присовокупленіемъ пословицъ, басенъ, образцовъ для склоненій и спряженій татарскихъ словъ. Составлены *Абдъ-эль-Рахманомъ Челеби Крымъ-Ховаджею*. Казань, 1850, 4⁰.

Ueber die Sprache der Iakuten. Grammatic, Text und Wörterbuch. Von *Otto Böhtlingk*. St. Petersburg. 1851 4⁰ — трудъ по лингвистикѣ классическій.

Новые разговоры на турецкомъ и русскомъ языкахъ, составлены *Зармайромъ Мсеріанцъ*. Москва, 1857.

Начальное ученіе турецкаго языка, составленное *Зармайромъ Мсеріанцъ*. Москва, 1856.

Словарь Джагатайско-турецкій. Издалъ *В. В Вельяминовъ-Зерновъ*. Спб. 1868 — изданіе, по отчетливости съ какою оно сдѣлано, образцовое, и въ области оріентализма едва-ли имѣющее равное себѣ.

Грамматика Алтайскаго языка. Составлена членами алтайской миссіи (съ русско-алтайскимъ и алтайско-русскимъ словаремъ). Казань, 1869.

Русско-татарскій букварь для чтенія въ первоначальныхъ народныхъ школахъ (Таврической губерніи). Составилъ *А. Боданинскій*. Одесса, 1873.

Грамматика и хрестоматія турецкая, персидская, киргизская и узбекская Составилъ *М. Терентьевъ*. Спб. 1875—1877.

Турецкій собесѣдникъ. Изданіе Военно-ученаго Комитета Главнаго Штаба. Спб. 1876.

---

[367]) Памятн. гн. Казан. губ. на 1867 г.

Digitized by Google

Спутникъ русскаго человѣка въ Средней Азіи, заключающій въ себѣ словарь языковъ: 1) тюркскаго (джагатайскаго или узбекскаго) съ особенностями нарѣчій: кашгарскаго, хивинскаго и туркменскаго; 2) киргизскаго; 3) татарскаго (казанскаго и оренбургскаго); 4) сартскаго (городскаго-узбецкаго) и 5) таджикскаго (бухарскаго). Съ грамматическимъ очеркомъ. Составилъ *А. Старчевскій*. Спб. 1878.

Можетъ быть списокъ этотъ не полонъ, но важнѣйшее, по крайней мѣрѣ, едва-ли забыто. *Прим. ред.*]

VI. Еврейскій языкъ.

О преподаваніи у насъ еврейскаго языка рѣчь зашла еще въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія, и вотъ по какому случаю. Во время войны Петра I съ Карломъ XII, попалъ къ намъ въ плѣнъ, въ 1702 году, главный лифляндскій пасторъ Ернестъ *Гликъ* (или *Глюкъ*), занимавшійся на родинѣ своей, въ Саксоніи, между прочимъ и восточными языками. Петръ, желая воспользоваться способностями такого плѣнника, знавшаго къ тому же и по-русски, поручилъ ему завести въ Москвѣ „первоначальную гимназію для разночинцевъ", начальникомъ которой опредѣлилъ самого Глика съ жалованьемъ въ 3000 рублей. Къ концу 1703 года Гликъ приготовилъ все къ открытію гимназіи и представилъ программу предметовъ, которые должны были преподаваться въ ней. Въ числѣ этихъ предметовъ упомянуты — на случай „когда угодные ученики будутъ" — языки еврейскій, сирійскій и халдейскій „въ пользу всѣмъ охотникамъ ѳеологскихъ сладостей". Учителемъ-же этихъ языковъ, вмѣстѣ съ греческимъ, въ программѣ названъ *Христіанъ-Бернардъ Гликъ*, родственникъ Ернеста [368]). Преподавался-ли, дѣйствительно, еврейскій языкъ въ означенной гимназіи, неизвѣстно, какъ мало извѣстна и судьба самого этого заведенія по смерти Ернеста Глика (1705). Знаемъ только, что послѣ Глика завѣдываніе гимназіей перешло къ магистру философіи Іенскаго Университета Іоганну *Паузе*, и что при немъ также предполагалось преподавать еврейскій языкъ [369]).

---

[368]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, составл. митрополитомъ *Евгеніемъ Болховитиновымъ*. Изданіе Снегирева, т. I, 275—286; изданіе „Москвитянина" I, 126—128; *Пекарскій* «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ». Спб. 1862; т. I, стр. 131. Самая программа Глика напечатана въ журналѣ „Другъ Просвѣщенія" 1806 года, въ 1-й части.

[369]) *Пекарскій* „Исторія Академіи Наукъ", т. I, стр. XIX.

Digitized by Google

Спустя пятьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ послѣ того, еще разъ являлась у насъ возможность учиться еврейскому языку у иностранца: въ 1756 году, для занятія должности ректора университетской гимназіи въ Москвѣ, вызванъ былъ изъ-за границы докторъ философіи *Шаденъ* (Іоганнъ-Матіасъ), воспитанникъ Тюбингенскаго Университета, въ которомъ изучалъ онъ еврейскій языкъ у Шнуррера. Прибывъ въ Москву, Шаденъ составилъ для Гимназіи каталогъ лекцій, въ которомъ, между прочимъ, заявлялъ, что „есть ли найдутся, которые восточнымъ языкамъ еврейскому и халдейскому учиться, и оныхъ древности разсмотрѣть пожелаютъ, то онъ (Шаденъ) имъ не только въ филологію руководство тѣхъ восточныхъ языковъ, но и особенное наставленіе въ языкахъ еврейскомъ и халдейскомъ преподастъ“ [370]).

Въ 1765 году принята была Екатериною Великою мѣра, которая могла упрочить у насъ преподаваніе еврейскаго языка, и поставить его на подобающую высоту: именно императрица предполагала основать въ Москвѣ „Богословскій Факультетъ“, преподавателями котораго долженствовали быть русскіе профессора, но подготовившіеся къ своей дѣятельности за границей. Для этого Екатерина велѣла выбрать изъ семинарій десять способныхъ учениковъ, и отправить ихъ въ Англію, гдѣ они должны были изучать восточные языки (т. е. еврейскій съ его отраслями — сирійскимъ и халдейскимъ [371]). Въ дѣйствительности были отправлены три партіи учениковъ: первая, состоявшая изъ инспектора Никитина, канцеляриста Буховецкаго, студентовъ — Левшинова, Быкова, Суворова и Матвѣевскаго, отправилась въ концѣ 1765 года въ, университеты оксфордскій и кембриджскій; вторая, въ которой находились студенты *Наумовъ*, *Багрянскій*, *Антонскій* и *Клевецкій*- отправилась въ Лейденъ, спустя годъ послѣ первой; третья, состоявшая изъ пяти лицъ — инспектора *Семенова* и студентовъ *Смирнова*, *Розанова*, Андреевскаго и *Новикова*, отправилась въ Геттингенъ. Изъ первой партіи еврейскій языкъ изучали *Быковъ* и *Суворовъ*; во второй всѣ слушали лекціи еврейскаго языка у профессора Шультенса; въ третьей — всѣ, за исключеніемъ Андреевскаго, изучали еврейскій языкъ у профессора Михаэлиса. Когда первые студенты возвратились на родину, имъ произведенъ былъ экзаменъ, на которомъ они блестящимъ образомъ доказали, что

---

[370]) Словарь русскихъ писателей митроп. Евгенія (изд. „Москвитянина“, II, 245—247); Біографич. словарь профессоровъ и препод. И. Московскаго Университета.

[371]) См. выше, стр. 7.

Digitized by Google

провели время за границей не даромъ. Тогда образована была особая коммиссія для составленія проекта богословскаго факультета. Въ 1773 году проектъ былъ выработанъ, но осуществленія его не послѣдовало. Тѣ студенты, которые вернулись (одинъ умеръ за границей, а о нѣкоторыхъ никакихъ свѣдѣній не имѣемъ) были размѣщены профессорами въ Московскую Духовную Академію или въ духовныя семинаріи [372]). Такимъ образомъ предпріятіе, обѣщавшее очень много, кончилось почти ничѣмъ.

Преподаваніе еврейскаго языка въ семинаріяхъ вводилось у насъ постепенно, по мѣрѣ возможности замѣщать должности учителей этого языка людьми свѣдущими въ немъ, и велось на первое время плохо, что̀ можно сказать и о духовныхъ академіяхъ.

Что касается до свѣтскихъ учебныхъ заведеній, то изъ нихъ въ Дерптскомъ Университетѣ еврейскій языкъ вводился, главнымъ образомъ, также для религіозныхъ цѣлей.

Въ Евангелической церкви знаніе еврейскаго языка всегда почиталось существенною частію ученаго образованія богослововъ. Слѣдовательно введеніе каѳедры этого языка въ Дерптскомъ Университетѣ вызвано было одною изъ самымъ насущныхъ мѣстныхъ потребностей, къ которымъ всегда было чутко наше правительство. Но чтобы не тратить въ Университетѣ времени на первоначальное ознакомленіе съ еврейскимъ языкомъ, положено было, въ августѣ 1807, обучать еврейскому языку въ гимназіяхъ, по 2 часа въ недѣлю, тѣхъ изъ воспитанниковъ которые намѣрены были, по окончаніи гимназическаго курса, поступить въ Университетъ на богословское отдѣленіе [373]). Новымъ уставомъ учебныхъ заведеній подвѣдомственныхъ Дерптскому Университету, Высочайше утвержденнымъ 4 іюня 1820 года, вторично предписывалось обучать еврейскому языку, въ высшемъ классѣ гимназій, тѣхъ учениковъ, которые посвящаютъ себя изученію Богословія. Но мѣра эта не принесла ожидаемыхъ результатовъ, т. е. не сберегла времени университетскаго преподаванія, тратившагося на первоначальное ознакомленіе съ языкомъ. Потому, какъ доносилъ министру попечитель Дерптскаго Округа, что въ Университетъ нерѣдко поступаютъ прямо изъ дому, вслѣдствіе чего профессору Экзегетики и Восточной Словесности приходится занимать слушателей самыми первоначальными толкованіями. Вслѣдствіе этого, совѣтъ Университета, для избѣжанія напрасной траты времени, просилъ Министра на-

---

[372]) См. статью X-ую „Проекта Богословскаго Факультета при Екатеринѣ II“ (въ Вѣстникѣ Европы за ноябрь 1873 года).

[373]) Період. Сочиненія о успѣхахъ народ. просв. № XIX, стр. 224 - 225.

Digitized by Google

значить для незнающихъ еврейскаго языка лишнихъ полтора года, чтобы, съ одной стороны, побудить поступающихъ на богословское отдѣленіе подготовляться въ еврейскомъ языкѣ заранѣе, а съ другой — не выпускать богослововъ слабыхъ въ этомъ языкѣ. Мѣра эта была Министромъ утверждена въ маѣ 1821 года [374]).

Вотъ свѣдѣнія которыя могли мы собрать относительно лицъ обучавшихъ еврейскому языку въ нашихъ духовныхъ учебныхъ учрежденіяхъ:

Въ Кіевской Духовной Академіи первымъ извѣстнымъ преподавателемъ еврейскаго языка былъ *Тодорскій* (въ монашествѣ Симонъ), воспитанникъ той же академіи, болѣе десяти лѣтъ слушавшій лекціи въ иностранныхъ университетахъ на средства Рафаила Заборовскаго; главнымъ образомъ познаніями своими обязанъ былъ онъ іенскому профессору Михаэлису. Въ 1742 году избранъ онъ былъ законоучителемъ православной вѣры къ наслѣднику престола, Петру Феодоровичу. Умеръ въ 1754. Преемникомъ ему по каѳедрѣ еврейскаго языка явился лучшій изъ его учениковъ, іеромонахъ *Лящевскій* (Варлаамъ). Преподавалъ онъ въ 1743 - 1746 годахъ. Въ 1747, Лящевскій, какъ отличный знатокъ греческаго языка, вызванъ былъ Св. Синодомъ въ С.-Петербургъ для пересмотра поправокъ славянской библіи, приготовлявшейся тогда къ изданію. Въ 1751 - 52 еврейскій языкъ преподавалъ *Павинскій* (Іакинѳъ); затѣмъ — священникъ *Крижановскій* (Константинъ). Въ 1758 г. его смѣнилъ священникъ *Павловичъ* (Константинъ); а этого въ 1761 смѣнилъ іеромонахъ *Петолинскій* (Рувимъ), преподававшій до 1765 года. Послѣ того преподавали тотъ же предметъ: студентъ богословія *Злотковскій* (Антонъ), и, въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія — учитель латинской грамматики низшаго класса, *Котловскій* (Адамъ). Въ послѣдніе годы митрополита Самуила (1783 - 1796) и при преемникѣ его митрополитѣ Іерофеѣ, учителемъ еврейскаго языка въ Академіи былъ *Иванишевъ* (Дмитрій). Затѣмъ—священникъ *Шехновскій* (Григорій), студентъ богословія *Гогоцкій* (Сильвестръ), и студентъ же богословія *Игнатовичъ* (Іоакимъ); послѣдній—съ 1808 по 1817 годъ (недавно праздновался 70 - лѣтній юбилей его служебной дѣятельности). Всѣ эти преподаватели излагали правила еврейскаго языка по грамматикѣ Михаэлиса, переведенной съ нѣмецкаго языка на латинскій въ самой академіи; а для переводовъ употреблялась книга Бытія и другія, и руководство Христофора Целлярія „Разговоры домашніе и школь-

---

[374]) Записки Департамента Народн. Просвѣщ. годъ 1822, ч. IV, стр. 158 - 160.

Digitized by Google

ные". Уроковъ еврейскаго языка полагалось по 3 часа въ недѣлю [375]).

По преобразованіи Академіи согласно уставу 1808 года, еврейскій языкъ преподавали въ ней:

Баккалавръ *Максимовичъ* (Александръ Андреевичъ), магистръ и воспитанникъ С.-Петербургской Духовной Академіи; между прочимъ онъ переводилъ со своими слушателями нѣкоторыя замѣчательныя мѣста изъ Талмуда при помощи лексиконовъ Штоккія, Буксторфа и Зелинга. Въ короткое время своего преподаванія — съ сентября 1817 по іюль 1821 — онъ образовалъ нѣсколько хорошихъ гебраистовъ. Преемникомъ его былъ воспитанникъ С.-Петербургской Духовной Академіи, магистръ *Гуляевъ* (Спиридонъ). Съ сентября 1823 преподавать сталъ магистръ *Грузинъ* (Иванъ Дмитріевичъ), воспитанникъ Кіевской Академіи. Послѣ него съ ноября 1827 года — магистръ *Соловьевъ* (Степанъ Ѳедоровичъ), тоже изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи. Въ августѣ 1836 каѳедру еврейскаго языка занялъ профессоръ Кіевской Духовной Семинаріи, воспитанникъ Кіевской Академіи, выпуска 1831 года, магистръ *Максимовичъ* (Иванъ Петровичъ), а по смерти его, въ 1861 году — *Гуляевъ* (Михаилъ Спиридоновичъ), преподававшій до іюля 1866. Наконецъ, въ ноябрѣ 1867 каѳедру еврейскаго языка и библейской археологіи занялъ магистръ Кіевской Академіи *Олесницкій* (Акимъ Алексѣевичъ), который продолжаетъ преподавать и понынѣ [376]).

Въ Московской Духовной Академіи преподаваніе еврейскаго языка началъ іеромонахъ *Блонницкій* (Іаковъ), вызванный туда изъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря въ 1743 году. Обучалъ онъ по руководству Пфейера, а читать положено было „библейскія книги"; впослѣдствіи стала употребляться еврейская на латинскомъ языкѣ грамматика Гемпеля (Lipsiae, 1776). Потомъ преподавалъ учитель *Никитинъ* (Василій), который въ 1765 г. былъ отправленъ въ Англію; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Въ 1772 году былъ опредѣленъ учителемъ еврейскаго и греческаго языковъ *Нау-*

---

[375]) „Исторія Кіев. Академіи", соч. іеромонаха *Макарія Булгакова*. Спб. 1843, стр. 156, и слѣд. *Аскоченскій* „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею". Кіевъ, 1856, ч. II, стр. 160—1, 246, 428, 434, 473-4. *Его же* „Исторія Кіевской духов. Академіи по преобразованіи ея въ 1819 году". Спб. 1863 г. стр. 37, 83, 90. „Собраніе сочиненій Георгія Конискаго", составленное протоіереемъ *Іоанномъ Григоровичемъ*. Спб. 1861.

[376]) „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи 28 сентября 1869 года", Кіевъ, 1869. Стр. 399 - 400; Протоколы Кіевской Духовной Академіи (въ „Трудахъ" ея).

Digitized by Google

мовъ (Иванъ), одинъ изъ тѣхъ студентовъ которые посланы были въ Лейденъ; умеръ іеродіакономъ при Академіи Художествъ въ 1779 году. Послѣ него обучалъ его товарищъ по путешествію, *Антонскій* (Василій); умеръ въ 1777 году [377]). Затѣмъ преподаваніе еврейскаго языка возложено было на воспитанника Московской Академіи *Иванова* (Аѳанасій), епископствовавшаго позже (съ 1788) въ Коломнѣ, Воронежѣ и Екатеринославлѣ; умеръ 1805 году [378]). Преемникомъ Иванова былъ *Гумилевскій* (Моисей), тоже воспитанникъ Московской Академіи, въ 1791 году рукоположенный во епископа Ѳеодосійскаго и Маріупольскаго, а въ слѣдующемъ 1792 убитый. Съ 1785 по 1792 преподавалъ учитель *Протасовъ* (Семенъ); въ 1797 — учитель *Платоновъ* (Ѳедоръ). Съ 1800—учитель *Птицынъ* (Александръ); затѣмъ — учитель же *Платоновъ-Кречетниковъ* (Егоръ) [379]).

По преобразованіи Академіи въ 1814 году, каѳедру еврейскаго языка, въ званіи баккалавра, занялъ *Тяжеловъ* (Арсеній Ивановичъ), магистръ перваго (по уставу 1809 года) выпуска Петербургской Духовной Академіи. Умеръ въ 1855 году въ санѣ протопресвитера московскаго Архангельскаго Собора. Въ 1818 году въ помощь Тяжелову принятъ былъ Академіею кандидатъ перваго ея выпуска іеромонахъ *Тумскій* (Амфилохій). Съ 1820 года, съ выходомъ Тяжелова изъ Академіи, Тумскій остался единственнымъ преподавателемъ по каѳедрѣ еврейскаго языка; но не надолго: его смѣнилъ въ 1822 баккалавръ *Ловцевъ* (Мартинъ Леонтьевичъ) который и оставался въ Академіи до 1827 года, когда поступилъ въ Академію баккалавромъ еврейскаго языка профессоръ Тверской Семинаріи *Богоявленскій* (Иванъ Николаевичъ). Съ 1833 г. каѳедру еврейскаго языка занялъ *Пчелинскій* (Василій Алексѣевичъ), магистръ Петербургской Духовной Академіи. По смерти его въ 1836 году, преподавать еврейскій языкъ приглашенъ былъ въ слѣдующемъ году профессоръ Московской Семинаріи *Рудневъ* (Николай Андреевичъ). Преемникомъ его въ званіи баккалавра еврейскаго языка былъ, съ 1838, *Флоринскій* (Ѳедоръ Васильевичъ), магистръ Московской Академіи. Когда, въ 1842 году, онъ оставилъ Акаде-

---

[377]) *Смирновъ* „Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи". Москва, 1855. Стр. 114, 115.

[378]) *Чистовичъ* „Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи", стр 63; „Проектъ Богословскаго Факультета при Екатеринѣ II" (Вѣстникъ Европы 1873. кн. II, стр. 303, 309, 317).

[379]) *Смирновъ* „Исторія Московской Академіи", I, 355 - 6, 363 - 4, 370 - 1.

Digitized by Google

мію, баккалавромъ еврейскаго языка поступилъ въ нее *Соколовъ* (Александръ Кириловичъ), кандидатъ выпуска 1842 года. Въ 1854 году его смѣнилъ *Смирновъ* (Петръ Алексѣевичъ); а Смирнова, въ 1858 году — *Горскій-Платоновъ* (Павелъ Ивановичъ), магистръ Московской Духовной Академіи, который преподаетъ тамъ еврейскій языкъ, въ званіи экстраординарнаго профессора, и въ настоящее время [380]).

Въ Петербургской Духовной Академіи, первымъ преподавателемъ еврейскаго языка былъ, какъ кажется, *Донатскій* (Александръ) родомъ иностранецъ. Затѣмъ — *Гуриновскій* (Петръ, въ монашествѣ Парѳеній), изъ воспитанниковъ Московской Академіи и Учительской Гимназіи. Въ Петербургскую Академію принятъ онъ былъ преподавателемъ еврейскаго и греческаго языковъ въ 1800 году, а черезъ четыре года произведенъ въ архимандриты и опредѣленъ ректоромъ Пермской Семинаріи. Преемникъ его былъ *Бедринскій* (Ермолай Ивановичъ), получившій воспитаніе въ С.-Петербургской Академіи, куда поступилъ изъ Харьковскаго Коллегіума. Въ 1807 году назначенъ былъ онъ священникомъ въ православную церковь русскаго посольства въ Парижѣ. Скончался въ Гагѣ въ 1833. Въ 1807 - 1808 годахъ еврейскую каѳедру занималъ въ Академіи *Зихерманъ* (Іосифъ), природный еврей, а подъ его руководствомъ занимался со студентами бывшій воспитанникъ Академіи иподіаконъ *Александровъ* (Петръ) [381]).

Съ преобразованіемъ духовныхъ академій по уставу 1808 года, для преподаванія еврейскаго языка въ Петербургскую Академію вызванъ былъ изъ Берлина *Фесслеръ* (Игнатій), получившій образованіе въ училищѣ ордена капуциновъ и затѣмъ занимавшій каѳедру восточныхъ языковъ во Львовскомъ Университетѣ. Преподавалъ онъ у насъ всего съ января 1810 по іюнь того же года. Скончался суперъ-интендентомъ и предсѣдателемъ Саратовской Евангелической Консисторіи въ 1839 году, 83-хъ лѣтъ отъ роду [382]). Преемникомъ Фесслеру назначенъ былъ *фонъ-Горнъ* (Іоганъ), воспитанникъ Галльскаго Университета. Въ Россію прибылъ онъ въ 1804 году и поступилъ въ Дерптскій Университетъ профессоромъ богословія и церковной исторіи, въ Академію-же перешелъ оттуда въ

---

[380]) *С. Смирновъ* „Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія (1814 - 1870)“. М. 1879. стр. 59 - 61, 402 - 404.

[381]) *Чистовичъ*, Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи. Спб. 1857. 134 - 139.

[382]) Тамъ же, стр. 249 - 30; статья *П. М.* Изъ „Прошлаго“ (Русскій Вѣстникъ за апрѣль 1868, стр. 504 - 508).

Digitized by Google

1810, и еврейскій языкъ преподавалъ въ ней по 1814 годъ [383]), объясняя Ветхій Завѣтъ грамматически и филологически, на основаніи сравнительнаго языкознанія [384]). Подъ руководствомъ его образовался и замѣстившій учителя своего баккалавръ *Павскій* (Герасимъ Петровичъ). Родился онъ въ 1787 году въ Павскомъ погостѣ Лугскаго уѣзда С.-Петербургской губерніи, а воспитаніе получилъ въ Александроневской Семинаріи, гдѣ и началъ изучать еврейскій языкъ, а затѣмъ въ Академіи, въ которой окончилъ курсъ первымъ ученикомъ перваго выпуска со степенью магистра, въ 1814 году. Павскій сильно подвинулъ изученія еврейскаго языка въ Академіи, такъ что на лекціи его стали сходиться даже и тѣ студенты которые не обязаны были къ тому. Возбуждая въ своихъ слушателяхъ неослабное вниманіе, Павскій умѣлъ заинтересовать ихъ своимъ предметомъ. Курсъ начиналъ онъ съ изложенія основныхъ правилъ грамматики, какъ можно кратче, но ясно; при этомъ, частымъ чтеніемъ вслухъ, старался онъ утвердить въ памяти слушателей правила произношенія и правописанія. Въ слѣдующіе мѣсяцы — по прежнему чтеніе, но уже съ болѣе подробными правилами грамматики, которыя выводились изъ чтенія. Для этого Павскій объяснялъ легчайшую по конструкціи священную книгу— книгу Бытія. Далѣе излагалъ правила словосочиненія, причемъ назначались иногда переводы съ русскаго на еврейскій. Остальное время употреблялось на объясненіе трудныхъ поэтическихъ произведеній: пѣсенъ Моисея, пѣсни Девворы и Варака, пѣсни Анны, матери Самуила, и нѣкоторыхъ избранныхъ псалмовъ. Изъ пророческихъ книгъ, Павскій останавливался главнымъ образомъ на пророкѣ Исаіи, и посвящалъ особенное вниманіе книгѣ Іова, отличающейся, какъ извѣстно, темнотою изложенія и мысли. При полномъ владѣніи предметомъ и строгой научности своего преподаванія, Павскій образовалъ много отличныхъ наставниковъ не только для семинарій, но и для академій. Въ 1818 году, за свои труды по еврейскому языку (имъ напечатаны грамматика и хрестоматія) произведенъ онъ былъ въ профессоры, а въ 1821-мъ возведенъ въ степень доктора православнаго богословія. Изъ Академіи вышелъ въ 1835, опредѣленный настоятелемъ церкви Таврическаго Дворца. Скончался 7 апрѣля 1863 года [385]).

---

[383]) *Чистовичъ* „Исторія Спб. Дух. Академіи". Стр. 250-1.

[384]) Тамъ же, стр. 215-6.

[385]) *Чистовичъ* „Исторія С.-Петерб. Дух. Академіи", стр. 350-4; *С. В. Протопоповъ* „Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій" — біографическій очеркъ. Спб. 1876; *Погодинъ* „Напоминаніе о Павскомъ" (Русскій Архивъ

Digitized by Google

Опроставшаяся вакансія была замѣщена протоіереемъ *Ивановымъ* (Иванъ Ивановичь), но не надолго: замѣнилъ его еврей В. А. *Левисонъ*, воспитанникъ сперва іудейскаго университета во Франкфуртѣ, а потомъ христіанскихъ въ Геттингенѣ и Вюрцбургѣ; въ 1839 году прибылъ онъ въ Петербургъ и, по принятіи православной вѣры въ сентябрѣ 1840, опредѣленъ въ Академію преподавателемъ еврейскаго языка съ званіемъ экстраординаго профессора [386]). Въ настоящее время преподаетъ его тамъ тоже природный еврей, *Д. А. Хвольсонъ* [387]).

Въ Казанской Духовной Академіи, первымъ преподавателемъ еврейскаго языка, по открытіи оной, былъ священникъ *Капонеровъ* (Яковъ), состоявшій въ этой должности по августъ 1802. Съ сентября того года его замѣнилъ также священникъ — *Мироносицкій* (Андрей Ивановичь), изъ воспитанниковъ самой академіи. Онъ оставался въ Академіи до ея закрытія въ 1818 году, когда, „за отличное знаніе имъ еврейскаго языка", былъ оставленъ Комитетомъ Духовныхъ Училищъ на службѣ въ преобразованной изъ Академіи семинаріи по каѳедрѣ того же языка. Курсъ этого языка въ Академіи продолжался до этого 4 года, и былъ обязателенъ для студентовъ богословія и философіи. Уроковъ было сначала по 6, а послѣ — по 4. Лекціи Мироносицкаго были такъ привлекательны что посѣщались нѣкоторыми учениками изъ риторики и поэзіи; переводили изъ Пятикнижія, изъ книги Іова, изъ пророка Исаіи, съ филологическимъ разборомъ и съ показаніемъ особенныхъ нарѣчій священнаго языка; съ еврейскаго-же на русскій, и наоборотъ, переводили также избранныя мѣста изъ Священнаго Писанія по христоматіи Павскаго. При изученіи правилъ языка руководились грамматиками Ѳедора Ромъ, Опиція, Лангія и лексикономъ Буксторфа [388]).

Со вторичнымъ открытіемъ Академіи въ Казани, въ ней сталъ преподавать (съ 1848) еврейскій языкъ *Елисеевъ* (Григорій Захаровичь) изъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи. По увольненіи его въ 1854 изъ духовноучилишной службы, нѣкоторое время Академія не имѣла штатнаго профессора по каѳедрѣ еврейскаго языка; преподавали-же его временно: сперва—*Н. И. Ильмин-*

1870 г. стр. 1948 - 1951); „Петерб. Духовная Академія" статья Р. С. (въ Вѣстникѣ Европы за 1872 г.)

[386]) *Чистовичъ* „Исторія С.-Петер. Дух. Акад." стр. 354 - 5, и Пет. Дух. Акад. статья Р. С.

[387]) См. о немъ ниже.

[388]) *А. Благовѣщенскій* „Исторія Старой Казанской Духовной Академіи", стр. 113.

Digitized by Google

скій, а потомъ—*Г. С. Саблуковъ*. Затѣмъ каѳедра эта была замѣщена соборнымъ іеромонахомъ *Полетаевымъ* (Григорій), воспитанникомъ самой академіи [389]), а по оставленіи имъ Академіи, въ 1867 году — *Е. А. Маловымъ*, который преподаетъ и въ настоящее время. Въ руководство при этомъ принимается грамматика Гезеніуса въ передѣлкѣ профессора Коссовича.

Изъ семинарій, въ *Троицкой-Лаврской* обученіе еврейскому языку началось въ концѣ 1744 года, когда преподавателемъ его былъ опредѣленъ *Паскевичъ* (Іаковъ Федоровичъ, въ монашествѣ Иннокентій), сдѣлавшійся въ 1753 келаремъ Лавры. Смѣнилъ его съ 1758 года *Постниковъ* (Петръ, въ монашествѣ Парѳеній), назначенный впослѣдствіи префектомъ и ректоромъ Семинаріи (умеръ въ августѣ 1766). Въ сентябрѣ 1763 учителемъ еврейскаго языка опредѣленъ былъ воспитанникъ самой семинаріи *Тененевъ* (Петръ въ монашествѣ Поликарпъ); по увольненіи его отъ службы въ 1767, на туже должность опредѣленъ *Подобѣдовъ* (Андрей, въ монашествѣ Амвросій), впослѣдствіи знаменитый митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій (скончался въ 1818 году). Въ Троицкой Семинаріи ему, въ 1769 году, данъ былъ для еврейскаго языка помощникъ въ лицѣ природнаго еврея, принявшаго православіе, игумена Варлаама. Этому игумену поручено было переводить по два или по три дня въ недѣлю изъ Библіи съ изъясненіемъ трудныхъ словъ, корней и собственныхъ значеній, преимущественно съ тѣми учениками которые больше другихъ успѣли въ еврейскомъ языкѣ, потому что „недовольно обучившихся оный игуменъ обучать за незнаніемъ резолюціи по грамматикѣ признается неспособнымъ". Амвросія Подобѣдова смѣнилъ, съ осени 1770, воспитанникъ же Троицкой Семинаріи *Чижевскій* (Гавріилъ, въ монашествѣ Эпифаній), учительствовавшій по 1776 годъ. Преемникомъ его былъ опять воспитанникъ Троицкой Семинаріи, *Замыцкій* (Григорій, въ монашествѣ Гедеонъ). По вызовѣ его, въ 1782 году, въ С.-Петербургъ, должность его занялъ *Смирновъ* (Меѳодій), окончившій курсъ въ Московской Дух. Академіи. Онъ ввелъ новую методу въ преподаваніе своего предмета: переведенные и объясненные имъ стихи онъ заставлялъ учениковъ заучивать наизусть. Умеръ въ 1815 году, псковскимъ архіепископомъ. Съ 1792 по 1795 преподавалъ воспитанникъ Троицкой Семинаріи, *Никольскій* (Яковъ Дмитріевичъ). Въ помощь Никольскому принятъ былъ въ 1792 году крещеный еврей *Матвѣевъ* (Яковъ); такъ какъ онъ не

---

[389]) *Гвоздевъ* „25-лѣтіе Казан. Дух. Академіи".

Digitized by Google

зналъ грамматики, то ему поручено было учить учениковъ только читать и писать. Въ началѣ текущаго столѣтія архимандритъ Платонъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы „изъ обучающихся еврейскому языку философовъ понятныхъ и къ еврейскому языку другихъ склоннѣйшихъ отобравъ трехъ, обучать ихъ единственно еврейскому языку (т. е. не уча другимъ языкамъ), съ тѣмъ чтобъ они по еврейски никакъ не хуже знали, какъ лучшій успѣвшій въ греческомъ языкѣ". Съ 1803 по 1806 г. еврейскій языкъ преподавалъ *Дроздовъ* (Филаретъ), знаменитый впослѣдствіи митрополитъ московскій. Послѣ него, съ 1809 года—*Клементьевскій* (Николай, въ монашествѣ Никаноръ) изъ воспитанниковъ Троицкой Семинаріи, также окончившій жизнь въ санѣ митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго. Умеръ въ 1856 году. Послѣ него, преподаваніе еврейскаго языка возложено было, въ 1812 году, на брата его, *Клементьевскаго - Платонова* (Ивана) [390]).

Первые преподаватели еврейскаго языка въ *Казанской Духовной Семинаріи* мнѣ неизвѣстны. Съ октября 1818 года языкъ этотъ сталъ преподавать *А. И. Мироносицкій*. Въ 1820, на каѳедру эту былъ опредѣленъ *Талантовъ* (Флегонтъ Тихоновичь), воспитанникъ Московской Духовной Академіи, который и занималъ ее до 1847 года [391]). Затѣмъ, въ 1860-хъ годахъ, еврейскій языкъ преподавалъ въ Семинаріи священникъ *Переверзевъ* (Никандръ Александровичь [392]).

Изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, первое мѣсто по изученію еврейскаго языка принадлежитъ Дерптскому Университету. Сюда на каѳедру экзегетики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, восточныхъ языковъ, еще до открытія Университета, въ сентябрѣ 1801 года, вызванъ былъ извѣстный въ то время орьенталистъ *Гецель* (Вильгельмъ-Фридрихъ), бывшій профессоромъ въ Гиссенѣ. Онъ славился болѣе какъ знатокъ семитическихъ языковъ, чѣмъ ученый богословъ; но и на поприщѣ орьентализма онъ ничего почти не сдѣлалъ для науки, а показалъ себя только искуснымъ и дѣльнымъ преподавателемъ, и издалъ нѣсколько учебниковъ по языкамъ еврейскому, арабскому и сирійскому. Съ конца 1813 года оставался онъ исключительно преподавателемъ восточныхъ языковъ. Съ выходомъ его въ отставку (умеръ въ Дерптѣ въ 1824 году) въ 1820 году [393]),

---

[390]) *Смирновъ*, Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи.

[391]) Извѣстія по Казанской Епархіи за 1869 г. № 10.

[392]) Памятная книжка Казанской Губерніи на 1867 годъ.

[393]) Період. Сочин.; Обзоръ дѣят. Дерп. Унив. стр. 158 - 160; Schriftsteller Lexicon, *Напьерскаго*.

Digitized by Google

преподаваніе еврейскаго языка перешло къ *Генци* (Самуилъ-Готлибъ) изъ Берна, ученику Сильвестра де-Саси. Онъ также былъ болѣе орьенталистъ чѣмъ богословъ. Умеръ въ 1829 году [394]). Занять опроставшуюся такимъ образомъ каѳедру приглашенъ былъ, въ томъ же году, изъ Берлина, *Клейнертъ* (Адольфъ-Фридрихъ), бывшій тамъ частнымъ преподавателемъ. По смерти его въ 1834 году [395]), Университетъ цѣлыхъ четыре года пріискивалъ за границей орьенталиста, который могъ бы занять каѳедру экзегетики въ Университетѣ. Кончились поиски тѣмъ что въ 1838 году, профессоромъ по этой каѳедрѣ утвержденъ былъ воспитанникъ Дерптскаго и Берлинскаго университетовъ, *Кейль* (Карлъ-Фридрихъ). Въ 1858, за выслугою 25-тилѣтія, былъ онъ уволенъ отъ должности [396]), а на вакантную каѳедру перемѣщенъ, съ каѳедры церковной исторіи, *Куртцъ* (Іоаннъ-Генрихъ) [397]).

Съ открытіемъ, въ 1861 году, особой каѳедры восточныхъ языковъ, для занятія ея Университетъ, въ декабрѣ того же года, пригласилъ штатнымъ преподавателемъ, для обученія семитическимъ и санскритскому языкамъ, *Фолька* (Вильгельмъ), изучавшаго богословіе въ Эрлангенѣ, а восточные языки у Шпигеля тамъ же, и у Флейшера въ Лейпцигѣ [398]). Означенную каѳедру занимаетъ онъ и въ настоящее время.

Въ Петербургскомъ Университетѣ еврейскій языкъ сталъ преподаваться лишь съ образованія Факультета Восточныхъ Языковъ, въ которомъ возникла особая каѳедра еврейскаго языка, которую занялъ тогда и занимаетъ до сихъ поръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ семитологовъ настоящаго времени — *Хвольсонъ* (Даніилъ Абрамовичъ). Получивъ въ еврейскихъ школахъ то спеціальное образованіе которое тамъ дается, онъ съ необыкновенною энергіею сталъ подготовлять себя къ общему университетскому, и въ 1844 году поступилъ въ Бреславскій Университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1848 году. Степень доктора философіи получилъ онъ въ 1850 отъ Лейпцигскаго Университета. Возвратясь въ Россію, Д. А. поселился въ Петербургѣ и, принявъ Пра-

---

[394]) Обзоръ дѣят. Дерпт. Университета.

[395]) Ж. Мин. Нар. Просв. 1834 г. ч. 4, стр. 272; Обзоръ дѣят. Дерпт. Унив. стр. 161.

[396]) Обзоръ дѣят. Дерпт. Унив. стр. 162; Ж. М. Нар. Пр. 1834 г. ч. 1 отд. I, стр. XLVI; ч. 23, III, 18.

[397]) Обзоръ дѣят. Дерпт. Университета.

[398]) Обзоръ дѣят. Дерпт. Унив. стр. 141-142, 166; Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 113, I.

Digitized by Google

вославіе, былъ допущенъ въ Университетъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ еврейской словесности, по которой въ 1870 и былъ утвержденъ ординарнымъ. Обыкновенно преподаваніе его заключается въ томъ, что послѣ объясненія слушателямъ грамматики еврейскаго языка, переходитъ онъ къ толкованію книгъ Ветхаго Завѣта и объясненію еврейскихъ сочиненій на еврейскомъ и арабскомъ языкѣ; затѣмъ читаетъ „Введеніе въ изученіе симитскихъ языковъ вообще и еврейскаго въ особенности". Въ этомъ „введеніи" излагаетъ онъ общую характеристику симитскихъ языковъ, ихъ отношенія къ арійскимъ и между собою, исторію ихъ развитія, и въ особенности исторію разработки еврейскаго языка. Въ-заключеніе читаетъ исторію Евреевъ [399]). Съ 1863 года Д. А. сталъ преподавать вновь введенные тогда языки: сирійскій и халдейскій.

Въ университетахъ *Харьковскомъ*, *Московскомъ* и *Казанскомъ*, по отсутствію штатной каѳедры еврейскаго языка, читался онъ частнымъ образомъ преподавателями другихъ восточныхъ языковъ: въ Харьковскомъ—*Бэрендтомъ* (Иванъ Богдановичъ), въ 1805—1806 годахъ [400]); въ Московскомъ—*Болдыревымъ* (А. В.) съ 1811-12 учебнаго года [401]) до увольненія его отъ службы въ 1836, и потомъ *Петровымъ* (П. Я.), съ 1852 до кончины его въ 1875-мъ [402]); въ Казанскомъ—*Френомъ* (Х. Д.), въ 1810-хъ годахъ [403]). О лицахъ занимавшихъ каѳедру еврейскаго языка въ Александровскомъ (Гельсингфорскомъ) Университетѣ не можемъ мы ничего сообщить.

[Изъ многочисленныхъ преподавателей еврейскаго языка въ отечественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, пособія къ изученію этого языка, и то самыя элементарныя (коротенькую грамматику и тощенькую хрестоматію) издалъ, какъ видѣли мы, только Павскій, болѣе 50-ти лѣтъ тому. Но не великъ запасъ этихъ пособій, особенно хорошихъ, и вообще въ нашей литературѣ, даже благодаря трудамъ русскихъ Евреевъ. Вотъ списокъ извѣстныхъ намъ:

Еврейская грамматика, изданная *Яковомъ Пожарскимъ* въ пользу любящихъ священный языкъ. Спб. 1824.

Еврейско-русскій Словарь. Спб. 1859. } изданы Министерств.
Русско-еврейскій Словарь. Спб. 1860. } Народн. Просвѣщенія.

---

[399]) *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Университетъ, стр. 278 280; Годичный актъ въ И. С.-Пет. Унив. 1866 г. стр. 12, 30-31; Протоколы Совѣта, № 4; Ж. М. Нар. Пр. ч. 88, I, 12; ч. 131, I, 24.

[400]) Шевырева, Исторія Моск. Унив. стр. 407 и 449.

[401]) Ж. М. Н. Пр. 1856, ч. 90, I, 43; 1858, ч. 99, I, 19.

[402]) См. ниже.

[403]) Ж. М. Н. Пр. за 1855 г. ч. 87.

Digitized by Google

Учебникъ древне-еврейскаго языка для караимскихъ школъ. *П. Казазъ*. Одесса, 1869. Двѣ части.

Еврейская грамматика. Пунктуація и словопроизведеніе. *П. Бейлинъ* и *Немзеръ*. Вильно (было два изданія).

Руководство къ изученію языка Мишны, *А. Гейгера*; перевелъ съ нѣмецкаго и дополнилъ *Ю. Бардахъ*. Одесса, 1870.

Месилатъ Галимудъ, или руководство къ начальному изученію еврейскаго языка Л. Бенъ-Зеева. Ч. I. Перевелъ на русскій *А. Паперна*. Варшава, 1871.

Полный курсъ еврейской грамматики, для систематическаго изученія языка Ветхаго Завѣта, его исторіи, этимологіи и синтаксиса. *О. Н. Штейнбергъ*. Вильно, 1871.

Учебникъ халдейскаго языка Ветхаго Завѣта и его толкователей, съ разборомъ образцовыхъ мѣстъ. *О. Н. Штейнберга*. Вильно, 1872.

Еврейская грамматика В. Гезеніуса, Переводъ профессора *К. Коссовича*. Изд. Св. Синода. Спб. 1874.

Еврейская хрестоматія со ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ, составленная профессоромъ *К. Коссовичемъ*. Изд. Св. Синода. Спб. 1875.

Еврейско-русскій словарь изъ еврейской грамматики Зеффера. Спб. 1875.

Новая метода. Элементарное руководство къ легчайшему и скорѣйшему изученію древне-еврейскаго языка, преимущественно молитвеннаго. Сост. по Троллеру, Гольдбергеру и др. *Михаилъ Вольперъ*. Ч. I. Вильно, 1875.

Практическое руководство къ изученію древне-еврейскаго языка сравнительно съ русскимъ. *Р. Клячко*. Варшава, 1876.

Еврейскій и халдейскій этимологическій словарь къ книгамъ Ветхаго Завѣта, составленный *О. Н. Штейнбергомъ*. Вильна, 1878.

Впрочемъ, списокъ этотъ, имѣемъ основанія полагать, не полонъ. *Прим. ред.*]

VII. Арабскій Языкъ.

На арабскій языкъ, на его значеніе среди другихъ мусульманскихъ языковъ, имѣлся у насъ правильный взглядъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вниманіе нашего правительства было обращено на эти языки. Петръ Великій наказывалъ, въ 1716 году, отправить въ Персію при посланникѣ Волынскомъ учениковъ для изученія, вмѣстѣ съ турецкимъ и персидскимъ, и языка араб-

Digitized by Google

скаго [404]). Екатерина Великая, въ указѣ „Коммисіи о учрежденіи народныхъ училищъ“ (1782), предписывала ввести преподаваніе, кромѣ языковъ татарскаго и персидскаго, еще арабскаго въ школахъ „тѣхъ губерній, которыя лежатъ въ сторонѣ татарской, персидской и бухарской, такъ какъ отъ арабскаго всѣ въ той сторонѣ употребляемые діалекты имѣютъ свое происхожденіе и посредствомъ котораго можно будетъ завести лучшихъ переводчиковъ во всѣхъ сихъ языкахъ, нежели до сего времени мы ихъ имѣемъ“ [405]). Не смотря на то, послѣ указа Екатерины Великой не было у насъ рѣчи объ арабскомъ языкѣ до университетскаго устава 1804 года, когда изученіе этого языка упрочено было введеніемъ его въ число университетскихъ предметовъ. Позже началось преподаваніе его и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

На первое время замѣстить въ трехъ университетахъ (Московскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ) вновь учрежденныя каѳедры восточныхъ языковъ кѣмъ-либо изъ своихъ орьенталистовъ, не имѣлось возможности — по крайней мѣрѣ относительно арабскаго языка: таковыхъ у насъ въ то время не оказывалось; почему, волей-неволей, пришлось обратиться за ними въ Западную Европу, гдѣ въ то время было нѣсколько знаменитыхъ арабистовъ, отъ которыхъ выходили отличнѣйшіе ученики. Правительство наше и обратилось къ германскому ученому, профессору Ростокскаго Университета Тихсену [406]), съ просьбою рекомендовать одного изъ своихъ учениковъ на каѳедру арабскаго и персидскаго языковъ, на первый разъ для Казанскаго Университета. Выборъ Тихсена палъ на ученика его и друга, *Френа* (Христіанъ-Мартынъ, по-русски Христіанъ Даниловичъ), который, еще 22-хъ лѣтъ отъ роду, обнаружилъ уже обширныя познанія въ семитическихъ языкахъ двумя сочиненіями, изъ которыхъ одно и доставило ему отъ Ростокскаго Университета степень доктора богословія и философіи. Въ концѣ лѣта 1807 года Френъ прибылъ въ Россію, и былъ прямо опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ въ *Казанскій Университетъ* по каѳедрѣ языковъ арабскаго и персидскаго. Такой ученый, какъ Френъ, былъ для насъ истинной находкой; но, къ сожалѣнію, его преподавательская дѣятельность въ Казани не принесла тѣхъ плодовъ, какихъ можно было ожидать. Главная тому причина заключалась въ незнаніи имъ русскаго языка.

---

[404]) Полное Собр. Зак. Рос. Имперіи, № 2978.

[405]) Тамъ же, № 15523.

[406]) См. о немъ въ сочиненіи *Гартмана* „Oluf Gerhard Tychsen, oder Wanderungen durch die mannigfaltigsten Gebiete der biblisch-asiatischen Literatur“. Bremen, 1818—1820. B. II.

Digitized by Google

Френъ могъ читать свои лекціи или на нѣмецкомъ, или на латинскомъ; но его слушатели не настолько были сильны въ нихъ, чтобы вполнѣ понимать своего профессора. Съ другой стороны, Казань была бѣдна учебными пособіями; профессору приходилось довольствоваться тѣмъ, что находилось подъ рукою, да что имѣлось въ его собственной библіотекѣ. Впослѣдствіи Френъ обогатилъ Казанскій Университетъ и восточными книгами, и рукописями. Своимъ немногочисленнымъ слушателямъ объяснялъ онъ арабскихъ авторовъ, и знакомилъ ихъ съ арабской палеографіей, преимущественно по монетамъ хановъ Золотой-Орды. Дослуживъ десятилѣтіе, Френъ, въ 1817 году, вышелъ въ отставку и былъ, потомъ, опредѣленъ академикомъ въ Академію Наукъ [407]); на каѳедру-же восточныхъ языковъ въ Казани, по рекомендаціи Френа, приглашенъ былъ изъ Ростока же (такъ какъ Френъ не подготовилъ себѣ преемника)—

Эрдманъ (Францъ, по-русски Федоръ Ивановичь), который и прибылъ въ Казань въ августѣ 1818 года. Ему пришлось испытать тоже, что испыталъ въ началѣ Френъ: слушатели не понимали своего профессора, изъяснявшагося по-нѣмецки и по-латыни. Трое студентовъ, обучавшіеся арабскому (вмѣстѣ съ персидскимъ), оставили черезъ годъ лекціи Эрдмана; ихъ замѣнилъ единственный слушатель, нѣмецъ. Только впослѣдствіи число слушателей у Эрдмана нѣсколько увеличилось. Но если бы эти - послѣдніе и отлично понимали его, толку отъ того большаго не было-бы: до такой степени былъ онъ надуто-педантиченъ и, при гелертерской внѣшности, малознающъ и безтолковъ. Френъ сильно раскаявался потомъ что наградилъ Казанскій Университетъ такою архи-бездарною личностію [408]). Студентамъ высшихъ курсовъ объяснялъ Эрдманъ избранныя суры изъ Корана, моаллаку Имръ-уль-Кейса, третью и седьмую бесѣды Харири, отрывки изъ Тысячи и Одной Ночи, изъ сочиненій Ибнъ-Халлекана, Суюти, Гамадани, Абульфеды, Макризи, Ибнъ-Арабшаха; переводилъ дипломатическіе договоры и письма относящіяся ко временамъ крестовыхъ походовъ, читалъ исторію арабской литературы и арабскую просодію; заходилъ, по примѣру Френа, и въ область мухаммеданской нумизматики. До

---

[407]) *Савельевъ* „О жизни и ученыхъ трудахъ Френа“ (во II т. Трудовъ Вост. отд. И. Археологич. Общества); ***Ковалевскій***, Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ Университетѣ. Казань, 1842. стр. 7 - 8.

[408]) О бездарности этой свидѣтельствуютъ всѣ, довольно многочисленныя, изданія Эрдмана; но въ-особенности осрамилъ онъ себя своими нумизматическими трудами. *Прим. ред.*

Digitized by Google

1833 года имѣлъ онъ по одной лекціи въ недѣлю, затѣмъ по двѣ и, наконецъ, по четыре лекціи. Въ 1845 году былъ уволенъ отъ должности профессора, и вскорѣ затѣмъ назначенъ директоромъ училищъ Новгородской губерніи; умеръ въ 1863 году [409]).

Въ помощь Эрдману, въ 1826 году, принятъ былъ въ Университетъ, въ званіи лектора арабскаго языка, *А. К. Казембекъ*, который въ первыхъ курсахъ сталъ излагать арабскую грамматику по Ричардсону, и переводить изъ Корана и христоматіи С. де-Саси. За выходомъ изъ Университета Эрдмана, Казембекъ занялъ его каѳедру и сталъ читать въ высшихъ курсахъ. Въ нихъ онъ объяснялъ „Бурдэ“ съ толкованіемъ Али-Алькари, и избранныя мѣста изъ Харири и другихъ трудныхъ арабскихъ авторовъ; кромѣ того читалъ исторію мусульманской литературы—всего по 3 лекціи въ въ недѣлю [410]). Въ 1848 году былъ онъ переведенъ въ С.-Петербургскій Университетъ, а преемникомъ ему явился, съ осени 1849, *Готвальдъ* (Осипъ Федоровичъ), иностранный докторъ, состоявшій до того при Императорской Публичной Библіотекѣ (съ 1841), и потомъ проходившій службу въ разныхъ должностяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Слушателямъ своимъ излагалъ О. Ф. этимологію и синтаксисъ арабскаго языка, и затѣмъ переводилъ изъ Хюласетъ-уль-Халисэ, изъ Корана, изъ Хаммасы, моаллаку Тарафы, бесѣды Харири, отрывки изъ Фахръ-эд-Дина Рази, изъ Макризи; читалъ исторію Аравитянъ и исторію арабской литературы по де Саси и Гаммеру—всего отъ 5 до 7 лекцій въ недѣлю [411]). По закрытіи въ Казани Восточнаго Отдѣленія, остался при Университетѣ библіотекаремъ и директоромъ типографіи.

Въ низшихъ курсахъ арабскій языкъ объясняли другіе преподаватели, преимущественно тѣмъ студентамъ которые, до поступленія въ Университетъ, не занимались этимъ предметомъ, а именно: лекторъ *Сонинъ* (Николай Дмитріевичъ), крещенный персіянинъ родомъ изъ Кашана — съ 1837 по 1846 годъ; кандидатъ арабско-персидской словесности Казанскаго Университета *Жуковъ* (Иванъ) — съ 1843; кандидатъ того же университета *Навроцкій* (Михаилъ Тимофеевичъ — съ 1847; кандидатъ того же Университета *Ивановъ* — съ 1849; помощникъ инспектора студентовъ *Холмогоровъ* (Иванъ Николаевичъ), состоявшій раньше учителемъ персидскаго языка

---

[409]) *Фойгтъ* „Обозрѣніе“, стр. 9 - 10, и *его же* „Отчеты“; Ж. М. Нар. Пр. ч. 87, III, 4; ч. 88, I, 13.

[410]) *Фойгтъ* „Отчеты“, стр. 45.

[411]) *Фойгтъ* „Обозрѣніе“, 10; Ж. М. Нар. Пр. ч. 66, I, 70; Протоколы Совѣта Каз. Унив. за 1868 г.

Digitized by Google

въ Астраханской Гимназіи — съ 1850; и аравитянинъ изъ Мекки *Ахмедъ Ибнъ-Хусейнъ* — съ 1853. Всѣ они проходили грамматику арабскаго языка по Розенмюллеру и де-Саси, и переводили изъ Корана и христоматіи Болдырева [412]). Когда, въ 1861 году, арабскій языкъ вновь рѣшено было преподавать въ Казанскомъ Университетѣ, на каѳедру эту опредѣленъ былъ помянутый уже выше *И. Н. Холмогоровъ*. Кромѣ изложенія грамматики и упражненія въ переводахъ, онъ читалъ еще исторію Восточнаго Халифата—всего по 5 часовъ въ недѣлю. Уволенъ былъ, за выслугою лѣтъ на пенсію, въ 1868 году [413]).

Въ *Московскомъ* Университетѣ первымъ преподавателемъ арабскаго языка былъ *Болдыревъ* (Алексѣй Васильевичъ), сынъ штабъ-лекаря, род. въ мартѣ 1780. Въ 1805 получилъ онъ въ Московскомъ Университетѣ степень кандидата, а въ слѣдующемъ — магистра философіи и свободныхъ наукъ. Въ то же время, за поднесеніе Государю еврейской грамматики, награжденъ былъ золотою табакеркою, послѣ чего Университетъ отправилъ его за границу для изученія восточныхъ языковъ. Возвратясь въ Москву въ 1811 году, Болдыревъ опредѣленъ былъ въ Университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ восточныхъ языковъ, а въ 1818-мъ возведенъ въ ординарные профессора. Онъ издалъ первую на русскомъ языкѣ краткую грамматику арабскаго языка, и очень хорошую христоматію со словаремъ, которою долго пользовались у насъ почти всѣ преподаватели арабскаго языка. Въ 1837 году, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ каѳедрою, Болдыревъ долженъ былъ оставить Университетъ; умеръ въ отставкѣ, въ августѣ 1842 [414]). Съ 1828 - 29 учебнаго года помощникомъ Болдыреву явился кандидатъ Московскаго Университета *Коркуновъ* (Михаилъ Андреевичъ), уроженецъ г. Перми; но въ Университетѣ преподавателемъ арабскаго языка оставался онъ не долго [415]) и былъ вскорѣ замѣщенъ другимъ кандидатомъ того же университета, *Коноплевымъ* (Николай Гавриловичъ), изъ купеческаго званія. Удостоенный въ 1826 году означенной степени, отправленъ онъ былъ, черезъ два года, по Высочайшему повелѣнію, въ С.-Петербургскій

---

[412]) Отчеты Казан. Унив. за 1854 - 55 гг.; Извѣстія Казан. Унив. за 1865 г.

[413]) Протоколы Сов. Каз. Унив. за 1868 г.

[414]) *Шевырева* Исторія Москов. Университета. М. 1855, стр. 407, 419; Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей И. Москов. Унив. М. 1855, стр. 95 - 96.

[415]) Біограф. словарь проф. и препод. стр. 423 - 425; Ист. Моск. Унив. стр. 553.

Digitized by Google

Университетъ для изученія тамъ восточныхъ языковъ подъ руководствомъ профессора Сенковскаго, послѣ чего посланъ, въ 1832, на Востокъ для усовершенствованія въ этихъ языкахъ. По возвращеніи, лекціи арабскаго языка въ Московскомъ Университетѣ началъ онъ съ 1833 - 34 уч. года; но въ 1837-мъ долженъ былъ прекратить ихъ, такъ какъ съ этого года каѳедра восточныхъ языковъ въ Московскомъ Университетѣ была закрыта. По открытіи ея вновь, въ 1852 году, сталъ преподаваться арабскій языкъ *П. Я. Петровымъ*, перешедшимъ туда изъ Казани. Въ 1856-мъ преподаваніе его было опять прекращено, а въ 1858-мъ вновь разрѣшено, такъ такъ Петровъ вызвался преподавать арабскій языкъ (вмѣстѣ съ персидскимъ и еврейскимъ) безвозмездно тѣмъ студентамъ, которые пожелаютъ заниматься этими языками [416]). Въ 1875, за выходомъ Петрова въ отставку, преподаваніе арабскаго языка въ Московскомъ Университетѣ прекратилось само собою.

Въ *Харьковскомъ* Университетѣ первымъ и единственнымъ преподавателемъ арабскаго языка былъ мно: оуважаемый нынѣ академикъ нашъ *Дорнъ* (Бернгардъ, по-русски Борисъ Андреевичъ) родомъ изъ Саксенъ-Кобурга. Пристрастившись къ восточнымъ языкамъ, по этой спеціальности и опредѣлился онъ приватъ-доцентомъ въ Лейпцигскій Университетъ, послѣ чего два года (1827 — 1829) знакомился съ восточными рукописями въ Лондонѣ. Въ Харьковъ прибылъ онъ въ октябрѣ 1829, и во все время пребыванія въ тамошнемъ университетѣ слушателей своихъ знакомилъ съ арабскимъ языкомъ по христоматіи Болдырева [417]).

Девять лѣтъ прошло уже какъ арабскій языкъ сталъ преподаваться въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, но своихъ арабистовъ все еще у насъ не оказывалось. Когда въ высшемъ общеобразовательномъ заведеніи Петербурга, *Педагогическомъ Институтѣ* [418]), положено было, уставомъ 23 декабря 1816 года, ввести, между прочимъ, и преподаваніе арабскаго языка, то замѣстить эту каѳедру кѣмъ-либо изъ отечественныхъ орьенталистовъ по-прежнему не представилось возможности. Вслѣдствіе этого, ученый по-

---

[416]) Ист. Москов. Унив. стр. 502; Ж. Мин. Нар. Просв 1856 г. ч. 90, стр. 43; 1858 г. ч. 99, I, 19.

[417]) *Dugat* Histoire des Orientalistes, p. 72; Ж. Мин. Нар. Пр. 1834 г. ч. IV, 272.

[418]) Педагогическій Институтъ образованъ былъ изъ Учительской Гимназіи въ 1804 году. Уставомъ 1816 года заведеніе это названо Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ, и получило устройство и права мало чѣмъ разнившіяся отъ университетскихъ.

Digitized by Google

печитель петербургскаго учебнаго округа, С. С. Уваровъ, обратился къ знаменитому Сильвестру де-Саси съ просьбою рекомендовать намъ двухъ изъ своихъ учениковъ для занятія въ Институтѣ вновь учрежденныхъ каѳедръ восточныхъ языковъ. По рекомендаціи де-Саси и прибыли къ намъ, въ 1817 году, два молодыхъ француза-орьенталиста, Шармуа и Деманжъ, принятые оба на русскую службу прямо ординарными профессорами. Послѣдній изъ нихъ, *Деманжъ* (Жанъ-Франсуа), поступилъ на каѳедру арабскаго языка, которую занималъ и по преобразованіи Педагогическаго Института въ С.-Петербургскій Университетъ, до іюля 1822 года, когда, вслѣдствіе извѣстнаго погрома [419]), оставилъ это заведеніе и перешелъ преподавателемъ того же предмета въ новооткрытое тогда Учебное Отдѣленіе В. Я. при Азіатскомъ Департаментѣ. Нельзя сказать, чтобы это было потерею для Университета, такъ-какъ Деманжъ не питалъ никакой любви не только къ своей спеціальности, но и вообще къ научнымъ занятіямъ.

Сдѣлавшись вакантною въ Университетѣ, каѳедра арабскаго языка замѣщена была вскорѣ, необыкновенно удачно, молодымъ (22-хъ лѣтъ) полякомъ, который, еще будучи студентомъ Виленскаго Университета, процвѣтавшаго въ то время, обратилъ уже на себя вниманіе необыкновенными способностями своими. Это былъ *Сенковскій* (Осипъ Ивановичъ), родомъ изъ дворянъ Виленской губерніи. Самоучкою принявшись въ Университетѣ за изученіе языковъ Мусульманскаго Востока, онъ, для усовершенствованія познаній своихъ, отправленъ былъ, на счетъ Виленскаго Дворянства, въ путешествіе по Малой-Азіи, Сиріи, Египту и Нубіи. Вернувшись въ Россію черезъ Константинополь, Сенковскій оказался такимъ знатокомъ арабскаго и турецкаго (османскаго) языковъ, какихъ не было и между знаменитостями европейскаго орьентализма. Виленскій Университетъ избралъ его тотчасъ же профессоромъ восточныхъ языковъ; но онъ предпочелъ занять ту же каѳедру, съ званіемъ орд. профессора, въ Петербургскомъ. Каково было преподаваніе Сенковскимъ турецкаго языка, сказано уже выше. Не менѣе увлекательно и плодотворно для слушателей, которые благоговѣли передъ нимъ, читалъ онъ и арабскій языкъ [420]). Сначала препода-

---

[419]) *В. В. Григорьевъ* „Имп. С.-Петерб. Унив.“, 5, 15.

[420]) См. біографію Сенковскаго написанную *Савельевымъ* въ I томѣ „Собранія сочиненій Сенковскаго“, а также *В. В. Григорьева*, Имп. С.-Пет. Унив. въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, стр. 41.

[421]) Какъ оригинально самъ Сенковскій учился арабскому языку въ Ливанскихъ-Горахъ, описано имъ, подъ псевдонимомъ Морозова, въ „Очеркахъ Сиріи“ (Сочиненія Сенковскаго, т. I, стр. 191-193 и 196-197. *Прим. ред.*

Digitized by Google

валъ онъ во всѣхъ трехъ курсахъ. Въ I-мъ курсѣ, послѣ изложенія грамматическихъ правилъ языка по де - Саси и Арыдѣ, переводилъ онъ со слушателями три первыя главы Корана, нѣкоторыя статьи изъ христоматіи де - Саси, изъ „Келилэ - ве - Деменэ", изъ Абдулъ Латыфова „Описанія Египта". Познакомивъ, такимъ образомъ, учениковъ своихъ съ грамматическими формами и отчасти синтаксисомъ, и съ произведеніями литературы легкими по изложенію, во II-мъ курсѣ приступалъ онъ къ изученію съ ними арабской грамматической терминологіи (по Альфійэ или Ибнъ - Ферхату) для того чтобы поставить ихъ въ возможность читать комментаторовъ, и вслѣдъ затѣмъ заставлялъ ихъ переводить муаллаку Лебида съ комментаріемъ Зоузени, и отрывки изъ Хаммасы съ комментаріемъ Тебризи. Послѣ такого посвященія слушателей въ древній арабскій языкъ, въ III мъ курсѣ объяснялись труднѣйшіе писатели позднѣйшаго времени: Харири или Ибнъ - Арабшахъ. Поэтовъ Халифата (какъ и османскихъ стихотворцевъ) Сенковскій обходилъ, хотя самъ писалъ арабскіе стихи. Въ этомъ - же III-мъ курсѣ начинались и переводы на арабскій съ персидскаго или русскаго; въ первомъ случаѣ текстомъ служило Пендъ - намэ Аттара, а во второмъ— „Путешествіе къ Татарамъ" Плано - Карпини, въ русскомъ переводѣ Языкова [421]). Съ 1824 года Сенковскій читалъ только во II-мъ и III-мъ курсахъ, такъ какъ, съ этого времени, въ I-мъ курсѣ арабскій языкъ сталъ преподавать исключительно *Волковъ* (Михаилъ Григорьевичъ), кандидатъ С. Петербургскаго Университета выпуска 1823 года, который, по окончаніи курса, былъ утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ арабскаго языка. Слушателямъ своимъ излагалъ Волковъ начала арабскаго языка по собственному компендіуму; потомъ переводилъ съ ними басни Локмана, первыя три главы Корана и нѣкоторые отрывки изъ хрестоматій де - Саси, Гумберта, Козегартена, и сказокъ „Келилэ - ве - Деменэ". Съ 1837 года сталъ онъ читать въ первыхъ двухъ курсахъ, въ 1845 повышенъ былъ въ экстраординарные профессора, а въ маѣ 1846 года умеръ [422]), оставивъ по себѣ въ ученикахъ своихъ добрую память. Даровитый, симпатичный и широко - образованный былъ человѣкъ. — Кромѣ Волкова, помощникомъ Сенковскому съ 1836 года явился еще кандидатъ Виленскаго Университета *Мухлинскій* (Антонъ Осиповичъ). По окончаніи курса въ означенномъ университетѣ, въ 1828 году

---

[422]) Сообщено В. В. Григорьевымъ.

[423]) *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Унив. стр. 53, 129; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 48, I 61; ч. 50, VII, 30.

Digitized by Google

былъ онъ принятъ въ Профессорскій Институтъ [424]) съ прикомандированіемъ, для занятій восточными языками, къ С.-Петербургскому Университету. Затѣмъ, для усовершенствованія въ этихъ языкахъ, посланъ онъ былъ, въ 1832, на Мусульманскій Востокъ, откуда и вернулся весною 1835 года. Преподавалъ онъ арабскій языкъ въ среднихъ курсахъ. Слушателямъ своимъ читалъ онъ Коранъ съ комментаріемъ Бейдави, переводилъ съ ними религіозную поэму „Бурдэ" и знакомилъ ихъ съ грамматическою системою Арабовъ, упражняя въ переводѣ этимологіи изъ грамматики Ибнъ-Ферхата Въ 1839 онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ и перешелъ на каѳедру османскаго языка [425]). Въ концѣ 1842 г. опредѣленъ былъ въ Университетъ сверхштатнымъ преподавателемъ арабскаго языка *Петрашевскій*, исполнявшій эту обязанность до 1849 года [426]). Около этого времени, именно въ іюлѣ 1847 года, Сенковскій, выслуживъ 25-лѣтіе, вышелъ въ отставку. Великою заслугою Сенковскаго, во время его преподавательской дѣятельности, надо признать образованіе имъ цѣлой школы русскихъ оріенталистовъ, умершихъ уже или еще живущихъ, школы отличающейся въ трудахъ своихъ строгою научностію и полнѣйшею добросовѣстностію; но ни одного замѣчательнаго арабиста изъ учениковъ его, къ сожалѣнію, не вышло.

Занять мѣсто Сенковскаго Университетъ пригласилъ тоже знаменитость—египетскаго араба, шейха *Тантави* (Мухаммедъ-Айядъ), бывшаго профессоромъ въ Эльазгарской мечети въ Каирѣ, и считавшаго въ числѣ учениковъ своихъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ западно-европейскихъ арабистовъ. Первоначально въ Петербургъ вызванъ былъ онъ для преподаванія арабскаго языка въ Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и прибылъ въ Россію въ 1839 году. Лекціи въ Университетѣ Тантави началъ съ 1848 года, и въ первые годы толковалъ все Харири; а затѣмъ, увидѣвъ какъ мало подготовлены слушатели пользоваться его ученостію, сталъ ограничиваться толкованіемъ легкихъ историческихъ отрывковъ, преподавалъ грамматику арабскаго языка, упражнялъ слушателей въ разговорахъ и сочиненіяхъ на этомъ языкѣ и въ переводахъ съ русскаго (который онъ достаточно усвоилъ себѣ) на арабскій, училъ каллиграфіи и пріучалъ въ раз-

---

[424]) Профессорскимъ Институтомъ называлась общность кандидатовъ русскихъ университетовъ приготовлявшихся къ профессурѣ, въ отечествѣ и за границею, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Азіи. *Прим. ред.*

[425]) *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Университетъ, стр. 251 - 252.

[426]) Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 36, I.

Digitized by Google

биранію трудныхъ рукописей. Сверхъ всего этого читалъ исторію Арабовъ, и напечаталъ въ Лейпцигѣ, въ 1848, Traité de la langue arabe vulgaire.

Въ низшихъ курсахъ въ это время, за смертію Волкова, преподавалъ въ теченіе 1847 - 48 годовъ, *Диттель* (Вильямъ Францовичь), воспитанникъ Казанскаго Университета, гдѣ кончилъ курсъ въ 1840 году, послѣ чего, вмѣстѣ съ И. Н. Березинымъ, отправленъ былъ въ ученое путешествіе на Мусульманскій Востокъ. По возвращеніи въ Россію, Диттель принятъ былъ въ С.-Петербургскій Университетъ въ качествѣ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора на каѳедру турецкаго языка; съ 1847 г. ему поручили еще и каѳедру арабскаго; но въ слѣдующемъ 1848 году онъ умеръ отъ холеры [428]). Тогда преподаваніе арабскаго языка въ низшихъ курсахъ поручено было профессору персидской словесности *Казембеку*, который и несъ эту обязанность съ 1850 по осень 1854 года [429]). Съ образованіемъ - же въ Университетѣ, въ слѣдующемъ году, особаго факультета В. Я , съ званіемъ исправляющаго должность адъюнкта по каѳедрѣ арабской словесности переведенъ былъ сюда старшій учитель 1-й Казанской Гимназіи *Навроцкій* (Михаилъ Тимофѣевичь), воспитанникъ Казанскаго Университета, изъ котораго вышелъ со степенью кандидата въ 1846 году. Въ теченіе 1855 - 1858 годовъ и преподавадъ онъ въ первыхъ трехъ курсахъ. Между тѣмъ, болѣзнь заставила шейха Тантави прекратить преподаваніе даже и въ одномъ IV-мъ курсѣ. Преподавалъ онъ всего 10 лѣтъ, и окончательно былъ уволенъ отъ службы въ январѣ 1861 года. Тогда часть его лекцій перешла къ *Казембеку*, который и преподавалъ арабскій языкъ съ 1857 по 1859 годъ. Другая часть перешла на долю Навроцкаго, который съ этого же времени сталъ читать и въ IV курсѣ [430]). Съ 1861 года Навроцкій былъ утвержденъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, и преподавалъ до конца 1870 года, когда заболѣлъ; скончался въ январѣ 1871 [431]), оставивъ памятью по себѣ „Опытъ Арабской Грамматики“ (Спб. 1867).

---

[427]) *Савельевъ*, о шейхѣ Тантави въ „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1840 г. № 189; *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Университетъ, стр. 252 - 254; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 87, I, 41.

[429]) *Савельевъ*, Некрологъ *В. Ф. Дитмеля* (Въ Географическихъ Извѣстіяхъ 1848 г. стр. 117 - 120); *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Унив. стр. 252.

[429]) *В. В. Григорьевъ*, тамъ же.

[430]) Тамъ же, стр. 254; Ж. М. Нар. Пр. 1861 г. отд. I, 27.

[431]) Ж. М. Нар. Просвѣщ. 1861 года, часть оѳ. стр. 121; 1871, ч. 157, I, 3; Протоколы Совѣта за 1871 г.

Digitized by Google

Въ 1865 году на каѳедру арабскаго языка штатнымъ доцентомъ опредѣленъ былъ *Гиргасъ* (Владиміръ Ѳедоровичъ). По окончаніи гимназическаго курса, В. Ѳ. поступилъ въ Университетъ по факультету восточныхъ языковъ, въ которомъ и получилъ степень кандидата въ 1859 году. Два года затѣмъ занимался онъ арабскимъ языкомъ въ Парижѣ, послѣ чего отправленъ былъ отъ Университета для дальнѣйшаго усовершенствованія на Мусульманскій Востокъ, по возвращеніи откуда удостоенъ былъ въ 1865 году степени магистра. Съ тѣхъ поръ, въ первыхъ двухъ курсахъ проходилъ онъ грамматику арабскаго языка и упражнялъ слушателей въ переводахъ изъ хрестоматіи Болдырева и Корана. Когда-же заболѣлъ Навроцкій, сталъ преподавать В. Ѳ. и въ высшихъ курсахъ, а по смерти Навроцкаго, и по полученіи степени доктора арабской словесности въ 1873 году, утвержденъ былъ онъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Съ 1872 года, явился ему помощникъ въ лицѣ барона *Розена* (Викторъ Романовичъ), кандидата здѣшняго университета, занимавшагося потомъ въ Лейпцигѣ у Флейшера, и принятаго, по полученіи степени магистра арабской словесности, штатнымъ доцентомъ. Пособіемъ при преподаваніи служитъ, какъ послѣднему, такъ и Гиргасу, изданная общими ихъ трудами „Арабская Хрестоматія“ (Спб. 1875 - 76) [432]).

По образованіи Факультета Восточныхъ Языковъ, положено было для практическаго преподаванія арабскаго языка имѣть лектора. Первымъ лекторомъ этого предмета былъ опредѣленъ аравитянинъ *Ахмедъ Ибнъ-Хусейнъ*, который и знакомилъ своихъ слушателей съ разговорнымъ (новоарабскимъ) языкомъ до 1858 года, когда вышелъ изъ Университета. На мѣсто его опредѣлили тогда аравитянина изъ Алеппо, *Кельзи* (Ѳедоръ Ильичъ), который лекторствуетъ и до настоящаго время, занимая студентовъ разговорами на арабско-сирійскомъ нарѣчіи по нарочно для того составленному имъ учебнику [433]).

О преподаваніи арабскаго языка въ Гельсинфорскомъ Университетѣ имѣемъ мы, къ сожалѣнію, лишь нѣкоторыя свѣдѣнія только за недавнее время (преподавался онъ тамъ какъ дополнительный къ еврейскому, въ богословскомъ факультетѣ). Изъ этого недавняго времени извѣстны намъ: 1) *Гейтлинъ* (Гавріилъ), который потомъ перешелъ на другую каѳедру. Затѣмъ 2) *Валлинъ* (Г. А.)

---

[432]) *В. В. Григорьевъ*, И. С.-Петерб. Универ. 384; Протоколы засѣданій совѣта. Унив. за 1872 - 3 годъ.

[433]) *В. В. Григорьевъ*, И. С.-Петерб. Унив. 254 - 255; Актъ 8 февраля 1859 года; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 124, II, 192.

Digitized by Google

изучившій арабскій языкъ на мѣстѣ, въ Египтѣ и Аравіи. Послѣ многолѣтнихъ, сдѣлавшихъ его извѣстнымъ, странствованій по Востоку, Валлинъ, на обратномъ пути, работалъ много въ Лондонѣ, и затѣмъ, въ 1850 году, будучи 40 лѣтъ, вернулся въ Финляндію, гдѣ, вмѣстѣ со степенью магистра, получилъ и опроставшуюся тогда каѳедру восточныхъ языковъ; но преподавалъ онъ не долго, ибо въ октябрѣ 1852 умеръ [434]). 3) *Лагусъ* (Вильгельмъ), по настоящее время читающій арабскій языкъ въ Гельсингфорсскомъ Университетѣ, при чемъ пособіемъ ему служитъ изданный имъ, на шведскомъ языкѣ, прекрасный „Учебный курсъ арабскаго языка для университетскаго преподаванія", въ четырехъ частяхъ (Гельсингфорсъ, 1869-1878). Всѣ три помяну ые профессора — природные финляндцы.

Что касается до Дерптскаго Университета, то тамъ арабскій языкъ ни разу не былъ введенъ оффиціально въ преподаваніе; но, въ виду важности его среди семитическихъ, нѣкоторые преподаватели сами удѣляли ему часть своихъ лекцій. Такъ, *Клейнертъ* объяснялъ отрывки изъ арабской хрестоматіи де-Саси, по 2 часа въ недѣлю, а *Кеймъ* преподавалъ грамматику по Эвальду, и объяснялъ басни Локмана, тоже по 2 часа въ недѣлю [435]).

Въ *Учебномъ отдѣленіи Восточныхъ Языковъ* при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, съ самаго открытія онаго, преподавать арабскій языкъ началъ *Ф. Деманжъ*, который и несъ эту обязанность до 1839 года. Въ 1840 году его смѣнилъ шейхъ *Мухаммедъ-Айядъ Тантави*. О нихъ обоихъ говорено уже выше. Въ настоящее время арабскій языкъ преподаетъ тамъ сиріецъ *Нофаль* (Селимъ, въ христіанствѣ Георгій), поступившій въ Отдѣленіе въ 1860 году [436]).

Въ *Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ* арабскій языкъ, съ преобразованія Института въ 1871 году, сталъ преподавать дамаскинецъ *Муркосъ* (Георгій), воспитанникъ С.-Петербургскаго Университета, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1869 году [437]).

Въ *Институтѣ В. Я. при Ришельевскомъ Лицеѣ*, первымъ преподавателемъ арабскаго языка, съ 1838 года, былъ *В. В. Григорьевъ*. Съ 1845 мѣсто его занялъ *В. Н. Кузьминъ*, а съ 1852 —

---

[434]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1851 г. ч. 70, VII, 62-63; 1853 г. ч. 77, VII, 67-68.

[435]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1834 г. ч. 7, стр. 272; 1835 г. ч. 5, стр. 326.

[436]) По свѣдѣніямъ доставленнымъ нынѣшнимъ директоромъ Отдѣленія, *М. А. Гамазовымъ*.

[437]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1874, ч. 174, I, 122.

Digitized by Google

И. Н. Холмогоровъ, оставшійся за штатомъ въ 1855 году. Обо всѣхъ ихъ упомянуто выше, въ отдѣлѣ о тюркскихъ языкахъ.

Изъ духовныхъ академій преподаваніе арабскаго языка имѣло мѣсто въ одной *Казанской*. Началось оно тамъ только съ января 1845, и то благодаря единственно *А. К. Казембеку*, который предложилъ преподавать его безвозмездно. Съ начала 1846-47 учебнаго года передалъ онъ должность преподавателя этого предмета ученику своему *Н. И. Ильминскому*. Для дальнѣйшаго усовершенствованія въ арабскомъ и турецкомъ языкахъ, Ильминскій отправленъ былъ въ Турцію, Сирію и Египетъ, откуда возвратился отличнымъ арабистомъ. Въ 1853 ему поручено было преподаваніе „миссіонерскихъ наукъ" противъ Ислама, которыя онъ и преподавалъ до ноября 1858, когда перешелъ въ другое вѣдомство. На вакантную каѳедру тогда же былъ переведенъ *Г. С. Саблуковъ*, баккалавръ Академіи по классу греческаго языка и преподаватель татарскаго языка въ Казанской Семинаріи, тоже хорошій арабистъ. Но какъ Саблуковъ смѣнилъ Ильминскаго, такъ и Ильминскій, въ свою очередь, смѣнилъ Саблукова, когда послѣдній, въ концѣ 1862, вышелъ въ отставку. Снова опредѣленный въ Академію въ іюлѣ 1863, Ильминскій, совмѣстно съ священникомъ *Е. А. Маловымъ*, сталъ преподавать миссіонерскія науки противъ Ислама. Маловъ, въ 1869, перешелъ на другую каѳедру, а въ сентябрѣ 1870 на каѳедру арабскаго языка опредѣленъ былъ *Н. Т. Остроумовъ*; онъ оставался въ Академіи до 1877 года, когда перешелъ въ другое вѣдомство [438]).

Студенты Академіи изучали арабскую грамматику и переводили въ I курсѣ Коранъ, а во II и III — „Мухтасаръ-уль-Викаэ" по арабскому тексту съ татарскимъ толкованіемъ. Сверхъ того, въ I курсѣ излагалась догматическая часть мухаммеданскаго вѣроученія, а во II—исторія Мухаммеда до выступленія его на проповѣдническое поприще [439]).

Изъ среднихъ учебныхъ заведеній, прежде другихъ, начало преподаванію арабскаго языка положено было въ 1-й *Казанской Гимназіи*: именно обучать ему безвозмездно вызвался, въ 1823 году, профессоръ Каз. Университета *Эрдманъ*. Онъ исполнялъ эту обязанность три года. Смѣнилъ его дѣйствительный студентъ Казанскаго Университета *Николаевъ* (Петръ Ивановичъ), который оставался въ Гимназіи не долго. Въ сентябрѣ 1827 его замѣстилъ

---

[438]) *Гвоздевъ* „Двадцатилѣтіе Казанской Духовной Академіи"; Журналы засѣданій Совѣта Академіи за 1870 г. стр. 7.

[439]) Протоколы засѣданій Совѣта Казан. Духовн. Академіи за 1872 г. стр. 289, и за 1874-5 учебн. годъ.

Digitized by Google

кандидатъ *Верниковскій* (Иванъ Антоновичъ), уроженецъ Минской губерніи, получившій высшее образованіе въ Виленскомъ Университетѣ, гдѣ слушалъ еврейскій языкъ. Затѣмъ арабскій языкъ въ Гимназіи преподавали профессоры и лекторы тамошняго университета. Въ числѣ ихъ, *А. К. Казембекъ* — съ 1841 по 1848. До 1840 преподавалъ еще *Первухинъ* (Михаилъ), а съ 1848 поступилъ въ Гимназію старшимъ учителемъ *М. Т. Навроцкій* (см. выше).

Практически арабскій языкъ преподавали: мулла *Мухаммедъ Алиевъ*, адербайджанскій уроженецъ, а потомъ (съ 1853 года) аравитянинъ *Ахмедъ Ибнъ-Хусейнъ* [440]).

Въ гимназическихъ классахъ *Института В. Я. при Ришельевскомъ Лицеѣ* арабскій языкъ преподавали тѣ же учителя которые обучали и другимъ восточнымъ языкамъ: *Шутовъ*, *Грамматиковъ*, *Комперъ* и *Алиевъ* [441]).

Въ *Новочеркасской Гимназіи* старшимъ учителемъ арабскаго языка былъ, съ 1850 года, кандидатъ Казанскаго Университета *Крашенинниковъ* (Николай) [442]). О другихъ учителяхъ свѣдѣній мы не нашли.

Въ *Казанской Семинаріи* арабскому языку обучалъ, въ послѣднее время, *Фортунатовъ* (Яковъ Ивановичъ) [443]).

VIII. Санскритскій языкъ.

Первымъ русскимъ индіанистомъ былъ *Лебедевъ* (Герасимъ Степановичъ), по профессіи музыкантъ, пробравшійся въ прошломъ столѣтіи въ Индію. Родился онъ въ 1749 году, а въ 1775 отправился съ нашимъ посольствомъ въ Неаполь; былъ затѣмъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ. Изъ Англіи отплылъ, въ 1785 году, въ Индію. Сперва пробылъ онъ два года въ Мадрасѣ, а затѣмъ, желая изучить языкъ древнихъ Индѣйцевъ, отправился на берега Ганга. Существуя музыкой, Лебедевъ занялся какъ могъ санскритскимъ языкомъ, и изучилъ бенгальское и другія индѣйскія нарѣчія такъ основательно, что перевелъ на бенгальскій языкъ двѣ англійскія театральныя пьесы, которыя поставилъ потомъ на сцену въ са-

---

[440]) *Владиміровъ* „Историческая записка“, ч. II, 53 - 60, 149; Журн. Мин. Нар. Пр. ч. 82, I, 55; Протоколы засѣд. Совѣта С.-Петерб. Унив. № 4 (біографія Казембека).

[441]) Новороссійскіе календари на 1840 - 1856 годы.

[442]) *Фойгтъ*, Обозрѣніе.

[443]) Памятная Книжка Казанской Губерніи на 1867 годъ.

Digitized by Google

момъ имъ выстроенномъ, въ Калькуттѣ, театрѣ, и такимъ образомъ первый познакомилъ Азію съ европейскою драмою. Послѣ 12-тилѣтняго пребыванія въ Индіи, Лебедевъ вернулся въ Европу; сперва въ Англію, гдѣ издалъ, въ 1801 году, „Грамматику индѣйскихъ нарѣчій", а потомъ въ отечество, гдѣ и былъ опредѣленъ переводчикомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Дальнѣйшая судьба Лебедева неизвѣстна [444]).

Преподаваніе-же санскритскаго языка, въ высшей степени необходимаго въ дѣлѣ лингвистики, началось только тогда, когда упрочились у насъ другіе языки Востока, въ которыхъ мы нуждались болѣе, для практическихъ цѣлей. Первый, кто высказался за необходимость изученія у насъ санскрита для удовлетворенія научныхъ требованій, былъ графъ С. С. Уваровъ, который въ Projet d'une Académie Asiatique ставилъ санскритскій языкъ на первомъ планѣ. Получивъ постъ министра народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полную возможность осуществить свою мысль. Но такъ какъ у насъ не было въ то время санскритиста, то нужно было найти способнаго молодаго человѣка, который посвятилъ бы себя изученію санскрита. Выборъ министра палъ на воспитанника Дерптскаго Университета *Р. Х. Ленца*. Послѣ поѣздки за границу, гдѣ онъ слушалъ лекціи Боппа и другихъ санскритистовъ, Ленцъ, въ сентябрѣ 1835, опредѣленъ былъ адъюнктомъ въ И. Академію Наукъ.

Изъ университетовъ-же русскихъ, первымъ гдѣ каѳедра санскритскаго языка получила право гражданства, былъ *Казанскій*. Преподавателемъ этого языка явился замѣчательный у насъ лингвистъ *Петровъ* (Павелъ Яковлевичъ). Уроженецъ С.-Петербургской губерніи, Петровъ получилъ домашнее образованіе въ домѣ князя А. П. Оболенскаго (тогда губернатора Калуги); въ 1828 поступилъ онъ въ Московскій Университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ со степенью кандидата. Нѣсколько времени затѣмъ пробивался онъ частными уроками, изучая въ тоже время восточные языки, и въ числѣ ихъ санскритскій, который одолѣлъ безъ всякой посторонней помощи. Его необыкновенныя способности къ языкамъ не укрылись отъ графа Уварова, и меценатъ этотъ далъ Петрову возможность приложить ихъ къ дѣлу, зачисливъ его, въ 1834, въ Профессорскій Институтъ, съ прикомандированіемъ къ Петербургскому Университету, гдѣ гремѣла тогда слава Сенков-

---

[444]) „Географическія Извѣстія" 1849 г. стр. 113-115; *Савельевъ* „Восточныя литературы и русскіе оріенталисты" (Русскій Вѣстн. 1856 г. майская кн. стр. 32).

Digitized by Google

ского. Здѣсь четыре года занимался онъ языками арабскимъ, персидскимъ, турецкимъ и санскритскимъ, послѣднимъ—уже подъ руководствомъ Ленца. Въ 1838 г. Петровъ былъ командированъ за границу на два года для усовершенствованія собственно въ санскритскомъ языкѣ, чтобы занять каѳедру его въ Академіи Наукъ, сдѣлавшуюся вакантною за смертію Ленца. Знаменитый Боппъ, проэкзаменовавъ русскаго ученаго, написалъ въ Петербургъ, что Петрову, по его свѣдѣніямъ, нечему учиться ни у него Боппа, ни у кого другаго изъ санскритистовъ, а остается только заняться изученіемъ рукописей въ Парижѣ и Лондонѣ. По возвращеніи въ Россію, Петровъ долженъ былъ подвергнуться экзамену въ Академіи Наукъ; но такъ какъ тамъ экзаменовать его было некому (только Шмидтъ да Грефе имѣли кое-какія свѣдѣнія въ санскритскомъ языкѣ), то Петровъ счелъ ниже своего достоинства разыгрывать комедію экзамена передъ лицами которыя не могли быть судьями его познаній; но за то и не попалъ въ Академію, а принужденъ былъ скитаться въ страшной бѣдности, пока, въ концѣ 1841, не былъ опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта санскритскаго языка въ Казанскій Университетъ, на неутвержденную еще каѳедру. Слушателямъ своимъ Петровъ объяснялъ этимологію и синтаксисъ санскритскаго языка по Боппу, съ краткимъ изложеніемъ пракритской грамматики по Лассену, переводилъ съ ними антологію того же Лассена [445]), эпизоды изъ Магабараты, изъ Рамаяны, изъ Савитріи, изъ драмъ Сакунтала, Мудра-ракшасамъ, Прабодъа-чандродаіа, Урвасіи, Малавати и Мадъава, Кашмирскую Лѣтопись, гимны изъ Ригвѣды и и пр., причемъ читалъ попеременно исторію Индусовъ по Кольману, и исторію санскритской литературы по собственнымъ запискамъ, или индусскую археологію—всего отъ 6 до 8 часовъ въ недѣлю [446]). Въ 1852 году, Петровъ, въ томъ же званіи, переведенъ былъ въ Московскій Университетъ, а вмѣсто него опредѣленъ былъ ординарнымъ профессоромъ *Боллензенъ* (Ѳедоръ), иностранный докторъ, бывшій адъюнктъ-профессоромъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Въ 1856 году Боллензенъ остался за штатомъ [447]).

---

[445]) Началъ было печатать Петровъ и свою санскритскую антологію, но оскорбленный пустяками, разсердился и остановилъ печатаніе этого труда, который, такимъ образомъ и остался неоконченнымъ. *Прим. ред.*

[446]) *Ковалевскій*, Обозрѣніе хода и успѣх. преп. азіатскихъ языковъ; Біографич. Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, стр. 227; *В. В. Григорьевъ* „Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ“ (Русская Бесѣда, 1856, ч. 4, „Смѣсь“, стр. 25); *Фойгтъ* „Отчеты“, стр. 50-51.

[447]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 74, I; ч. 93, I, 10.

Digitized by Google

Въ *Московскомъ Университетѣ* преподаваніе санскритскаго языка началось въ 1852 году, для желающихъ. Для преподаванія его (вмѣстѣ съ другими восточными языками) и былъ вызванъ изъ Казани *П. Я. Петровъ*. По возведеніи его Петербургскимъ Университетомъ въ почетные онаго доктора, былъ онъ, въ 1864 году, утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Преподавалъ до мая 1875 года, когда вышелъ въ отставку. Умеръ 7 сентября того же года [448]).

Попытки ввести санскритскій языкъ въ *Петербургскомъ Университетѣ* происходили нѣсколько разъ. Первый предложившій свои услуги Университету былъ *Р. Х. Ленцъ*, который съ марта 1836 г. и сталъ безвозмездно читать тамъ лекціи санскритской литературы и сравнительнаго языкознанія. Но лекціи эти, привлекавшія многочисленныхъ слушателей, прекратились въ томъ же полугодіи, такъ какъ въ іюлѣ того же года Ленцъ скончался [449]).

Черезъ два года послѣ того преподавать санскритскій языкъ въ Университетѣ вызвался, и опять-таки безвозмездно, *Б. А. Дорнъ*, состоявшій тогда профессоромъ Института Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ. Разрѣшеніе на это послѣдовало въ декабрѣ 1837 года, а самое чтеніе началось въ 1838-мъ и продолжалось четыре года, до 1842, когда, вслѣдствіе усилившихся занятій, Б. А. долженъ былъ оставить это занятіе [450]). По образованіи Факультета Восточныхъ Языковъ, признано было необходимымъ, для надлежащей полноты, дать въ немъ мѣсто и санскриту. Но замѣстить каѳедру этого предмета удалось только въ 1858 году, и опять благодаря безвозмедному на то вызову, сдѣланному *Коссовичемъ* (Каэтанъ Андреевичъ). Ученую дѣятельность свою началъ К. А. съ классической филологіи; но страстный элленистъ и хорошій латинистъ, онъ не удовлетворился изученіемъ классическаго міра, а захотѣлъ познакомиться и съ

---

[448]) Исторія Московскаго Университета, стр. 502, 560; Ж. Мин. Нар, Пр. ч. 90, I, стр. 43; ч. 91, I, стр. 21; „Отчетъ“ Москов. Унив. за 1875 г.

Пришибленный несправедливостями и неудачами въ началѣ своей карьеры, Петровъ, котораго, по числу изученныхъ имъ языковъ Азіи и Европы, можно смѣло назвать русскимъ Меццофанти, сдѣлался совершеннымъ мизантропомъ: ни съ кѣмъ не знался, никому не довѣрялъ. Дѣлиться своими свѣдѣніями въ языкахъ готовъ онъ былъ охотно съ каждымъ кто только хотѣлъ у него учиться; но писать, печататься, было для него мученіемъ: почти все немногое имъ напечатанное сдѣлано имъ противъ воли и крайне неудовлетворительно. *Прим. ред.*

[449]) *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Унив, 280 - 281; Ж. М. Нар. Пр. за 1835 г. ч. 8, стр. 537.

[450]) Имп. С.-Петер. Универ., 281 - 282; Ж. М. Нар. Пр. ч. 17, стр. XIX.

Digitized by Google

восточнымъ. Состоя учителемъ греческаго языка въ Тверской, а потомъ во 2-й Московской гимназіи, К. А. началъ изучать языки еврейскій и арабскій, а потомъ принялся и за санскритскій — все это безо всякой посторонней помощи, самоучкою. Санскритскимъ языкомъ овладѣлъ онъ вскорѣ въ такой степени, что не затруднился познакомить русскую публику съ одною изъ самыхъ трудныхъ по содержанію и языку индѣйскихъ драмъ. Оставивъ Москву, и пріютившись въ Петербургѣ при Императорской Публичной Библіотекѣ, свой курсъ санскритскаго языка и литературы въ Университетѣ открылъ К. А. съ сентября 1858 г. Черезъ нѣсколько времени затѣмъ назначено было ему и содержаніе; а въ 1866 году, по избраніи его въ почетные доктора Харьковскимъ Университетомъ, былъ онъ утвержденъ и въ званіи ординарнаго профессора. Въ I курсѣ Коссовичъ излагалъ этимологію и переводилъ статьи изъ христоматіи Штенцлера, по 2 лекціи въ недѣлю; во II курсѣ объяснялъ поэму Савитри и читалъ обзоръ исторіи санскритской литературы классическаго періода, по 3 лекціи; въ III курсѣ объяснялъ законы Ману; въ IV-мъ занималъ студентовъ переводами сочиненій искусственаго перевода санскритской литературы: Мэгадуты и Гитаговинды, съ указаніемъ на исторію подобныхъ памятниковъ. Преподаваніе языка постоянно сопровождалось объясненіями общественнаго быта и характера цивилизаціи древней Индіи, и параллельно съ чистымъ санкритомъ излагались всѣ видоизмѣненія формъ пракритскихъ нарѣчій. Въ исторію литературы вводились изслѣдованія о древне-индійскихъ философскихъ системахъ, вытекшихъ изъ ученія содержащагося въ Ведахъ, и о томъ ученіи которое было имъ противопоставлено [451]). Въ такомъ видѣ продолжается преподаваніе К. А. и въ настоящее время. Въ видѣ хрестоматіи издана имъ легенда изъ Магабараты объ охотникѣ и парѣ голубей, „съ присовокупленіемъ русской транскрипціи, латинскаго перевода и санскрито-русскаго глоссарія“ (Спб. 1859).

О преподаваніи санскрита въ Дерптскомъ Университетѣ могу сказать лишь то, что въ 1860-хъ годахъ преподавалъ его тамъ орд. проф. *Мейеръ*, по 3 часа въ недѣлю [453]).

---

[451]) Имп. С.-Петерб. Унив., стр. 282 - 286; „Актъ“ 8 февраля 1856 г. стр. 19, и 8 февраля 1861 г.; Ж. М. Нар. Пр. 1858 г. ч. 99, VII, 158.

[452]) Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Петерб. Унив. стр. 286.

[453]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1865 г. кн. декабрьская.

Digitized by Google

IX. Зендъ и Пеглеви.

Зендскій языкъ введенъ былъ въ С.-Петербургскій Университетъ уставомъ 1863 года, и преподаваніе его принялъ на себя *К. А. Коссовичъ*, который, еще за два года передъ тѣмъ, началъ печатать свои труды по изученію Авесты („Четыре статьи изъ Зендавесты, съ присовокупленіемъ транскрипціи, русскаго и латинскаго переводовъ, объясненій, критическихъ примѣчаній, санскритскаго перевода и сравнительнаго глоссарія". Спб. 1861), и потомъ ревностно продолжалъ ихъ, пока не перешелъ опять къ новому предмету — языку древне-персской клинописи. Затѣмъ, въ ноябрѣ 1875, въ помощь Коссовичу принятъ былъ приватъ-доцентомъ ученикъ его, воспитанникъ Петербургскаго Университета, магистръ персидской словесности *Залеманъ* (Карлъ Германовичъ). Послѣ изложенія грамматики зендскаго языка, Залеманъ переводитъ со студентами всѣхъ курсовъ Decem Excerpta профессора Коссовича, по 1 лекціи; въ III и IV курсахъ занимается разборомъ формъ пеглевійскаго языка, объясняетъ грамматику его въ сравненіи съ новоперсидскимъ, и толкуетъ пеглевійскій переводъ IX-й главы Ясны [454]).

Армянскій (древній) языкъ.

Преподаваніе книжнаго армянскаго языка началось у насъ не оффиціальнымъ путемъ, а благодаря почину частныхъ лицъ изъ Армянъ, которые, желая дать образованіе своимъ единоплеменникамъ, на свои средства устраивали и поддерживали для нихъ училища въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Такъ возникло Агабабовское Училище въ Астрахани, потомъ Халибовское Училище въ Ѳеодосіи, не говоря уже о Лазаревскомъ Институтѣ въ Москвѣ. Въ Тифлисѣ, гдѣ обученіе книжному армянскому языку было необходимѣе чѣмъ гдѣ либо, первое училище устроено было архіепископомъ Іоаннесомъ и расширено потомъ архіепископомъ Нерсесомъ. Нерсесъ выписалъ для этого училища изъ Парижа извѣстнаго тогда армянина *Шагана Чирбета*, а изъ Москвы — старшаго преподавателя Лазаревскаго Института архимандрита *Артемія Аламдарова* и многихъ другихъ; но за отъѣздомъ Нереса въ Бессарабію училище стало падать. Было и еще нѣ-

[454]) Протоколы засѣданій Совѣта С.-Петерб. Университета.

Digitized by Google

сколько частныхъ учебныхъ заведеній для Армянъ (въ Москвѣ, въ Кизлярѣ, въ Моздокѣ и въ другихъ городахъ [455]). Что касается до Правительства, то, въ относительно недавнее время, введено имъ преподаваніе армянскаго языка только въ университетахъ Казанскомъ и С.-Петербургскомъ да въ учебныхъ заведеніяхъ Подкавказья и Закавказья.

Въ *Казанскомъ Университетѣ* преподаваніе армянскаго языка началось только съ 1842 года, хотя каѳедра его тамъ основана была еще въ 1839. Причина столь позднему замѣщенію этой каѳедры заключалась въ томъ, что для занятія ея объявленъ былъ состязательный конкурсъ, рѣшеніе по которому зависѣло отъ Академіи Наукъ. Изъ работъ, присланныхъ многими армянскими литераторами, лучшимъ признано было академиками сочиненіе доктора Петермана, извѣстнаго составителя грамматики армянскаго языка, экстраординарнаго профессора въ Берлинскомъ Университетѣ; но Петерманъ получилъ повышеніе, и остался въ своемъ отечествѣ. Тогда Министерство, не желая принять на каѳедру въ Университетъ кого попало, порѣшило спеціально образовать для нея своего преподавателя. Избранникомъ министерства оказался *Назаріанцъ* (Степанъ Исаевичъ), сынъ бѣднаго армянскаго священника въ Тифлисѣ (родился въ 1812 году), первоначальное образованіе получившій въ армянской Нерсесовской семинаріи, а университетское окончившій въ Дерптѣ со степенью кандидата. На средства Казанскаго Университета и сталъ Назаріанцъ, подъ руководствомъ академиковъ Френа и Броссѐ, готовиться къ преподавательской дѣятельности по указанной ему спеціальности. Въ 1842 году сдѣланъ онъ былъ адъюнктомъ, и въ сентябрѣ того же года, прибывъ въ Казань, началъ лекціи по своей каѳедрѣ. Здѣсь получилъ онъ степень магистра, а въ 1848 году и доктора восточной словесности [456]). Назаріанцъ преподавалъ грамматику армянскаго языка, руководствуясь сочиненіемъ о. Австикіана, объяснялъ историковъ: Лазаря Парбскаго, Моисея Хоренскаго, Елисея Аматунскаго и книги Юдиѳь и Маккавейскія изъ армянской Библіи; упражнялъ въ переводахъ съ русскаго языка на армянскій и въ сочиненіяхъ на послѣднемъ; излагалъ исторію и географію Великой Арменіи, исторію армянской литературы и древности Арменіи — всего 6 часовъ въ недѣлю. Въ 1849 году Назаріанцъ перешелъ въ Москов-

---

[455]) „Собраніе актовъ касательно исторіи армянскаго народа“, т. III, стр. 12 - 16; „Исторія Лазаревскаго Института“, стр. 73.

[456]) *Ковалевскій*, Обозрѣніе хода и успѣховъ препод. азіат. языковъ въ Каз. унив. стр. 18 - 20; „Некрологъ“ Назаріанца („Голосъ“, 1879 № 130).

Digitized by Google

ской Лазаревскій Институтъ профессоромъ арабской и персидской словесности. Тогда преподаваніе армянскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ было поручено старшему учителю 1-й Казанской Гимназіи *Гладышеву* (Григорій), который и началъ объяснять своимъ слушателямъ сперва грамматику армянскаго языка по Чамчіану и Петерману, а потомъ переводилъ избранныя мѣста изъ хрестоматіи Эмина, и отрывки изъ Моисея Хоренскаго и другихъ историковъ; преподавалъ исторію Армянскаго Народа по Сенъ-Мартену и Глинкѣ, а исторію армянской литературы — по сочиненіямъ Петермана и Назаріанца, всего 3 часа въ недѣлю. По окончаніи курса всѣми студентами того разряда которому читалъ Гладышевъ, онъ въ 1851 году прекратилъ свои лекціи [457]), и съ тѣхъ поръ армянскій языкъ пересталъ преподаваться въ Казанскомъ Университетѣ.

Въ *Петербургскомъ Университетѣ*, съ открытіемъ каѳедры армянскаго языка, на нее приглашенъ былъ, въ декабрѣ 1844, чиновникъ Азіатскаго Департамента армянинъ *Бероевъ* (Никита Лазаревичъ), первоначальное образованіе получившій въ Астраханскомъ Агабабовскомъ Училищѣ, а по выходѣ оттуда поступившій въ 1823 году въ Институтъ Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ и кончилъ курсъ съ чиномъ переводчика 10-го класса. Въ Университетѣ онъ началъ преподаваніе съ объясненія грамматики армянскаго языка, затѣмъ упражнялъ слушателей въ переводахъ съ армянскаго языка на русскій и обратно, и объяснялъ армянскихъ классиковъ. Въ 1849 году Бероевъ удостоенъ былъ званія адъюнкта, въ слѣдующемъ издалъ трудъ свой „Начальныя основанія Гайканскаго языка“ (Спб. 1850) [458]), а въ 1861 уволенъ за выслугою лѣтъ [459]).

Тогда на мѣсто Бероева, въ томъ же 1861 году, опредѣленъ былъ, на правахъ адъюнкта, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нынѣ арменистовъ, какъ лингвистъ, историкъ, археологъ, переводчикъ и издатель новыхъ текстовъ — *Паткановъ* (Керопе Петровичъ). Воспитанникъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, онъ въ 1850 году поступилъ въ Дерптскій Университетъ, но курсъ наукъ окончилъ не тамъ, а въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, въ

---

[457]) *Фойгтъ*, Обозрѣніе хода и успѣховъ препод. азіатск. языковъ, стр. 9 и 16.

[458]) Этому труду его предшествовало „Краткое начертаніе правилъ Гайканскаго простонароднаго языка, помѣщенное въ Mélanges Asiatiques, t. I, 1849, стр. 455.

[459]) *В. В. Григорьевъ* „Имп. С.-Петерб. Университетъ“, стр. 207 - 268; Ж. Мин. Нар. Просв. 1861 года, ч. оффиц., стр. 115.

Digitized by Google

Петербургѣ. По поступленіи въ Университетъ, въ 1863, былъ онъ удостоенъ степени магистра восточной словесности, а въ слѣдующемъ 1864 получилъ степень доктора армянской словесности. Съ 1872 состоитъ ординарнымъ профессоромъ [460]). Слушателямъ своимъ К. П. излагаетъ грамматику армянскаго языка, переводитъ съ ними армянскихъ писателей, съ грамматическими комментаріями, и читаетъ исторію Арменіи и исторію армянской литературы. По части языка имъ преподаваемаго, изданы имъ по-русски: „Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка" (Спб. 1864), и „Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка" (Спб. 1869).

Въ *Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ* воспитывалось много природныхъ Русскихъ, но мы не знаемъ никого изъ нихъ, кто-бы занялся армянскимъ языкомъ и литературою. Можетъ быть тамъ это и не желательно. Что-же касается до преподавателей означенныхъ предметовъ, то тамъ были отличные. Таковъ былъ, въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ, армянскій архіепископъ *Михаилъ Саллантянъ*, авторъ замѣчательной грамматики армянскаго языка; таковъ въ настоящее время *Эминъ* (Никита Осиповичъ [461]), издатель множества армянскихъ текстовъ, переводчикъ (на русскій языкъ) важнѣйшихъ историковъ Арменіи, и изслѣдователь ея древностей. Имъ же изданы „Грамматика древне-армянскаго языка" (по-армянски), Москва, 1846, и „Хрестоматія древне-армянскаго языка, съ армяно-русскимъ словаремъ", тамъ же, 1849.

Съ 1842 по 1853 преподавался армянскій языкъ и въ 1-й *Казанской Гимназіи*, сначала — *О. И. Назарьянцемъ*, потомъ — кандидатомъ Каз. Университета *Гладышевымъ* [462]).

Въ *Симферопольской* Гимназіи обучалъ армянскому языку старшій учитель *Тиграніанъ* [463]).

Въ *Ставропольской* Гимназіи съ 1837 по 1872 годъ штатнымъ преподавателемъ армянскаго языка былъ недавно скончавшійся протоіерей *П. С. Паткановъ*. До пятидесятыхъ годовъ изученіе армянскаго языка въ Ставропольской Гимназіи было обязательно и для Русскихъ. Изъ воспитанниковъ того времени особеннымъ знаніемъ древне-армянскаго языка и литературы отличался покойный *И. И. Ивановъ*, помѣстившій нѣсколько самостоятельныхъ ста-

---

[460]) Ж. Мин. Нар. Просв. 1861 года, ч. оффиц. стр. 271; Протоколы Совѣта, № 3.

[461]) Ж. Мин. Нар. Просвѣщ. 1871 года, ч. 157, I, 34.

[462]) Тамъ же, ч. 36, I, 56; ч. 79, I, 46; *Владимірова* „Историч. записка Первой Казанской Гимназіи", стр. 63-64.

[463]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 45, III, 21.

Digitized by Google

тей по исторіи Арменіи въ газетѣ „Кавказъ“ за 1850, 51, 53 и другіе годы. Его русскій переводъ исторіи Егишэ остался въ рукописи.

Объ учителяхъ армянскаго языка въ прочихъ училищахъ Подкавказья и Закавказья свѣдѣнія нами собранныя столь скудны, что не стоитъ и приводить ихъ.

[Кромѣ упомянутыхъ въ этомъ отдѣлѣ учебниковъ Бероева и Эмина, имѣются на русскомъ еще слѣдующія пособія для изученія армянскаго (древняго) языка:

Книга содержащая въ себѣ ключь познанія букваря, словаря и нѣкоторыхъ правилъ изъ нравоученія. Сочиненная и переведенная съ Россійскаго на Армянскій и съ Армянскаго на Россійскій языки дѣвицею *Клеопатрою Сарафовою*. Спб. 1788.

Новые разговоры, переведенные съ Россійскаго на Армянскій языкъ Армянскимъ Іеродіакономъ *Авраамомъ Богдановымъ Ваграшападскимъ*. Астрахань, 1820.

Краткій Россійско-Армянскій Словарь, соч. священника *Артемія Аламдарова*. Москва, 1821.

Учебная книга Армянскаго языка, содержащая въ себѣ сокращеніе приготовительныхъ наукъ. Составилъ *Александръ Худобашевъ*. Спб. 1838.

Армяно-Русскій Словарь, составленный по лексикону изданному въ Венеціи, и умноженный *А. Худобашевымъ*. Москва, 1838. Двѣ части.

Новая Армянская Азбука, съ отрывками для чтенія и съ глоссаріемъ. Ссоставилъ Р. Спб. 1856.

Русско-Армянскій Словарь, составленный *Г. Иринтуховымъ*. Изд. второе, дополненное и исправленное. Тифлисъ, 1876.

Кромѣ того, есть еще армянская грамматика на русскомъ языкѣ, изданная въ Венеціи, въ 1840 году, о. *Минаемъ Медици*.

Все это — сколько намъ извѣстно. *Прим. ред.*]

XI. Персидскій (новый) языкъ.

Результатомъ изложеннаго выше распоряженія Петра Великаго объ отправленіи съ Волынскимъ въ Персію пятерыхъ учениковъ московскихъ латинскихъ школъ, было то, что у насъ явились свои переводчики персидскаго языка не только въ Петербургѣ, но даже при персидскомъ Дворѣ. Такими переводчиками были *Комушкинъ*, впослѣдствіи резидентъ, а послѣ него *В. Ѳ. Братищевъ*, ко-

Digitized by Google

торый находился въ Персіи съ 1736 по 1745 годъ, сперва студентомъ, потомъ переводчикомъ, и наконецъ резидентомъ отъ Россійскаго Двора [464]). Сознавала недостатокъ въ людяхъ знающихъ персидскій языкъ и Екатерина Великая, но никакихъ мѣръ къ устраненію этого недостатка при ней не предпринималось, кромѣ только предписанія ея ввести преподаваніе этого языка въ народныхъ училищахъ „обращенныхъ къ сторонѣ персидской“ [465]). Но затѣмъ къ началу XIX столѣтія у насъ совсѣмъ не было людей свѣдующихъ основательно въ персидскомъ языкѣ, такъ-что, когда изученіе его поставлено было на твердую почву введеніемъ въ число университетскихъ предметовъ уставомъ 1804 года, своихъ ученыхъ знатоковъ по этой части у насъ не оказалось, и пришлось обратиться за ними къ Нѣмцамъ и Французамъ.

Изъ университетовъ нашихъ, преподаваніе персидскаго языка началось ранѣе другихъ въ *Казанскомъ*, именно со времени поселенія тамъ знаменитаго *Френа*; но при немъ, какъ и при преемникѣ его, *Эрдманѣ*, изученіе означеннаго языка не могло процвѣтать по причинамъ указаннымъ отчасти выше, хотя конспекты чтеній послѣдняго и отличались букетомъ учености. Въ высшихъ курсахъ Эрдманъ толковалъ избранныя мѣста изъ Пендъ-намэ Аттара, изъ историковъ Рашидъ-эд-Дина, Шерефъ-эд-Дина, Абдъ-ур-Резака, Девлетъ-шаха, изъ поэмы Юсуфъ-ве-Зюлейха, изъ стихотвореній Низами и Гафиза; читалъ исторію персидскаго государства и исторіи персидской литературы — всего по 4 часа въ недѣлю. Въ январѣ 1826, въ помощь Эрдману, поступилъ лекторомъ персидскаго языка *А. К. Казембекъ*, при которомъ дѣло пошло успѣшнѣе. Грамматическія основанія языка излагалъ онъ по Джонзу, переводилъ изъ хрестоматіи Болдырева, изъ Саади, изъ Гафиза, изъ Мирхонда — по 2 часа въ недѣлю. Занявъ каѳедру персидскаго языка по выходѣ Эрдмана въ отставку, Казембекъ въ старшихъ курсахъ упражнялъ своихъ слушателей въ переводахъ изъ Саади, Гафиза, Хакани, Аттара, „Энвари-Согейли“; читалъ миѳологію и исторію Персовъ по Фирдоуси, и исторію персидской литературы по своимъ записямъ — всего по 3 часа въ недѣлю. Съ 1849 года преподованіе персидскаго языка перешло къ *О. Ф. Готвальду*. Переводилъ онъ то же, что и его предшественники, и читалъ исторію Персіи по Малькольму, и исторію персидской литературы по Гаммеру — отъ 3 до 5 часовъ въ недѣлю.

---

[464]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей Митрополита *Евгенія*, т. I, 60; *Н. Поповъ* „Татищевъ и его время“. М. 1861, стр. 374, 379.

[465]) Указъ 27 сентября 1782 (Полное Собр. Закон. Росской Имперіи, № 15, 523).

Digitized by Google

Въ низшихъ курсахъ въ 1838 году преподавалъ надзиратель 1-й Казанской Гимназіи *Н. Д. Сонинъ*, читавшій по 2 часа въ недѣлю. Въ 1839 опредѣлили лекторомъ персіянина *Миръ-Моминова*, который имѣлъ сначала по 3, а потомъ по 6 часовъ въ недѣлю. Упражнялъ онъ студентовъ преимущественно въ правильномъ произношеніи (что при такомъ профессорѣ какъ Эрдманъ было необходимо) и разговорахъ. По смерти Миръ-Моминова въ 1845, мѣсто штатнаго лектора занялъ опять *Н. Д. Сонинъ*. Кромѣ штатнаго лектора, признано было полезнымъ, для большей успѣшности въ изученіи персидскаго языка, имѣть для нисшихъ курсовъ еще преподавателя. Такими преподавателями были: *Жуковъ*, *Ивановъ* и *Холмогоровъ*. Всѣ они проходили со студентами грамматику персидскаго языка и потомъ переводили изъ хрестоматіи Болдырева, по 4 часа въ недѣлю [466]).

Послѣ закрытія восточнаго отдѣленія въ Университетѣ, съ 1863 года преподавать персидскій языкъ вызвался безвозмездно *Н. И. Холмогоровъ*, хорошо знакомый съ предметомъ; онъ давалъ по три лекціи въ недѣлю. Одно время въ 1-мъ курсѣ преподавалъ также персидскій языкъ *Петровскій*. Въ сентябрѣ 1868 Холмогоровъ вышелъ въ отставку за выслугою лѣтъ; имъ и закончился рядъ преподавателей персидскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ [467]).

Въ *Московскомъ Университетѣ* преподавать персидскій языкъ началъ *А. В. Болдыревъ*. Преподавалъ онъ сначала переводя со слушателями Тути-намэ и Гюлистанъ Саади, а потомъ, когда составилъ и напечаталъ свою хрестоматію персидскаго языка — изъ этой послѣдней; имѣлъ отъ 1 до 3 лекцій въ недѣлю. Съ 1829 года сталъ помогать ему *М. А. Коркуновъ*, а послѣ него — *Н. Г. Коноплевъ*, который также занималъ своихъ слушателей переводами изъ Тути-намэ и Гюлистана. Болдыревъ не былъ изъ числа выдающихся оріенталистовъ, но изданіемъ Персидской Хрестоматіи своей, весьма удовлетворительно составленной, какъ по отношенію къ выбору статей, такъ и словарю для нихъ, оказалъ огромную услугу изученію персидскаго языка въ нашемъ отечествѣ, ибо этотъ трудъ долгое время служилъ, и до сихъ поръ продолжаетъ служить, или единственнымъ или главнымъ пособіемъ для учащихся вездѣ въ Россіи, гдѣ только обучали или обучаютъ нынѣшнему

---

[466]) *Фойгтъ* „Обозрѣніе“, 10-11, 12; „Отчеты“, 46-47; Отчетъ Казан. Унив. за 1854-55 г.

[467]) Извѣстія Казан. Университета за 1865 г.; Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 120, I, 20; ч. 132, I, 57; 1865 г. кн. декабрьская; ч. 140, I, 22-3.

Digitized by Google

языку Персіи. Съ удаленіемъ Болдырева изъ Университета въ половинѣ 1830-хъ годовъ, преподаваніе, какъ персидскаго, такъ и арабскаго языковъ, прекратилось тамъ на весьма долгій періодъ. Сталъ опять преподаваться персидскій языкъ въ Московскомъ Университетѣ лишь съ 1852 года, когда на каѳедру этого предмета переведенъ былъ изъ Казани *П. Я. Петровъ*; съ выходомъ-же Петрова въ отставку, въ 1875 году, персидскій языкъ вновь изчезъ изъ числа предметовъ университетскаго преподаванія въ Москвѣ.

Въ *Харьковскомъ Университетѣ* преподавалъ персидскій языкъ только одинъ *Б. А. Доркъ* въ теченіе 1829-1835 годовъ. Пользовался при преподаваніи хрестоматіею Болдырева.

Въ *Дерптскомъ Университетѣ* впервые персидскій языкъ сталъ преподавать профессоръ *Фолькъ*, объясняя преимущественно грамматику, по 2 часа въ недѣлю [468]).

Если гдѣ въ Россіи шло успѣшно преподаваніе персидскаго языка, такъ это въ Петербургѣ, какъ въ Университетѣ, такъ и въ Институтѣ Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ. И этою успѣшностію, и тамъ и тутъ, обязаны мы преимущественно двумъ лицамъ служившимъ въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ — профессору Шармуа и адъюнкту его, природному персіянину, мирзѣ Джафару Топчибашеву, прекрасно знавшимъ свое дѣло и совѣстливо относившимся къ своимъ обязанностямъ.

Шармуа (Франсуа-Бернаръ), о которомъ и прежде уже упоминалось у насъ, родившійся въ Эльзасѣ въ 1793 году, и получившій воспитаніе въ Фальцбургскомъ Коллегіумѣ, гдѣ началъ изучать еврейскій и арабскій языки подъ руководствомъ шведскаго профессора Розена, по совѣту этого-послѣдняго отправился, для дальнѣйшаго усовершенствованія своихъ оріентальныхъ познаній, въ Парижъ, гдѣ и работалъ преимущественно подъ руководствомъ знаменитаго де-Саси. Въ Петербургъ онъ прибылъ въ октябрѣ 1817 года, и былъ опредѣленъ прямо ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ персидской словесности, въ тогдашній Педагогическій Институтъ. Тогда же пріѣхалъ въ Петербургъ, съ персидскимъ посольствомъ, и мирза *Джафаръ Топчибашевъ* (род. въ Генджѣ около 1790 года). Россія понравилась молодому и красивому персу, и онъ остался у насъ. Вскорѣ послѣ того, Педагогическій Институтъ преобразовался въ С.-Петербургскій Университетъ. Каѳедра

---

[468]) Исторія Московскаго Университета, стр. 502; Біографическій словарь профессоровъ и преподав. Москов. Унив. стр. 227; Журн. Мин. Народ. Пр. 1856 г. ч. 90, I, 43; 1858 г. ч. 99, I, 19.

[469]) Ж. М. Нар. Пр. 1865 г. кн. декабрьская.

Digitized by Google

персидской словесности и въ новомъ учрежденіи осталась по-прежнему за Шармуа, а мирзу Джафара опредѣлили къ нему адъюнктомъ. Это было прекрасное совокупленіе европейской солидной учености съ живымъ и поэтическимъ азіатскимъ знаніемъ, такъ-какъ мирза Джафаръ былъ поэтъ, т. е. любилъ и умѣлъ слагать стихи. Въ іюлѣ 1822 года Шармуа вышелъ изъ Университета, а въ слѣдующемъ поступилъ профессоромъ персидскаго языка въ Учебное Отдѣленіе Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, куда, не оставляя Университетъ, послѣдовалъ за нимъ и Мирза Джафаръ. Такимъ образомъ результатами счастливой комбинаціи стало пользоваться послѣднее заведеніе. Мирза Джафаръ, преподавая въ Университетѣ въ одиночку, далеко не могъ достичь того, что достигалось совмѣстными его съ Шармуа усиліями. Азіатецъ не можетъ руководить дѣломъ, но можетъ быть отличнымъ помощникомъ европейскаго дѣльца. Въ дѣлѣ науки у него, безъ европейца, нѣтъ твердаго основанія. Въ сознаніи этого, вскорѣ и былъ принятъ въ Университетъ, для содѣйствія мирзѣ Джафару, его же ученикъ, кандидатъ Петербургскаго Университета *Граціевскій*, который и началъ преподавать грамматическія правила персидскаго языка, но къ сожалѣнію не долго, такъ-какъ оставался въ Университетѣ только до 1828 года [470]).

Съ 1831 года, *Шармуа*, оставаясь въ Институтѣ Восточныхъ Языковъ, принятъ былъ опять и въ Университетъ, и опять въ послѣднемъ возстановилась та гармонія преподаванія по персидскому языку, которая давала такіе хорошіе результаты. Шармуа относился серьезно къ грамматическимъ правиламъ и логическому анализу фразы, требовалъ отъ слушателей отчетливаго пониманія текста. Съ мирзой Джафаромъ слушатели усвояли себѣ духъ языка и его обороты, имѣя въ преподавателѣ живой образчикъ азіатско-мусульманскаго міросозерцанія и персидскаго характера со всѣми его достоинствами и недостатками. Шармуа посвящалъ въ знаніе книжнаго языка, мирза Джафаръ пріучалъ выражаться по-персидски не только правильно, но и изящно — до такой степени, что персидскій языкъ казанскихъ преподавателей казался ученикамъ мирзы Джафара не только неправильнымъ, но и дубоватымъ, татарскимъ по духу, а не настоящимъ персидскимъ. Что касается до пособій при преподаваніи, то мирза Джафаръ почти ограничивался текстами помѣщенными въ стихотворномъ отдѣлѣ хрестоматіи Бол-

---

[470]) *В. В. Григорьевъ* „И. С.-Петерб. Унив.“, стр. 15, 52, 57; *Dugat*, Hist. des orientalistes, p. 39.

Digitized by Google

дырева, прибавляя къ нимъ значительную долю изъ диваповъ Гафиза и Джелаль-эд-Дина Руми, отъ которыхъ самъ, какъ мистикъ, былъ безъ ума, и читать которыхъ, съ его комментаріемъ на персидскомъ языкѣ, было наслажденіемъ и для его слушателей. Шармуа пріучалъ учениковъ своихъ овладѣвать отчетливо такими прозаическими произведеніями, какъ Энвари-Согейли, какъ исторія Надир-шаха Мегди-хана, какъ, наконецъ, Вассафова лѣтопись. Съ осени 1835 гармонія опять разстроилась: Шармуа, выслуживъ пансіонъ, уѣхалъ въ отечество; мирза Джафаръ, въ этомъ же году повышенный въ экстраординарные профессора, остался опять въ одиночествѣ [471]).

Опять дали ему помощника - европейца — ученика его, кандидата-профессоранта *Григорьева* (Василій Васильевичъ); но Григорьевъ едва принялся за дѣло, какъ заболѣлъ. Послѣ долгаго перерыва, дали мирзѣ Джафару, въ 1842 году, другаго помощника, *Петрашевскаго* (см. о немъ выше); но и этотъ оставался въ Университетѣ только до 1849 года. Впрочемъ, въ 1849, вышелъ въ отставку, по разстроенному здоровью, и самъ мирза Джафаръ [472]).

Преемникомъ мирзѣ Джафару явился въ Университетѣ *А. К. Казембекъ*, тоже замѣчательный азіатецъ, но совсѣмъ другаго покроя чѣмъ его предшественникъ, азіатецъ тронутый европейскою наукою и цивилизаціею. О немъ тоже шла уже у насъ рѣчь. Преподаваніе персидскаго языка Казембекомъ было направлено къ образованію орьенталистовъ, какъ для ученой, такъ и для дипломатической дѣятельности. Съ этою цѣлію пользовался онъ на лекціяхъ своихъ всѣмъ что есть лучшаго по части языка и литературы Персіи, какъ въ печати, такъ и въ рукописяхъ. Кромѣ того читалъ онъ исторію персидской литературы обработанную имъ по Девлетъ-шаху и другимъ историкамъ стихотворнаго и прозаическаго творчества Персіянъ [473]).

По образованіи Факультета Восточныхъ Языковъ, когда положено было имѣть въ помощь профессорамъ, кромѣ адъюнктовъ, еще и лекторовъ, таковымъ для персидскаго языка переведенъ былъ изъ Казани *Н. Д. Сонинъ*. Онъ оставался въ Университетѣ

---

[471]) *В. В. Григорьевъ* „И. С.-Петерб. Унив.“ 57, 127, 255 и личныя его мнѣ сообщенія; *Савельевъ* „О жизни и трудахъ Шармуа“; Dugat, Histoire des orientalistes, II.

[472]) *В. В. Григорьевъ*, И. С.-Петербургскій Университетъ, стр. 255 - 256, и 379 - 380; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 36, I; ч. 62, I, 202; *В. В. Григорьевъ*, Некрологъ М. Топчибашева (въ „Извѣстіяхъ“ И. Арх. Общ. VII, 302 - 303.

[473]) „И. С.-Петерб. Университетъ“, стр. 256 - 257.

Digitized by Google

по декабрь 1859, когда, по болѣзни, вышелъ въ отставку. Умеръ въ 1861 [474]).

Замѣстилъ его природный персіянинъ мирза *Шафи Гештаспъ*, мазандеранскій уроженецъ, получившій образованіе въ Тегеранѣ, и изучившій законовѣдѣніе въ Аравіи. Въ Россію прибылъ онъ въ 1859 году, въ составѣ персидскаго посольства. Утвержденный лекторомъ въ 1863 году [475]), умеръ онъ въ 1877, оставивъ слѣдомъ преподаванія своего плохую литографированную книгу подъ заглавіемъ: Dictionnaire Mofid, persan-arabe-russe-français (St. Peterb. 1869). Умершаго замѣнилъ, допущенный временно къ преподаванію, мирза *Хасанъ Ташировъ*, изъ Собственнаго Его Величества конвоя.

Въ 1870 году, послѣ долгой болѣзни, заслуженный профессоръ Казембекъ скончался, и преподаваніе персидскаго языка возложено было временно на доцента исторіи арійскихъ народовъ *Мельгунова* (Григорій Валерьяновичъ), воспитанника Петербургскаго Университета [476]). Между тѣмъ, факультетъ Восточныхъ Языковъ, пріискивая кѣмъ бы достойно замѣстить осиротѣвшую каѳедру, рѣшился воспользоваться пребываніемъ въ Петербургѣ рѣдкаго знатока персидскаго языка, дѣйств. стат. сов *Черняева* (Сергѣй Ивановичъ), воспитанника С.-Петербургскаго Университета, ученика Сенковскаго. По окончаніи университетскаго курса въ 1836 году, С. И. посвятилъ себя дипломатической службѣ. Онъ открылъ консульство въ Астрабадѣ, перешелъ потомъ генеральнымъ консуломъ въ Тебризъ, а оттуда директоромъ дипломатической канцеляріи въ Тифлисъ, которою и управлялъ до ея закрытія. Во время 15-ти лѣтняго пребыванія на Востокѣ С. И. изучилъ персидскій языкъ какъ родной, а это обстоятельство, въ связи съ европейскимъ образованіемъ, дѣлало его для Университета рѣдкой находкой. Избранный Факультетомъ единогласно сперва на одинъ годъ на правахъ вольнонаемнаго преподавателя съ жалованьемъ доцента, С. И. съ 1872 года сталъ получать окладъ экстраординарнаго профессора. Что касается до преподаванія, то во II курсѣ онъ объясняетъ персидскую грамматику и переводитъ статьи изъ хрестоматіи Болдырева — по 1 лекціи; въ III-мъ — упражняетъ студентовъ въ переводахъ изъ Гюлистана и Бустана, изъ Шахъ-наме, изъ Энвари-Согейли — по 2 лек-

---

[474]) Тамъ же, стр. 80 примѣчаній.

[475]) Тамъ же, стр. 318, 326, 384; Актъ 8 февраля 1860; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 124, II, 192.

[476]) *В. В. Григорьевъ*. l. c. стр. 383-4; Протоколы Совѣта С.-Петерб. Университета, № 3.

Digitized by Google

ціи; въ IV-мъ — переводитъ газели Гафиза, и съ русскаго языка на персидскій; кромѣ того читаетъ исторію персидской литературы — по 2 лекціи въ недѣлю [477]).

Въ *Институтѣ Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ* преподаваніе персидскаго языка, благодаря Шармуа и мирзѣ Джафару, поступившимъ въ это заведеніе почти въ одно время, шло также успѣшно, какъ и въ Университетѣ, но съ тою разницею, что здѣсь оба преподавателя, не разлучаясь, постоянно дѣйствовали вмѣстѣ; что мирза Джафаръ, оставивъ, въ 1849 году, Университетъ, службу свою въ Институтѣ продолжалъ до самой смерти своей, въ 1867 году; и что преемникомъ Шармуа былъ никто другой какъ *Демезонъ*; мирзу-же Джафара замѣнилъ *Казембекъ Абединовъ* изъ бакинскихъ Татаръ, преподающій и въ настоящее время.

Въ *Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ*, послѣднимъ преподавателемъ персидскаго языка былъ *С. И. Назаріанцъ*, перешедшій сюда изъ Казанскаго Университета въ 1849 году, и преподававшій до самой смерти своей въ 1879.

Въ Одесскомъ Институтѣ В. Я. преподавался персидскій языкъ еще до присоединенія его къ Лицею, но преподаваніе продолжалось не долго: оно прекратилось за болѣзнію преподавателя [478]). По присоединеніи-же Института къ Лицею персидскій языкъ преподавали тѣ же лица, которыя обучали и турецкому съ арабскимъ.

Руководствами при изученіи персидскаго языка въ гимназическихъ классахъ Института были приняты: „Краткая грамматика персидскаго языка, сочиненная и переведенная съ персидскаго маіоромъ Аббасъ - Кули Агою Бакихановымъ“ (Тифлисъ, 1841), и хрестоматія Болдырева [479]).

Въ Первой Казанской Гимназіи преподаваніе персидскаго языка началось со времени *Эрдмана*, который въ 1825 году вызвался преподавать его тамъ безвозмездно. Съ августа 1826 его замѣнилъ кандидатъ Каз. Унив. *Фойгтъ* (Карлъ Карловичъ), окончившій курсъ

---

[477]) Протоколы засѣданій Совѣта С.-Петерб. Университета, № 4.

[478]) *Скальковскій* „Участіе Одессы на поприщѣ наукъ“ (Сынъ Отечества 1842 г. кн. VI, 46 - 47). По-видимому этимъ преподавателемъ былъ *Курляндцевъ*, воспитанникъ С.-Петербургскаго Университета, который, по окончаніи курса, отправился при миссіи въ Китай, но черезъ два года вернулся оттуда и былъ опредѣленъ преподавателемъ восточныхъ языковъ въ Одессу, служилъ затѣмъ въ канцеляріи мѣстнаго Генералъ - Губернатора, и, въ-заключеніе, перешелъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ; умеръ на островѣ Родосѣ (см. *Плетнева* „Двадцатипятилѣтіе И. С.-Петербургскаго Университета“. стр. 64 - 65).

[479]) Новороссійскій календарь на 1852 г. стр. 362.

Digitized by Google

по разряду арабско-персидской словесности въ томъ же въ 1826 году. Въ 1848 онъ отказался отъ преподаванія персидскаго языка, былъ впослѣдствіи попечителемъ Харьковскаго Учебнаго Округа, и окончилъ карьеру свою въ должности члена Совѣта министра народнаго просвѣщенія и предсѣдателя Ученаго Комитета при этомъ министерствѣ [480]). Въ одно время съ Фойгтомъ преподавалъ персидскій языкъ въ означенной гимназіи и *А. К. Казембекъ* (до 1836 года [481]). Фойгта-же смѣнилъ дѣйствительный студентъ Казанскаго Университета по арабско-персидской словесности, выпуска 1847 года, *Поповъ* (Константинъ), оставшійся въ 1855 году за штатомъ [482]). Для практическихъ занятій съ учениками Гимназіи служили тамъ *Н. Д. Сонинъ* и надзиратель *Аліевъ* [483]).

Въ Астраханской Гимназіи первымъ преподавателемъ персидскаго языка былъ природный персіянинъ мирза *Абдуллахъ*, вызвавшійся преподавать безвозмездно [484]); затѣмъ преподавали: природный же персіянинъ тит. сов. *Визиревъ* [485]), *И. Н. Хлмогоровъ*, вышедшій изъ Гимназіи въ 1843 году [486]), и *В. Ильинъ* [487]).

Въ *Оренбургской Прогимназіи* персидскій языкъ въ послѣднее время преподавалъ *Александровъ* [488]).

[Тексты помѣщенные во второмъ изданіи „Персидской Хрестоматіи“ Болдырева (404 страницы) и Словарь къ этимъ текстамъ (420 стр.), какъ будто упразднили у насъ всякую потребность въ новыхъ такого рода пособіяхъ для изученія персидскаго языка. Въ теченіе 45-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ не появлялось ни другой хрестоматіи, ни другаго словаря; вышли въ свѣтъ (за исключеніемъ помянутаго выше труда Бакиханова) только „Грамматика персидскаго языка“ *И. Н. Березина* (передѣлка Вуллерсовой), Казань, 1853, да „Учебникъ персидскаго языка, составленный *Восканомъ Іоаннисіанцъ*, Москва, 1856. *Прим. ред.*].

---

[480]) *Владиміровъ* „Казанская гимназія“, стр. 40-41; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 60, I, 18.

[481]) *Владиміровъ* „Казанская гимназія“, стр. 52-53.

[482]) Тамъ же, стр. 60.

[483]) Тамъ же, стр. 59-60.

[484]) Періодическія сочиненія, ч. XXXI, стр. 210-211.

[485]) Записки Департам. Народнаго Просвѣщенія за 1827 г. кн. V, 27-28.

[486]) Протоколы Сов. Казан. Университета за 1868 г.

[487]) *Фойгтъ*, Отчетъ за 1844 г. стр. 253.

[488]) „Географическія Извѣстія“ 1874 г. отд. II, 242.

Digitized by Google

XII. Афганскій языкъ.

Преподавался въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ продолженіе 1855-1857 годовъ, вслѣдствіе того только что академикъ *Б. А. Дорнъ*, первый изъ европейскихъ ученыхъ взявшійся за изученіе этого языка [489]), вызвался преподавать его безвозмездно; а когда, за множествомъ другихъ занятій, отказался онъ отъ этого, то объ афганскомъ языкѣ не заходило уже болѣе и рѣчи.

XIII. Грузинскій языкъ.

Въ первый разъ вниманіе нашего правительства обращено было на грузинскій языкъ ради цензурныхъ цѣлей. Въ 1737 году, св. Синодъ обратился въ Кабинетъ Министровъ за разрѣшеніемъ перевода священныхъ книгъ на грузинскій языкъ. Кабинетъ не только разрѣшилъ сдѣлать просимый переводъ, но еще „наикрѣпчайше рекомендовалъ“ и впередъ имѣть при Синодѣ такихъ людей, которые обучались бы грузинскому языку, чтобы могли „освидѣтельствовать“ книги на этомъ языкѣ [490]). Въ учебныя-же заведенія введенъ былъ грузинскій языкъ лишь въ началѣ настоящаго столѣтія, именно въ 1803 году, когда учреждено было въ Тифлисѣ „Училище грузинскаго и россійскаго языка“. Училище состояло изъ двухъ классовъ съ комплектомъ, на первый разъ, въ 25 учениковъ, а черезъ три года — на 50. Главное попечительство надъ этимъ училищемъ возложено было на главноуправляющаго Грузіей [491]). Затѣмъ грузинскій языкъ сталъ преподаваться въ Лазаревскомъ Институтѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ Закавказскаго Края, въ Новочеркасской Гимназіи и С.-Петербургскомъ Университетѣ [492]).

Въ послѣднемъ преподаваніи грузинскаго языка возымѣло мѣсто еще до основанія существующей нынѣ каѳедры грузинской словесности, именно съ 1841-1842 учебнаго года. Этимъ Университетъ былъ обязанъ нашему заслуженному академику *М. И. Броссе*, вызвавшемуся преподавать его воспитанникамъ Университета изъ закавказскихъ уроженцевъ. Но преподаваніе это скоро и

---

[489]) *Dugat*, Histoire des Orientalistes, p. 76-78; Ж. Мин. Нар. Пр. 1834 г. ч. III, 442-443; Bulletin scientifique de l'Academie de St. Pétersb. t. X.

[490]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. № 7411.

[491]) Сборникъ постановл. по министерству народн. просвѣщенія, т. I, стр. 102-104.

[492]) Кромѣ того, грузинскій языкъ, вмѣстѣ съ татарскимъ, преподавался во 2-й С.-Петербургской Гимназіи, для воспитанниковъ Закавказскаго Края въ ней обучавшихся (см. „Отчетъ“ министра Нар. Просв. за 1855 годъ, въ журналѣ этого Министерства за 1856 г. ч. 90, стр. 86).

Digitized by Google

прекратилось. Съ образованіемъ, въ 1845 году, штатной каѳедры грузинскаго языка, онъ точно также преподавался лишь закавказскимъ уроженцамъ. Общимъ университетскимъ предметомъ сталъ этотъ языкъ только съ 1855 года. Въ концѣ 1844 года преподавателемъ грузинскаго языка въ здѣшній университетъ поступилъ *Чубиновъ* (Давидъ Іессеевичь), чиновникъ Азіатскаго Департамента, природный грузинъ, получившій образованіе въ Петербургѣ, сперва въ Анненской Школѣ, а потомъ въ Университетѣ, откуда вышелъ онъ въ 1840 году со степенью дѣйствительнаго студента. Въ сентябрѣ 1848 г. утвержденъ былъ онъ въ званіи адъюнкта, въ августѣ 1855 г. повышенъ въ экстраординарные, а въ мартѣ 1861 — въ ординарные профессора. Кромѣ преподаванія грузинскаго языка, Д. І. читалъ своимъ слушателямъ исторію Грузіи, исторію грузинской литературы и обозрѣніе нарѣчій грузинскаго языка [493]). Преподавательская дѣятельность Чубинова ознаменовалась изданіемъ всевозможныхъ пособій для изученія грузинскаго языка, составленныхъ какъ имъ самимъ, такъ отчасти и его дядею. Напечатаны имъ въ Петербургѣ: въ 1840 году — большой Грузино-русско-французскій словарь; въ 1846 — Русско-грузинскій словарь; въ 1855 — Грамматика грузинскаго языка и, наконецъ, Христоматія грузинская. Оставилъ службу при Университетѣ въ ноябрѣ 1871 года, долгое время пробывши между Грузинами въ Петербургѣ такимъ же свѣтиломъ науки по части всего грузинскаго, какимъ продолжаетъ пребывать г. Эминъ между московскими Армянами по части всего армянскаго.

Послѣ Чубинова на каѳедру грузинскаго языка опредѣленъ былъ *Цагарели* (Александръ Антоновичь), воспитанникъ Тифлисской Духовной Семинаріи, получившій университетское образованіе преимущественно за границей, въ Мюнхенѣ, Тюбингенѣ и Вѣнѣ. Въ 1871 году получилъ онъ въ Петербургскомъ Университетѣ степень кандидата по армяно-грузинскому разряду, а въ слѣдующемъ году, по защитѣ диссертаціи pro venia legendi, поступилъ въ Университетъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ грузинской словесности. Въ маѣ 1874 года былъ онъ удостоенъ степени магистра, а въ сентябрѣ того же года утвержденъ штатнымъ доцентомъ по этой каѳедрѣ [494]).

Студентамъ I и II курсовъ Цагарели излагаетъ грамматику грузинскаго языка, по 2 лекціи въ недѣлю; въ III и IV, перево-

---

[493]) Имп. С.-Петерб. Унив. стр. 118, 269-270; Ж. М. Нар. Пр. ч. 60, I, 16; ч. 87, I, 41; за 1861 г. часть оффиц. стр. 121.

[494]) Протоколы Совѣта, № 11.

Digitized by Google

дить грузинскихъ авторовъ, по 1 часу, и читаетъ исторію Грузіи, также по 1 часу въ недѣлю.

Въ *Лазаревскомъ Институтѣ* грузинскому языку обучалъ протоіерей *Гургенидзе*, а потомъ князь *Накашидзе*, вышедшій въ отставку въ 1862 году [495]). По открытіи спеціальныхъ классовъ въ 1871 году, на каѳедру грузинскаго языка опредѣленъ, въ званіи доцента, старшій учитель того же института тит. сов. *Окромчеделовъ-Серебряковъ* [496]).

[„Краткая Грузинская Грамматика", изданная въ Петербургѣ въ 1802 году, была, кажется, первымъ пособіемъ къ изученію грузинскаго языка, появившимся на русскомъ. Затѣмъ въ 1820 году, въ Петербургѣ, напечатанъ „Самоучитель, содержащій въ себѣ грамматику, разговоры, нравоученія и лексиконъ, на Россійскомъ, и Грузинскомъ языкахъ, соч. *Годерзія Фиралова*". Въ 1839 году, въ Петербургѣ, изданъ *Сулхановымъ* „Словарь методическій грузино-французско-русскій", и наконецъ, въ 1869 году, въ Тифлисѣ, вышелъ „Сокращенный самоучитель грузинскаго и русскаго языковъ". Вотъ все, что имѣется у насъ по части пособій для изученія грузинскаго языка, сверхъ трудовъ Чубинова. *Прим. ред.*]

XIV. Аварскій языкъ.

Кромѣ двухъ главныхъ языковъ Кавказа и Закавказья, армянскаго и грузинскаго, преподавался у насъ еще, въ Новочеркасской Гимназіи, и аварскій (вѣтвь лезгинскаго). Въ 1862 году обнародованы были права по чинопроизводству учителя аварскаго языка, при чемъ на должность эту положено вызывать изъ ученыхъ туземцовъ. Таковой, впрочемъ, могъ пользоваться правами службы только тогда, когда въ теченіе четырехъ лѣтъ докажетъ свои педагогическія способности въ занятіяхъ съ воспитанниками и, взамѣнъ экзамена въ университетѣ, составитъ учебникъ, который Академіею Наукъ или Учебнымъ Отдѣленіемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, или Кавказскимъ Начальствомъ будетъ признанъ полезнымъ пособіемъ для изученія аварскаго языка. Тогда же утвержденъ былъ въ званіи старшаго учителя аварскаго языка тит. сов. *Магометъ Хандіевъ* [497]).

---

[495]) Отчетъ о состояніи Лазарев. Инст. за 1862-63 годъ, стр. 12.

[496]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1871 г. ч. 157, I, 34.

[497]) Ж. М. Нар. Пр. 1862 г. ч. 113, отд. I, стр. 3-4 и 13. Пособіями къ ознакомленію съ аварскимъ языкомъ могутъ служить два труда академика А. А. Шифнера: Versuch ueber das Awarische (St. Petersburg, 1862) и Ausführlicher Bericht ueber Baron P. von Uslar's awarische Studien (ibid. 1872).

Digitized by Google

XV. Черкесскій языкъ.

Собственно говоря, черкесскаго языка нѣтъ, а называется такъ смѣшанный языкъ, образовавшійся изъ разныхъ горныхъ нарѣчій. Исторія введенія преподаванія у насъ этого языка довольно поучительна. Кавказскія племена говорящія этимъ якобы - черкесскимъ языкомъ не имѣютъ не только литературы, но даже и письменности. Мы задумали дать имъ и то, и другое. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, начальство пригласило преподавать черкесскій языкъ въ Ставропольской Гимназіи природнаго черкеса *Омара Берсѣева*, получившаго образованіе въ Парижѣ на счетъ египетскаго паши. Берсѣевъ, кромѣ французскаго языка, владѣлъ и русскимъ. Поступивъ въ Гимназію, онъ тотчасъ же принялся за составленіе черкесскаго алфавита примѣнительно къ арабскому. На казенный счетъ были отпечатаны его азбуки и переводы съ русскаго и другихъ языковъ на составленный имъ „черкесскій“ языкъ. Затѣмъ Берсѣевъ подготовилъ двухъ учителей этого языка изъ Черкесовъ: одинъ поступилъ въ Екатеринодарскую гимназію, а другой — въ Новочеркасскую. Девять лѣтъ всѣ усилія употребляли эти три учителя чтобы привить народу составленную ими грамоту, но не имѣли ни малѣйшаго успѣха: дальше означенныхъ заведеній она не пошла. Тогда преподаваніе черкесскаго языка было отмѣнено, а огромные запасы букварей и книгъ проданы на макулатуру [498]).

Настоящее обозрѣніе вышло совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ предполагалось. При составленіи его имѣлось въ виду показать возникновеніе и положеніе изученія восточныхъ языковъ въ Россіи, упомянуть не только объ учившихъ, но и о тѣхъ которые обучались у нихъ восточнымъ языкамъ, и сообщить вкратцѣ о дальнѣйшей судьбѣ ихъ, изъ чего было-бы видно, насколько восточные языки примѣнялись у насъ къ дѣлу и какую, поэтому, принесли пользу. Но, на первыхъ же порахъ, пришлось отказаться отъ такой мысли вслѣдствіе недостатка въ доступномъ матеріалѣ. Очень часто намъ

---

[498]) *Я. М. Невѣровъ* «Къ вопросу объ образованіи инородцевъ» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1869, ч. 146).

Я. М. Невѣровъ — вовсе не авторитетъ въ дѣлѣ азіатской лингвистики, чтобы слова его по этому предмету можно было принимать на вѣру. Азбука Берсѣева могла быть, дѣйствительно, непригодною для черкесскаго (собственно адигскаго) языка, но это не говоритъ противъ существованія самаго языка, словарь и грамматика котораго изданы въ 1846 году, въ Одессѣ, *Л. Лулье.* *Прим. ред.*

Digitized by Google

ничего неизвѣстно даже о заведеніяхъ, не только что о преподавателяхъ и ученикахъ. Главная тому причина — что не всѣ учебныя заведенія печатали отчеты о своей дѣятельности (на-примѣръ, Институтъ Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ, просуществовавшій болѣе 50 лѣтъ, ничѣмъ не заявилъ въ печати о своемъ существованіи [499]); а въ иныхъ „историческимъ запискахъ“ не достаетъ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній (на-примѣръ, въ Исторіи Лазаревскаго Института сообщаются мельчайшія подробности касательно возникновенія его, а о преподавателяхъ, въ которыхъ вся-то суть и заключается, не упомянуто вовсе). Понятно, слѣдовательно, что предположенную работу можно было исполнить только при содѣйствіи лицъ, которые на мѣстѣ могли-бы собрать нужныя свѣдѣнія. Я и обращался къ нѣкоторымъ лицамъ, имѣвшимъ полную возможность оказать дѣлу свое содѣйствіе; и обѣщали они доставить мнѣ нужныя свѣдѣнія; но, какъ у насъ водится, не сообщили ни слова. Между тѣмъ, во многихъ заведеніяхъ преподаваніе восточныхъ языковъ упразднено, а нѣкоторыя заведенія, въ которыхъ они преподавались, давно уже закрыты (на-примѣръ, Кяхтинская школа, Омская азіатская, и др.): слѣдовательно, составленіе записокъ о нихъ, во-первыхъ, вполнѣ возможно и удобно, такъ-какъ пришлось-бы имѣть дѣло съ совершившимся фактомъ, вполнѣ законченнымъ; во-вторыхъ, необходимо, хотя-бы потому, что архивы не могутъ еще застраховывать документы отъ истребленія.

Если я и рѣшился предать печати настоящее обозрѣніе со всѣми его пробѣлами и недостатками, то потому единственно, что оно можетъ вызвать работниковъ дополнить начатый трудъ: ради этого и указывалъ я старательно на пособія которыми пользовался, чтобы привести въ извѣстность хотя имѣющійся печатный матеріалъ [500].

---

[499]) Приведенными здѣсь указаніями о преподавателяхъ Института я обязанъ исключительно директору его, М. А. Гамазову.

[500]) При перечисленіи, въ настоящемъ трудѣ, изданныхъ въ Россіи по собій къ изученію восточныхъ языковъ пропущены, замѣчено, слѣдующія:

По монгольскому языку — Грамматика этого языка (Спб. 1832) и Монголо-нѣмецко-русскій словарь (Спб. 1835), изданные академикомъ *Я. Шмидтомъ*, и *Кастреновъ* Versuch einer Burjätische Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss (St. Petersburg, 1857).

По тюркскимъ нарѣчіямъ — „Новые разговоры на россійскомъ, турецкомъ и татарскомъ языкахъ, составленные *Г. Л. Цилоссани*“(Тифлисъ, 1856) и „Дополненіе къ тюркской грамматикѣ“ (Казембека) *И. Н. Березина* (Спб. 1846).

По армянскому — „Учитель русскаго и армянскаго языковъ. Изд. *Г. Сукіясовъ* (Москва, 1839). *Прим. ред.*

Digitized by Google

Недовѣсокъ

Въ представленномъ обозрѣніи не имѣлось первоначально въ виду упомянуть обо всѣхъ изданныхъ въ Россіи или на русскомъ языкѣ пособіяхъ къ изученію тѣхъ восточныхъ языковъ о которыхъ идетъ въ немъ рѣчь: намѣреніе это принято было когда половина нашей работы находилось уже въ наборѣ. Оттого, въ перечисленіи нами означенныхъ пособій пропущены многія, и, какъ видимъ теперь, при просмотрѣ отпечатанной окончательно статьи нашей, пропуски эти не восполнены и въ дополненіяхъ отъ редакціи „Трудовъ". Такъ, не упомянуты слѣдующія пособія:

По китайскому языку: 1) Русско-китайскій словарь разговорнаго языка (пекинскаго нарѣчія). Составилъ *І. Исаія*, пекинскій миссіонеръ. Пекинъ, 1867; 2) Русско-китайскій словарь *Е. И. Носкова* (литографированный) съ „Дополненіемъ" къ нему, напечатаннымъ, въ 1868 году, въ Тянь-цзинѣ; 3) Русско-китайскій словарь, составленный *П. С. Поповымъ*. Спб. 1879 (743 стр. въ 8 д. л.).

По маньчжурскому: 1) *В. П. Васильева:* Маньчжурско-русскій словарь, составленный для руководства студентовъ (въ дополненіе къ его же маньчжурской хрестоматіи). Спб. 1866; 2) *А. Орлова:* Грамматика маньчжурскаго языка. Спб. 1873.

По монгольскому — „Опытъ русско-калмыцкаго словаря, составленный *П. Смирновымъ*. Казань, 1857.

По тюркскимъ языкамъ: 1) *Вагабова:* Русско-татарская азбука въ коей помѣщены употребительнѣйшія слова, разговоры, краткія повѣсти и пѣсни сѣверныхъ Татаръ. Казань, 1852; 2) Краткая татарская грамматика, изложенная въ примѣрахъ. Составлена *К. Насыровымъ*. Казань, 1860; 3) *Фейзханова:* Краткая учебная грамматика татарскаго языка. Спб. 1862 (литографирована); 4) *Бекчурина:* Начальное руководство къ изученію арабскаго, персидскаго и татарскаго языковъ. Казань, 1859; 5) *К. Насырова*: Татарско-русскій словарь. Казань, 1878.

По арабскому: 1) *О. Ф. Готвальда:* Арабско-русскій словарь (для Корана и Муаллакъ). Казань, 1854; 2) *В. Ѳ. Гиргаса:* Очеркъ грамматической системы Арабовъ. Спб. 1873.

Digitized by Google

94
90

По санскритскому: 1) *О. Бетлинга* (въ сотовариществѣ съ Р. Ротомъ): Sanscrit (deutsch) Wörterbuch. St. Petersburg, 1855—1875, 7 vol. in-4, и Sanscrit-Chrestomatie, ibid. 1877 (втор. изданіе); 2) *К. А. Коссовича:* Санскрито-русскій словарь (неоконченный). Спб. 1854; 3) *В. И. Шерцля:* Санскритская грамматика. Часть 1-я. Харьковъ, 1873.

Въ устраненіе недоразумѣній, считаемъ нелишнимъ оговорить: а) что въ перечисленіе пособій не введены нами азбуки или буквари; б) что перечисленіе относится только къ языкамъ преподававшимся въ Россіи, почему и не упомянуто о пособіяхъ имѣющихся къ изученію тибетскаго, корейскаго, гольдскаго, Айнскаго и другихъ, сибирскихъ и кавказскихъ, языковъ; и 3) что хотя и упомянуто у насъ мѣлькомъ о преподаваніи чувашскаго и черемисскаго языковъ, но о пособіяхъ къ изученію ихъ умолчано, на томъ основаніи что принадлежатъ они къ семьѣ уральскихъ, а не тюркскихъ языковъ, о преподаваніи которыхъ шла у насъ рѣчь.

Н. Веселовскій

BINDING CO.
A 30
AA
ROL MARK
5196
Digitized by Google

Digitized by Google

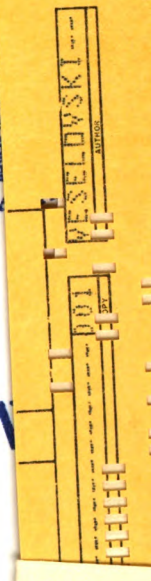
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 07037 2746

BOOK CARD
DO NOT REMOVE
A Charge will be made
if this card is mutilated
or not returned
with the book
GRADUATE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ANN ARBOR, MICHIGAN



GL

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CA

Digitized by Google